

Дай мне

ВТОРОЙ ШАНС

Татьяна Садарская

Идя в кабинет нового начальника, я готовилась к увольнению, но вместо этого получила предложение: — Я тебя не уволю, но у меня есть условие — ты сводишь к минимуму свое общение с парнем моей сестры. Только рабочие вопросы. Забудь о том, что вы были в отношениях. — Мне никто не поверит, — качаю отрицательно головой. — Поверят. — твердо отвечает начальник. — Потому что с этого момента, для всех, ты моя девушка.

Глава 1

Одергиваю платье и выдавливаю улыбку. Сердце стучит где-то в горле, а руки мелко дрожат.

День рождения Аленки, настроение у всех на высоте, только смех, танцы и веселье, а я нервничаю словно пришла сдавать экзамен. Далеко не первый праздник, который я посещаю, компания знакомая, но этот день особенный, не только для Аленки, но и для меня, а особенный равно волнительный.

— Так, первый пошел, — задорно кричит именинница, когда в випку заходит девушка-официант с первой партией коктейлей.

Яркие напитки разлетаются по рукам, не успев коснуться полированной поверхности стола и тут же наперебой от гостей летят первые тосты. Тоже выхватываю ярко розовый напиток и даже пару глотков делаю.

Сладко.

Хочется запить, но воды здесь точно не найдешь. Только коктейли и целый стол закусок.

Все в лучшем виде — вип кабинка в клубе и только близкие друзья. Не хватает *только его*. Но я точно знаю, что придет и жду.

Две недели, как он ушел, бросив короткое “мы расстаемся”. И две недели моей агонии, когда не понимаешь “почему?” и “за что?”, когда еще любишь и сложно осознать, что все, конец. Как раньше, уже не будет.

Не знаешь, что страшнее — “я тебя разлюбил”, “ты мне надоела” или вот так, без всяких объяснений. Вопросы то никуда не делись, они роятся в голове, как пчелы и так же больно жалят.

Две недели пустоты в квартире и на работе. Он не появлялся ни там, ни там. Длинные гудки в телефоне и “отпуск за свой счет” — единственное, что узнала в бухгалтерии.

Но сегодня он будет. Уверена, что это мероприятие не пропустит. Нас обоих пригласили и прийти мы должны были вместе, но сложилось по другому. Поэтому жду и ожидание не напрасно, когда во входной арке вижу знакомый силуэт.

Ни полумрак, ни снующие туда-сюда друзья не способны заставить сомневаться. Это точно он. Антон.

Я не вижу лица, но мне этого и не надо. Разворот плеч, поза, даже то, как едва поворачивая голову он осматривает всех присутствующих — в этом весь он. Ни с кем не спутаешь.

Еще сильнее нервничаю. Я его столько не видела. Соскучилась. Сердце в груди сделало кульбит. Настраивала себя на то, чтобы вести себя спокойнее, но не выходит. Только увидела и хочется вскочить, броситься навстречу.

Но меня пригвождает к месту, когда он отступает на шаг назад, а в кабинку вливается *она*.

Если бы стояла, то точно упала, но я сижу и даже это не сильно помогает — от того, что видят мои глаза, земля раскаляется под моими ногами. И в груди давит, заставляя болезненно растирать кожу, будто это способно заглушить боль душевную.

Его рука удобно лежит на ее талии. Она, как котенок, жметя к его боку. У обоих от счастья сверкают глаза. Нет, в темноте этого не видно, но я уверена.

“Он не мог так со мной поступить”, - бьется в мозгу болезненная мысль.

“Мог и поступил”, - прилетает очевидное в ответ.

Иллюзия рассыпалась. Зря убеждала себя, что все это слухи.

Ариша, его большая любовь, вернулась, а я только отмахивалась, глупо надеясь, что это ничего не изменит.

Непроходимая дура!

Ведь на что-то еще надеялась. Думала встретимся здесь и поговорим. Надо было догадаться, что он приведет ее сюда. Идиотка!

Вот только и Антон прекрасно знал, что я буду здесь. Ему даже на секунду не пришла в голову мысль, что мне будет больно? Или то, что я не устроила грандиозный скандал, когда он сказал что уходит, автоматически делает меня бездушным бревном? Видимо, нужно было кричать и бить посуду, а не попытаться сохранить остатки гордости и... надежды, что все образуется.

— Юльк, я не знала. Я не приглашала ее. Я даже не в курсе была, что она вернулась. Он к ней что ли..? — быстрый лепет Аленки, заканчивается шокировано раскрытым ртом.

Она, как и все друзья даже не были в курсе нашего разрыва. Теперь уже знают.

Аона, да, вернулась. Ровно месяц назад. После трех лет отсутствия. И ровно две недели назад мы с Антоном расстались.

Наверное, надо сказать "спасибо" ему за честность, что не обманывал и не изменял? Вот только не могу, мне совсем от этого не легче.

— Ребята, я вернулась, — звонко восклицает Арина.

Все сидящие за столом выдавливают из себя улыбки, потому что «да», она тоже из их компании. Их хорошая подруга. Для Аленки это был бы очень хороший подарок на день рождения, если б не ситуация, что здесь сижу я, бывшая девушка парня, с которым она пришла. А пока всем неловко — они рады видеть ее, но при этом вроде понимают, как неприятно мне и бросают на меня косые тревожные взгляды.

Бывшая и нынешняя в одной компании — вот такая неловкая ситуация.

С ней мы лично не были знакомы, не настолько все запущено. Просто Антон привел меня в эту компанию и вот уже без малого два года я считала себя ее частью. И, может, мне было бы легче, если б мы расстались давно, а так какие-то гребанные две недели.

— Ребята, знакомьтесь, это мой брат Саша. Аленчик, ты же не против, что я его привела? — весело щебечет девушка, указывая на мужчину, которого до этого я даже не заметила.

Складывает руки в умоляющий жест и глазами кота из Шрека смотрит на именинницу.

Даже мельком не смотрю на того, о ком она говорит. Мне не интересно. Мне больно. И все что могу, это прожигать взглядом Арину и Антона.

Аленка снова бросает на меня быстрый сочувствующий взгляд. Она растеряна и не знает, как поступить, вот только я ей помочь сейчас не могу. Самой бы справиться со всем тем спектром эмоций, который беспощадно разрывает на части.

Давлю неприятные ощущения от внезапного укола в груди и одним махом заправского алкоголика выпиваю коктейль.

— Кстати, Саша, составишь компанию девушке, раз вы оба сегодня здесь одни. — переводит тему Арина и с улыбкой смотрит на меня. — Он очень хороший собеседник. Я, кстати, Арина, — и тянет ко мне руку, видимо чтобы поздороваться.

Вот такая веселая, дружелюбная девушка Арина. Заметила, что я сегодня единственная

здесь без пары и пытается подsunуть мне своего брата. Интересно, когда она поймет, кто я такая, она будет так же любезна? Хотя у меня есть и другой интересный вопрос — Антон-то почему ее не тормозит? Или считает, что я так же легко, как и он, смогла через все переступить и пойти дальше?

Арина так и остается стоять с протянутой рукой, а я, игнорируя ее, одним махом допиваю свой коктейль. И видимо делаю я это очень красноречиво, потому что улыбка слетает с лица у Ариши — как ее тут все называют — принцесска, блин.

— Вашему брату придется найти для себя другую компанию на вечер, — встаю, покачнувшись на каблуках.

Поправляю платье, которое надела специально для мужчины, который пришел с другой, беру в руки сумку и настраиваю себя, просто спокойно уйти.

Дальше этот цирк поедет без меня. Я уже достаточно народ развлекла. Как бы мне не хотелось устроить скандал, позориться еще больше, чем сейчас, не стану.

— Алена, прости меня, пожалуйста, — оборачиваюсь к подруге и натягиваю насколько возможно дружелюбную улыбку, — я подарок подарила, коктейли за здоровье выпила, но у меня всплыла непредвиденная встреча, которую я никак не могу отменить. — вру без зазрения совести. — Кстати, этот подарочек понравится не только тебе, — подмигиваю ее рядом сидящему парню, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

Получается из рук вон плохо.

В этой ситуации подарок, единственное, что есть хорошего. Сертификат в магазин нижнего белья, на которое Аленка смотрела, как худеющий на шоколадку, но никак не могла решиться. Ее парень, уверена, тоже потом оценит.

Понятное дело, мне никто не верит, но натягивают такие же искусственные улыбки, как и я.

Но это максимум, на что я сейчас оказалась способна.

Обхожу по дуге Арину и, как солдат на плацу, вышагиваю в сторону выхода, где все еще стоит Антон. Хотелось бы мне находиться от него подальше, но он все еще стоит в проходе и хочу я или нет, пройти мне придется мимо него.

Шаг, два, три...

“Я справлюсь, я справлюсь, я справлюсь” — повторяю себе, как мантру, которая нифига не работает, но хоть отвлекает.

Перед глазами арка-выход, но меня перехватывает за руку Антон.

Если я до этого думала, что все молча наблюдают, то зря. Теперь наблюдатели за спиной, кажется дышать перестали. Затылком чувствую, как меня прожигают любопытные взгляды. Друзья друзьями, но поглазеть на разборки бывших святое дело.

— Ты могла бы остаться, — Антон твердо смотрит мне в глаза и понижает голос, чтобы слышала только я, благо музыка, которая долбит в приоткрытую дверь этому только способствует, — ты же понимаешь, что испортишь этим уходом весь праздник? — шепчет и давит своим взглядом, как делает всегда, когда хочет чтобы ему подчинились.

Когда-то, именно от этого взгляда, я сходила с ума — чувствовала рядом с собой сильного мужчину и млела, как девчонка — сейчас же меня это злит.

— Есть два варианта, — отвечаю в тон ему поочередно отцепляя его пальцы от своей руки, — либо я просто ухожу и вы пытаетесь спасти этот вечер, либо я остаюсь, но будь уверен, что тогда громкого скандала не избежать, потому что долго спокойно себя вести я не буду, — выдерживаю его взгляд и с вызовом смотрю в ответ. — И будучи до конца честным,

ты должен был предупредить, что приведешь сюда ее.

Все что угодно готова увидеть в его глазах в ответ на мои слова, только не насмешку. Будто шутку рассказала, чтобы его развеселить.

— Я больше тебе ничего не должен Юля. Если ты не заметила, мы расстались. Ты же умная, могла догадаться, что я не стану прятать свою любимую и она будет сегодня со мной. Ты сама пришла, так что давай без истерик. Надеюсь на твое благоразумие, нам еще вместе работать или... сделай подарок для всех и не приходи.

От возмущения не могу и слова сказать. Это он предложил мне сейчас уволиться? Передо мной точно тот же самый человек, которого любила или за две недели его подменили?

Дергаюсь от него в сторону и больше не задерживаясь покидаю клуб.

Только я еще не знаю, что работать мне предстоит не только с ним. А из успешной сотрудницы, с перспективой повышения, превращусь в персону нон грата.

Уволиться? Не дождутся!

Глава 2

Казалось все знают. Стоило появиться в понедельник в отделе, как все взгляды скрестились на мне.

Честно разобраться, смотрели на меня потому что я опоздала. За все время, что я здесь работаю, это произошло впервые. Всегда вовремя или чуть раньше, но не сегодня.

Вечер субботы будто выпал из памяти. Не помню, как вернулась из клуба домой, не помню что делала в тот вечер. А вот в воскресенье я расклеилась. Ходила из угла в угол, просто лежала и только утром, после бессонной ночи, соскребла себя с постели и заставила собираться на работу. Сделать это было не просто, итог — опоздание и косые взгляды коллег и Антона, который соизволил таки явиться на работу.

Все эти две недели упорно думала, что это все бред или сон. Вот сейчас проснусь и все будет, как раньше — он посапывает лежа на боку, а я прижимаюсь к нему сзади, прижавшись щекой между лопаток.

Если бы он вчера появился в клубе один, мое воображение продолжило бы рисовать иллюзорные картинки, отрывая от реальности — нас усадили бы рядом на один диван, мы бы невольно общались — все в порядке. Так ведь? Только его вчерашнее эпичное появление в обнимку с Аришей, разбило все иллюзии в пух и прах. И в груди снова запекло — он мой же, ну МОЙ... почему рядом с ней? Обида, злость и внутренние комплексы, все прорвалось на поверхность. Раны нанесенные собственными разбитыми ожиданиями оказались не менее глубокими.

Да, я одна из тех, кто строит планы на будущее, кто влюбившись в мужчину представляет дальнейшую счастливую жизнь. Да, я фантазировала и сейчас поплачуза это своим разбитым сердцем.

У нас с Антоном все изначально началось не правильно.

Мы познакомились в баре — я потягивала коктейли и писала Васе, единственному другу во время учебы в универе, который уехал и оставил меня одну, а Антон систематически напивался, закидываясь всем, что успевал пихнуть ему под руку бармен.

Не помню, как получилось, но в какой-то момент мы разговорились — хотя сейчас понимаю — это был разговор глухого с немым. Я ему рассказывала о доме, родителях, универе, Васе. Он что-то отвечал, поддакивал, но про себя или о том, почему он здесь в таком состоянии не говорил ничего. “Разговор” прекратился, когда Антон вырубился прямо на барной стойке.

Мне тогда пришлось обшарить его карманы в надежде найти телефон и позвонить кому-нибудь из родных что-бы его забрали. Звонить не пришлось. Его телефон, стоящий на беззвучке, просто раскалился от непрекращающихся звонков, на один из которых я и ответила. Через пятнадцать минут, его забрал друг, с которым я познакомилась уже позже.

А тогда, я просто забыла о случайном знакомом, пока через две недели не пришла работать в фирму, куда меня порекомендовала моя зав. кафедры, и не встретила там Антона. Мало того, что встретила, он еще и работал в том отделе, куда я устроилась.

На удивление, он меня помнил и очень помог на первых парах с работой. Всему научил, показал и даже пару раз отбил от притязаний коллег. Мы начали общаться. Через месяц представил меня Олегу, который забирал его тогда из бара, его девушке Аленке и остальной своей компании, как свою подругу, а потом и как девушку.

Позже от них я узнала об Арише, об их неземной любви и об одной глупой ошибке, которая развела их буквально на разные континенты. Я тогда расстроилась, порывалась поговорить об этом с Антоном, но так и не решилась и он никогда не поднимал эту тему. И вот без малого два года — в одной фирме, в одной приятельской компании, в одной постели.

И да, за это время, проведенное с ним, я влюбилась, привязалась, прикипела к нему. А теперь меня отодрали, с кровью, с мясом и выкинули, как ненужный довесок. Как аппендикс — вроде нужен, но и если удалить жить можно.

— Доброе утро, — натягиваю на себя маску невозмутимости.

Поводов для сплетен я даю им сегодня достаточно. Мой внешний только чего ст оит — синяки под глазами, бледное лицо, на приведение в должный вид которого у меня не было ни сил, ни желания. Женская часть коллектива по любому отметила.

Работу выполняю на автомате — подтвердить, разослать, напечатать, раздать, проконтролировать. И будто все это происходит не со мной — я где-то там дома, завернувшись в мягкий плед, с кружкой горячего чая в руках сопереживаю героине на экране, а за окном снег и ветер завывает...

Вот только эта героиня — я и происходит все это со мной. А в субботу стало окончательно понятно, что Антон уже совсем не мой.

От этого и взгляды, которые он бросает на меня сегодня, не приносят уже никакой радости. Еще пару дней назад я бы прыгала от счастья, что он вновь обращает на меня такое пристальное внимание, но... очки розовые разбились и теперь я точно вижу в этом взгляде злобу и невысказанные претензии.

Отдел быстро пустеет, как только наступает время обеда. С вымученной улыбкой провожаю наш маленький гудящий рой глазами и опускаю уже порядком уставшие глаза обратно в монитор.

Мне обед точно не светит, максимум ужин и то поздний, с сегодняшней моей рассеянностью не успевала обработать и половины заказов. Хотя до этого времени, чтобы уложиться во время, нужно обработать, как минимум, шестьдесят пять процентов нормы. Я же обычно обрабатываю все восемьдесят пять, поэтому и итог к концу дня у меня всегда сверх нормы, как и у половины отдела. Но не сегодня и не у меня.

— Ты почему сегодня опоздала? — как только закрывается дверь за последним отправившимся на обед, ко мне подходит Антон.

Встает напротив и упирается сжатыми кулаками в стол по бокам от моего монитора. Нависает. Давит и прекрасно знает об этом.

Но даже в таком виде, как всегда безупречен — аккуратный ежик стрижки, идеально отутюженные брюки, рубашка, расстегнутая на две верхние пуговицы, в разрезе которой поблескивает цепочка с массивным крестом, ровно закатанные до локтя рукава, открывающие взгляду сильные руки с стильными часами на левом запястье, только зеленые глаза опасно сверкают, выдавая злость. И что-то мне подсказывает — это точно не из-за десятиминутного опоздания.

— А тебе не все ли равно? — вскидываю на него взгляд поверх монитора.

Я морально измотана, но показать свои чувства и то, насколько неприятен мне тон его разговора, не могу. Ну в самом деле, мало я унижена?

— Я отвечаю за этот отдел, — чеканя каждое слово, цедит Антон.

— Как и я. — парирую спокойно, откинувшись в кресле. Поработать он мне все равно не даст. — Насколько я помню, за опоздания мы отчитываемся перед шефом, но никак не

перед тобой. Что-то еще хотел? — спрашиваю, понимая, что даже после нашего “содержательного” разговора он уходить не собирается.

“Давай, говори уже. По глазам вижу тебе есть, что сказать и тема беседы отнюдь не работа”, - смотрю ему прямо в глаза, сложив руки на груди.

— Что ты устроила в субботу в клубе? — наконец взрывается.

Вот оно, то о чем он на самом деле хочет поговорить. Вот почему так яростно сверкает глазами.

— А что я устроила? — изображаю недоумение.

Внутри зреет и требует выхода обида. Ядовитая и отравляющая, но обещающее моральное удовлетворение, когда сотрется с его лица это самоуверенное выражение.

— Идиотскую выходку ты устроила. Праздник был испорчен, а Арина расстроена. Мы с тобой расстались и терпеть твои неадекватные выходки я не намерен. В общем, я говорю в первый и последний раз, — продолжает Антон, не обращая внимания на мое состояние, а я... будто медленно умираю, — не подходи к Арине, не общайся, даже не смотри в ее сторону. Срывай свою злобу на мне, но ее не трогай и не вмешивай моих друзей.

А я и не имею желания смотреть на его распрекрасную Аришу. И его самого лучше бы больше никогда не видела. Жаль, что подобному желанию не суждено сбыться. Нам сидеть в одном отделе, хочу или нет, но лицезреть его придется.

— Все? Выговорился? — выдавливаю из себя. Хотелось чтобы это прозвучало твердо, но голос-предатель дрожит и спешу продолжить не дожидаясь ответа, а то еще чуть чуть и я буду позорно лить слезы. — А теперь ты послушай, — встаю, скопировав его позу, — это ты притащил ее вчера с собой, даже не предупредив меня. Это ты вчера допустил всю эту сцену перед друзьями, а сейчас стоишь и обвиняешь меня в своих косяках. Извиняться не буду, но если тебе так будет легче, искать с ней встреч я не собираюсь, на совместные посиделки тоже больше не приду, так что и вероятность того, что я на нее посмотрю тоже мала. А теперь оставь меня...

Последнее говорю настолько умоляющим тоном, что даже самой противно. Противостоять любимому человеку и своим чувствам к нему нереально сложно. Все рвется внутри от его агрессивного тона, гневных взглядов и злых слов. Антон меня не щадит, одаривая всем этим. Словно в грязи купает с головы до ног.

Антон отталкивается от стола и поджав губы, странным долгим взглядом смотрит на меня. Только спустя минуту кивает и, резко развернувшись, выходит из отдела.

Без сил падаю обратно в кресло и закрываю лицо руками — а ведь только середина дня. И только две недели прошло. Как мы вообще будем с Антоном работать дальше — это же просто невозможно? Для меня, а вот человеку, которого я люблю, плевать.

До конца дня я не поднимаю глаз от монитора. Просто заставляю себя не смотреть. Слышу, как возвращаются коллеги, точно определяю по звуку шагов Антона, но упорно продолжаю делать вид, что работаю. Именно “делать вид”, потому что работать в полную силу не получается. Каким-то чудом к концу дня обработала норму заказов не представляю.

Только этот день не мог закончиться хорошо. По привычке, уходя из отдела последней, проверила статистику всего отдела и... ну и чего я собственно удивляюсь?

Из восьми серваков, на трех не отработана норма. Могу даже не смотреть IP-адрес, чтобы понять, три наших мадамы не посчитали нужным закончить свою работу. Их Антон сегодня отпустил по-раньше и они посчитали, что доделывать не обязательно, как впрочем и всегда.

Эти три мадамы... Я уже не раз разговаривала с Антоном про них, но он так и не внял мне — они в свое время помогали ему, когда он только пришел и теперь он считал себя им чуть ли не обязанным по гроб жизни. Ничего не имею против благодарности, только когда этим не начинают злоупотреблять. Люба, Лена и Леля же, наши почти легендарные три Л — практически сели к Антону на шею, ну или если быть точной, то ко мне...

У нас в отделе мы с Антоном за старших и отпрашиваются все у нас. И если Варя, Аня и Гриша пришли сюда и попали под мое старшинство, то наши три Л, под старшинством Антона (он давно уже дорос до них и перерос) — этакое два фронта одного отдела.

А еще есть у нас с Антоном негласное правило — заказы тех, кто сидит на больничном, мы раскидываем на всех, но если ты отпустил, то заказы отсутствующих отработываешь сам.

Я однажды доделала задания за три Л вместо Антона, в благодарность, пару раз попросил он сам и плюс сама перепроверяю количество заказов в конце дня, чтобы не получить нагоняй — как итог, теперь каждый раз, когда они не дорабатывают, доделываю я.

Идиотка?!

Смотрю на таблицы и понимаю — здесь работы еще минимум на пару часов. Сейчас восемь вечера. Еще четыре часа до того, как система заблокирует данные и обновит систему, чтобы новый день с “чистого листа”. В теории я все успею, а на практике... Да блин, ну не хочу. Ну почему я должна это делать? Почему я здесь должна засиживаться, хотя Антон их отпустил и не посчитал нужным проверить, все ли они завершили?

А еще на краю сознания бьется гнусная мысль — пусть хоть раз ему прилетит за своих нерадивых подопечных. И за меня...

Отвратительно мерзкая месть.

Выключаю компьютер, забираю сумку и плащ, и, не оборачиваясь, убегаю из отдела. Обернусь и точно передумаю, а этого нельзя допустить. Пора уже и со своей шеи груз снимать — стала не нужна ему, пусть теперь разбирается сам!

И это моя большая ошибка.

— Вы обалдели оба? Вы сорвали поставки, вы подвели всю фирму! На кой хрен я вам двоим плачу зарплату, если вы не можете уследить за работой одного небольшого отдела? Впясть вам компенсации за сорванные заказы и гнать в шею с волчьим билетом! — от крика шефа уши сворачиваются в трубочку, а стекла дрожат в оконных рамах.

Утро начинается не с кофе...

Я даже зайти в отдел не успею — охрана еще на проходной предупреждает, что к себе вызвал Игорь Валентинович, директор фирмы. Это ожидаемо. И нагоняй, который мы сейчас с Антоном получаем, тоже.

Я все таки уехала вчера домой и даже вполне успешно гнала от себя мысли, загрузив себя на ночь глядя готовкой и уборкой, которая мне одной сейчас и нафиг была бы не нужна. Все шло удачно ровно до без пяти двенадцать, потом началась паника, до моего, одуревшего от обиды мозга, дошло, что же я натворила.

И нет, мне не стыдно перед Антоном — следовало просто снять с себя ответственность предупредив, что его подопечные могли не завершить свою работу и все, с меня взятки гладки — мои ребята все сделали.

А вот перед Игорем Валентиновичем стыдно и даже очень. Он взял меня в свое время к себе — студентку хоть и с вполне приличным дипломом, но нулевым опытом, практика во время учебы не в счет — всему научил, показал и всегда поддерживал. Я же, по сути, пришла по протекции зав. кафедры, но он никогда ни в чем не обвинял и не оскорблял, даже когда были косяки. А тут я из-за личной мести подставила его и всех, кто тут работает.

— Вы сорвали поставки пятидесяти заказов. И сегодня это все должно быть доделано с учетом и сегодняшнего дня, а это переработки и у отдела доставки и у бухгалтерии, которые я должен буду выплатить из своего кармана!

Стою с опущенной головой и смотрю на носки туфель. Стыдно даже голову поднять — вроде уже взрослая и надо за ошибки нести ответственность, но...

Антон стоит с поднятой головой и смотрит вперед. Как всегда гордый и достойно принимающий удар, в отличие от меня, и только часто сжимающиеся и разжимающиеся кулаки выдают его состояние.

— И этих людей я хотел повысить? Эти людям хотел доверить дела фирмы? — шеф вроде как задает вопрос в воздух, но при этом по-очереди смотрит на нас.

Да, еще и это.

И меня, и Антона, Игорь Валентинович выдвинул на повышение полтора месяца назад. Две свободные вакансии — начальника отдела, в котором мы работаем и зам директора. Игорь Валентинович выбирал из всей фирмы, и остановился на нас, как он сказал — молодых, активных, инициативных и с хорошими отзывами коллег и начальства. После окончания квартала должно было быть назначение, а за это время мы проявили бы себя.

Да уж, вчера мы себя точно показали во всей красе, а если уж быть до конца честными, то я. Антон проявил невнимательность, не проверив закрытие заказов, а с моей стороны это конкретная диверсия. Я видела и точно знала, что они не закрыты и ничего не предприняла — за это можно с волчьим билетом на выход.

— Игорь Валентинович, к вам Александр Игоревич. — отозвался селектор, голосом секретаря шефа, отрывая его от расчленения нас глазами.

Шеф еще раз обжигает нас злым взглядом и отходит к переговорнику:

— Пусть заходит.

За спиной, со стороны двери, слышатся шаги. Краем глаза отмечаю мелькнувшие мужские брюки и туфли — выше не вижу, все еще продолжаю пристально изучать свою обувь.

— Отец...

— Сын...

— А где...?

— С девчонками заболталась, сейчас подойдет.

Звучат приветствия и я невольно вскидываю взгляд. Двое мужчин улыбнувшись обнялись и шеф похлопал... сына по плечу.

Об этом человеке мне приходилось только слышать и то не много. Учился за границей, гордость отца, но где он и чем занимается сейчас не имела ни малейшего представления. Игорь Валентинович вообще не очень любил распространяться о своей семье — знаю только, что их в семье двое детей и отец их очень любит — это все.

— С утра бушуете Игорь Валентинович? — улыбаясь уже только уголками губ, произнес сын шефа и обернулся к нам. Подошел, пожал руку Антону, кивнул мне.

Высокий, широкоплечий и сейчас, стоя рядом, понимаю, что он очень похож на отца. Просто копия шефа, только более молодая версия. А еще складывается ощущение, что я где-то его видела, но вспомнить никак не могу.

— А вот посмотри кого я собирался повисить. — улыбка слетает с лица шефа, но и таким злым, как до этого, уже не выглядит, скорее уставшим. — Вот он, — указывает по очереди на Антона и на меня, — хотел на должность моего зама, а она — стать начальником отдела.

— Я бы и замом попробовала, — бурчу себе под нос, но стоим мы слишком близко и, к моему стыду, слышат меня все.

Антон, не стесняясь, поворачивается в мою сторону и в шоке округляет глаза.

“Да, да милый, а что ты думал? Пока мы были вместе и ты грезил об этой должности, я решила, что для тебя это важнее, а мне и нач. отдела пойдет, а сейчас... С какого перепугу я теперь должна отказываться от перспективной должности из-за тебя?” — вслух я, конечно, этого не говорю. Но думается, что мой посыл Антон понял.

Только не о том я думаю. Какое мне вообще к черту теперь повышение? Меня сейчас вообще уволят.

— И что же они натворили? — уже серьезнее обратился мужчина к отцу.

— Сорвали поставки заказов. Кто-то из их отдела не доработал, а они вдвоем, — выделяет шеф, — не уследили. И как теперь все здесь оставлять?

— Не волнуйся, разберемся.

“Как оставлять?” “Разберемся”??? — а это что вообще значит?

Удивления скрывать не получается и я в немом изумлении смотрю на шефа.

— Знакомьтесь, — Игорь Валентинович как-то горько усмехается, уловив в моем взгляде безмолвный вопрос, — Александр Игоревич, мой сын. С завтрашнего... — запинается, — с сегодняшнего дня, ваш непосредственный начальник на ближайший месяц, пока я буду в отпуске. Он же будет решать вопрос о вашем назначении или увольнении.

Едва сдерживаю себя, чтобы не открыть рот от удивления. Это что еще за новости? Какой-то “левый” мужчина, который ничего о нас не знает, будет решать нашу судьбу на

этой фирме? Это вообще как так-то? Не то, чтобы я на что-то надеюсь, но Игоря Валентиновича я знаю, хотела поговорить и хотя бы толком извиниться — меньше всего я хотела навредить ему.

Перевожу взгляд на бывшего парня, но он совсем не выглядит удивленным. Спокойный, даже кулаки перестал сжимать, будто уже в курсе.

Но нет предела удивлению...

— Игорь Валентинович, Арина Игоревна пришла, — снова раздаётся голос секретаря и в кабинет, словно ураган, врывается девушка и бросается на шею к нашему начальнику.

— Папочка.

Скажите, что это сон?

Это же она. Ариша. Принцесса. Девушка, к которой ушел мой любимый человек. Она дочь моего шефа. Снова смотрю на мужчину рядом с ним — вот откуда я его помню, это он был в субботу в клубе, но там я его не разглядывала особо, вот и не узнала сейчас.

Пока я стою и откровенно пялюсь, она оборачивается ко мне с Антоном.

Мазнув по мне взглядом и смущенно теребя край блузки, она смотрит на Антона.

Тоже невольно перевожу взгляд на мужчину, стоящего рядом со мной — лицо Антона светится просто неподдельной радостью. Он широко улыбается и раскидывает руки, куда тут же, сорвавшись с места, влетает девушка.

А дальше объятия, скромные поцелуи, куда только губы дотянутся, перешептывания и улыбки.

Вас когданибудь били в солнечное сплетение? Не вдохнуть, не выдохнуть. Всего несколько секунд, но они кажутся вечностью.

Вот меня сейчас ударило именно туда. Отшатываюсь и отхожу на несколько шагов от милующейся парочки. Хватаю раскрытым ртом побольше воздуха, зажмуриваюсь и прикусываю до боли губы — нужно успокоиться и сдержать выступившую влагу на глазах.

Вдох, выдох

Снова открываю глаза и они непроизвольно тут же упираются в счастливую парочку. Я не большой приверженец чувств на публику, но... Обвожу взглядом кабинет — отец и сын, Арина и Антон. Тут посторонняя только я, так что можно даже внимания не обращать.

— Юлия Андреевна, как вы уже поняли, это Арина Игоревна, моя дочь. Поскольку одна вакансия вскоре освободится, она будет теперь работать в вашем отделе. — шеф смотрит на меня в упор, не отводя взгляда.

Бок о бок? С ней? С ней и Антоном? Снова смотрю на него и встречаюсь с его напряженным взглядом, которым он сверлит меня поверх головы Арины, все так же прижимая ее к себе.

Он знал! Он совершенно точно знал, что она придет сюда работать. Теперь понятно к чему был вчерашний разговор “по душам”.

— Добро пожаловать в наш дружный коллектив, — стандартная фраза, которую я озвучиваю вот уже три года всем новеньким, сейчас из моих уст звучит, как приглашение в ад. В мой ад... Хотя, возможно уже сегодня я покину это место.

Арина поворачивается ко мне с абсолютно серьезным лицом.

Видели детей лет трех-четырёх, которые стоят все такие насупленные, с стиснутыми кулачками и взглядом из под нахмуренных бровей, пытаюсь изобразить, что они взрослые? Вот Арина сейчас напоминает одного из таких детей и, бросив взгляд на присутствующих здесь мужчин, понимаю, что они ее такому виду только умиляются и смотрят любящими

глазами. Все трое. Я же на ее фоне выгляжу, как прожженная жизнью злобная стерва.

Хоть тысячи человек спроси — из нас двоих, любой будет выбирать ее, ангела во плоти, и от этого еще противнее. А самое обидное, мне никогда не стать такой, как она, а значит и Антон никогда бы не полюбил меня.

— Антон, отведи Арину в отдел и покажи ей все. Юля Андреевна останьтесь, пожалуйста, — говорит шеф.

Антон отводит от меня взгляд, улыбается и приобняв девушку за талию выводит ее из кабинета.

Как только за ними закрывается дверь, Игорь Валентинович уходит к своему столу и усаживается в директорское кресло. Его сын занимает одно из кресел для посетителей.

— Проходи, Юля, присаживайся, — начальник указывает на одно из кресел напротив своего сына.

— Спасибо постой, — выдавливаю из себя, смотря в окно за спиной шефа.

А там разгар весны, не то что в душе, где во всю бушует поздняя осень, холодная и промозглая. Мне предстоит работать в отделе с бывшим парнем и его любовью. Придется постоянно смотреть на их обжимания и поцелуйчики. В груди разрастается черная дыра, способная поглотить остатки моего здравого смысла и скинуть меня в пучину истерики. На глаза словно падает черная пелена — ничего не вижу перед собой, только черные мушки мелькают.

Прикусываю уже итак истерзанную нижнюю губу и эта боль мгновенно отрезвляет.

Вдох, выдох и вот я уже совсем на капельку, но уже спокойнее смотрю на своего шефа.

Он все это время наблюдал за мной. По взгляду вижу, что понимает все и ему это не нравится.

— И как вы собираетесь теперь вместе работать? — внимательный взгляд шефа впивается в меня еще пристальнее.

Что мне ему ответить? Я не знаю. Поэтому все, что мне остается, это молчать.

— Юля, я предупреждал о романах на работе? — спрашивает Игорь Валентинович, не скрывая тяжелого вздоха.

— Предупреждали, — выдавливаю из себя.

Было такое дело. Конечно, официально, никто не запрещает, но это и не приветствуется. Мы с Антоном шифровались, но видимо плохо, потому что смотрю на шефа и понимаю — он совершенно точно знал о наших отношениях. Да и наверное только дурак бы не распознал реакцию, которую я им тут выдала в течении последних десяти минут.

— Я не просто предупреждал, Юля, я их запрещал, — шеф поднимается с кресла и оглушительно хлопает по столу.

Не сдерживаю горькой усмешки, произвольно бросив взгляд туда, где еще недавно стояли целующиеся Антон и Ариша.

Им он что-то ничего об этом не сказал.

Хотя о чем это я, она дочь шефа, ей можно больше чем простым смертным. И это сейчас не зависть или злоба, это реалии нашей жизни, констатация факта.

Шеф следит за моим взглядом, все понимает, но только поджимает губы, подтверждая мои мысли.

— Вчера вы с Антоном сорвали массу заказов из-за расставания, а что будет завтра, когда они будут перед твоими глазами, а? — снова дышит злобой начальник. — Скажи мне, что будет дальше? Что из-за ревности ты будешь вытворять? Ты не можешь держать себя в

руках. Я не хочу, чтобы страдала фирма из-за ваших отношений.

Ну что ж, намек на увольнение очевиден. Хотя какой это к черту намек? Прямым текстом сказал, что могу собирать свои манатки и на выход. Он явно не станет увольнять дочь и ее любимого мужчину. А меня легко. Меня проще. Я никто.

— Игорь Валентинович, поскольку с сегодняшнего дня управляющий я, то и этот вопрос с Юлией Андреевной тоже будем решать уже сами, — неожиданно вмешивается Александр Игоревич, про которого я и забыть уже успела.

Шеф переводит взгляд на сына. Они смотрят друг на друга, будто общаясь одними взглядами.

— Хорошо, — первым отступает шеф. Он садится обратно в кресло и кивает мне, — ты свободна.

Больше не говоря ни слова, разворачиваюсь и на деревянных ногах иду к выходу. Хотя, вот честно, куда я сейчас могу пойти. В отдел? Ага, точно, к Арише с обжимающим ее Антоном... домой хочу. Закрыться на все замки, взять пару бутылок вина и не выходить оттуда, пока этот идиотский сон не закончится.

— Юлия Андреевна, зайдите ко мне сегодня сразу после окончания рабочего дня, — уже когда я берусь за ручку двери, меня догоняет голос нового начальства.

А это значит только одно — экзекуция на сегодня еще не закончена. Добивать будет.

Киваю и выхожу за дверь.

Выхожу из кабинета начальника, закрываю за собой дверь и глубоко выдыхаю.

Смена начальства — вот то, что должно меня беспокоить — неизвестно, как все повернется, учитывая что Игорь Валентинович передал сыну все полномочия и решение за допущенный мною косяк — но я способна думать только о девушке, которая сейчас у меня в отделе знакомится с коллегами.

— Юляша, все в порядке? — раздается сбоку мягкий голос секретаря нашего шефа, Лидии Васильевны.

Милейшая женщина под пятьдесят, по рассказам лет десять работающая на этом месте.

— Да, — выдавливаю из себя улыбку, — все хорошо.

Работа не то место, где можно было бы спрятаться и вдоволь насладиться одиночеством. Вот вернусь домой и там уже вволю дам себе переварить все, что здесь сегодня произошло.

Машинально поправляю одежду и еще раз, уже более уверенно улыбнувшись женщине, спускаюсь к себе в отдел.

“Вечером дома поплачешь и по проклинаешь все на свете” — повторяю еще раз для себя, заходя в нашу “обитель”.

Только снова удар.

Антон стоит по середине отдела, нежно придерживая за талию Аришу. И это все не смотря на то, что я довольно долго задержалась у шефа, а они, я уверена, еще даже не прошли по отдели и не посмотрели, что и где.

Внутри просыпается злюка и язва.

Они вообще от друг друга не отлипают что ли?

Три Л облепили их со всех сторон и заваливают вопросами до невозможности счастливую Аришу. Складывается ощущение, что они знакомы, вот только откуда? Она, конечно, дочь начальника, но не может же она знать всех подчиненных отца?

Мои подопечные тоже тут, но каждый занят своим.

Аня стоит неподалеку от Ариши и Антона прислушиваясь, но упорно делает вид, что работает. Варя в ускоренном режиме не делает вид, а действительно работает — ей нужно убежать пораньше к сыну в садик, на родительское собрание. Ну, а Гриша, как всегда тихо и спокойно выполняет норму — ему хоть апокалипсис, лишь бы его не трогали.

Встаю в дверном проеме, облокотившись плечом о косяк. Моего появления никто не замечает, слишком уж увлечены.

— А вы уже здесь работали? — перебивает очередной восхваляющее щебетание Лели, Аня, уже не делая вид, что работает.

“Прям с языка вопрос сняла”

— Конечно, — светит Ариша своей белозубой улыбкой, — последние два курса университета, я проходила здесь практику, только в другом отделе. Здесь мы и познакомились, и с Антошей тоже, — последнее она шепчет уже тише, томно заглядывая в глаза мужчине, который отвечает ей таким же взглядом и прижимает ее к себе еще крепче.

Тошнит от этого вида.

С громким стуком отлепляюсь от двери и чеканя шаг, не хуже солдата на плацу, ухожу в каморки при нашем отделе, где стоял кулер с водой, чайник, раковина и прочие мелочи,

необходимые для пятиминутного перерыва. Надо выдохнуть. Моего перехода от кабинета начальника до отдела не хватило, чтобы взять себя в руки.

Чтобы не давать поводов для лишних сплетен, дверь в каморку прикрываю тихо, хотя очень хотелось долбануть со всей дури. А сплетни и так пойдут, хотя бы из-за того, что эта дверь никогда не закрывалась раньше.

Подхожу к раковине и, не заботясь о макияже, умываюсь холодной водой.

И вот так теперь будет постоянно? Мне постоянно придется смотреть на их обжимания? А еще, почему-то точно уверена, что они будут целоваться на каждом углу, никого не стесняясь. И как прикажете сидеть с ними в одном отделе и на все это смотреть?

Нет, это долго не продлится. Две недели отработки и все... А мои перспективы и повышение, больше мне не светят.

Так и стою, облокотившись на края раковины и уставившись на решетку слива. Уж не знаю, за что такое интересное там зацепился мой мозг, но в себя я пришла только когда увидела перед своим лицом рулон бумажных полотенец.

Я даже не услышала звука открываемой двери и шагов пришедшего человека.

Вздрагиваю от неожиданности и поворачиваю голову. Рядом стоит Варя с какой-то маленькой сумочкой в одной руке и бумажными полотенцами, все еще протянутыми мне, в другой.

— Вам нужно привести себя в порядок, Юлия Андреевна, — говорит девушка спокойно.

Пару раз моргаю в недоумении.

Варя кладет полотенца на стол рядом со мной, а сама лезет в сумочку и достает маленькое зеркальце, вкладывает его мне в руку.

Сжимаю маленький кругляшок и поднимаю его к лицу. Волосы, обрамляющие лицо, намokли и обвисли паклями, тушь поплыла, блузка тоже мокрая и липнет к коже.

Отличный видок, ничего не скажешь.

— Не скоро, но все наладится. Нужно только подождать. — Варя говорит размеренно и спокойно, будто вообще ни к кому конкретному не обращаясь. — Однажды просыпаешься и понимаешь, что вся катастрофа, была только в твоей голове и ты ругаешь себя за то, что позволял себе быть такой размазней.

Поднимаю взгляд на девушку.

Она ведь всего на год младше меня, а ощущение, будто с взрослым умудренным опытом человеком говорю. У нее ребенок, но не замужем и отношений, насколько я знаю, у нее нет. Про родителей или родных никогда не говорит и на моей памяти никогда не отпрашивалась на дни рождения или семейные праздники, но при этом готова работать сверхурочно и не берет больничные, работая дистанционно, потому что оплачиваются они хуже. При этом мягкая, нежная, и точно не безмозглая. Это что-то да значит. Ведь так?

Передо мной молодая женщина с огромным опытом.

— Давно все знают? — спрашиваю, имея в виду наши отношения с Антоном. Беру полотенце, пытаюсь высушить одежду и убирать потекший макияж.

— Давно. По тебе это сразу было заметно.

Киваю. Что на это скажешь?

Фиговые мы с Антоном шифровщики. А с Аришей вон и шифроваться не приходится. А может и со мной не надо было, просто всем так было удобно? Начальству, что влюбленная дура, заботясь об объекте воздыхания, не допускает косяков в отделе, Антону, что можно спокойно делать вид, что “свободен” и дожидаться свою ненаглядную.

Становится противно. Меня и мои чувства просто использовали везде, где можно и по полной, а стала не нужна, выкидывают. С работы конечно еще не совсем выкинули, но намек был очевиден.

В остервенение собираю волосы в высокий хвост, поправляю макияж, воспользовавшись косметикой из сумочки Ани. С блузкой ничего не сделаешь, запасные с собой не ношу, на мне пусть сохнет.

— Спасибо Варя, — возвращаю девушке косметичку и еще раз, подавляя уже злость, захожу в отдел.

Все стоят на тех же места, что и раньше, продолжая болтать.

Вскидываю взгляд на часы, висящие над дверью — работа начинается в восемь, с учетом утреннего кофе, в пятнадцать минут девятого, но сейчас то, блин, время уже подходит к половине десятого, а судя по девственно чистым экранам компьютеров три Л, без единой вкладки, они еще даже не начинали.

Ладно нас с Антоном песочили в кабинете начальства, хотя и он уже мог все показать своей ненаглядной и приступить к работе, у этих то трех мадам, какой оправдание? Они-то могли спокойно работать до нашего прихода, но видимо посплетничать о вновь вернувшейся дочери босса важнее. То, что все знали заранее, уже не вызывает сомнений — одна я, как всегда, была не в курсе.

— А что работу на сегодня отменили? — интересуюсь.

Пытаюсь сказать это нейтральным голосом, но попытка не удается. Да и есть ли вообще смысл играть?

Все оборачиваются ко мне, даже мои ребята отворачиваются от экранов и смотрят на меня — видимо мой тон слишком “дружелюбный”.

— Кстати, Антон, ты не забыл оповестить своих подопечных, что они сегодня работают с учетом вчерашней недоработки? — не сдерживаю язвительности, потому что уверена — нет, он им не сказал — ему было важнее постоять и похвастаться своей любовью перед всеми.

— Что? — у три Л синхронно вытягиваются лица.

— Я планировал раскидать на весь отдел, — вливает в свой голос нотки недовольства Антон и поджимает губы. Зол. Я влезла туда, куда меня не просили.

“Ну прости, дорогой, я больше не обязана смягчать все острые углы”.

— Нет, нет, нет, — качаю головой с усмешкой, — забыл наше правило? На весь отдел раскидываются заказы только в официальные больничные и отпуска. Вчера ты их отпустил и теперь либо должен сам доделать, либо они.

Очень большое желание уже приструнить три Л. Сколько уже можно получать зарплату за то, что откровенно недорабатываешь? А зная Антона, он даже никакое наказание для них не будет применять, хотя по-хорошему, мы с ним получили по шапке за недосмотр, дальше втык должны получить те, кто схалтурил и не выполнил свою работу. Раньше между мной и ими был амортизатор-Антон, не считала правильным лезть к его подопечным, сейчас он между нами не стоит. Я, конечно, тоже вчера накосячила и почему-то уверена. что еще получу за это, но и они должны тоже делать выводы.

— А чего это ты решаешь за нас? Наш куратор Антон, а не ты и только ему решать, что мы будем делать, а что нет, — вставляет свои “пять копеек” Люба, глядя на меня с превосходство.

— А я за вас и не решаю, — с легкостью отбиваю подачу, — я решаю за своих ребят и

они не будут доделывать ваши недоработки.

Антон уже откровенно скрипит зубами, а мне становится страшно за Арину, если он еще чуть-чуть сожмет ее талию, то она переломится пополам.

— Все идем работать, — чеканит бывший парень сквозь стиснутые зубы, испепеляя меня взглядом.

Три Л, как примерные ученицы, тут же разлетаются на свои места, а Антон идет, наконец, показывать место новой сотруднице.

Разворачиваюсь к своему месту, а губы подрагивают в улыбке. В груди разливается что-то похожее на легкое удовлетворение — не понятно только, это из-за того, что в очередной раз уязвила Антона, или что, наконец, поставила на место наших неприкосновенных мадам.

Да уж. Мне никогда не быть такой, как Арина. На ее фоне я злобная мстительная ведьма, а не легкая утонченная леди. Просто я обиженная женщина, но это меня не красит.

День, на удивление, пролетает быстро и легко. Трудовой энтузиазм бьет нескончаемым потоком. Только ближе к концу рабочего дня мое радужное настроение завлакивает грозowymi тучами — мне предстоит поход к новому начальству.

Выключаю компьютер и с какой-то непонятной для себя самой тщательностью собираю вещи — ощущение, что на это место больше не вернусь. Сама не понимаю почему, провожу ладонью по убранной поверхности стола, за которым просидела два года, перекладываю руку на спинку кресла, которое купила с первой премии взамен старого.

Что за ерунда? Трясу головой и собрав вещи, покидаю отдел.

Поднимаюсь на этаж начальства и захожу в приемную. Ожидаемо, Лидии Васильевны нет в приемной — ее рабочий день заканчивается на час раньше нашего.

Глубоко вдыхаю и стучусь в дверь.

— Входите, — звучит по ту сторону и, не дав себе время на раздумья, дергаю дверь на себя.

Как там говорится? Перед смертью не надышишься? Вот и мне нечего оттягивать неизбежное.

— Добрый вечер. Вы сказали, чтобы я зашла в конце рабочего дня, — отчитываюсь вежливо.

Александр Игоревич сидит во главе стола, на месте директора, перед разложенными бумагами.

Он окидывает меня внимательным взглядом и я непроизвольно делаю тоже самое. Внушительный мужчина. Прямой нос, четко очерченные жесткие губы, волевой подбородок и выразительные, цепко смотрящие, глаза. Мужчина скинул пиджак и сейчас на нем лишь рубашка, рукава которой небрежной гармошкой сдвинуты до локтей, обнажая смуглые руки. И что-то мне подсказывает, что это натуральный цвет кожи, а не загар. На голове творческий беспорядок и нет, волосы не отросшие и торчат в разные стороны — короткий ёжик внизу переходящий в более длинные волосы на макушке — просто два года наблюдая, как выглядит специально уложенная прическа у Антона, отмечаю такие моменты автоматически. Даже не смотря на то, что сейчас новый шеф сидит, понимаю, насколько же он большой.

— Присаживайтесь Юлия Андреевна, — мужчина небрежным взмахом руки указывает на одно из мест для посетителей.

Я бы на самом деле постояла и желательно прямо тут. От двери не далеко, а желание сбежать растет с каждой секундой, что мужчина смотрит на меня.

Ясно же, что разговор мне не понравится. Но и начинать его со спора тоже не лучшая идея, поэтому пересекаю кабинет и опускаюсь на указанное кресло. Сумку ставлю себе на колени, отгораживаясь, как щитом. Не понятно только от кого или чего собираюсь здесь защищаться, особенно сумкой, ну да ладно.

— Как сегодня поработал отдел? — спрашивает мягко, мазнув глазами по моим пальцам, которыми я, до легкого онемения, вцепилась в ручки сумочки.

И дело не в сидящем напротив мужчине, а в самом кабинете, а точнее его назначении. Всегда чувствую мандраж, когда вызывают к начальству. Даже, когда знаю, что у меня все в делах в порядке волнуясь, а сегодня...

— Все в порядке. Вчерашние недоработки исправлены теми, кто их допустил и сегодняшняя норма выполнена, я проверила, — не смотря, ни на что голос звучит ровно.

— Всегда в конце дня проверяете выполнение? — спрашивает так же мягко.

— Да, — говорю правду и только потом понимаю, что сама себя и сдала.

Я только что сама призналась, что видела вчерашнюю недоработку и ничего не исправила.

Черт.

Прикрываю глаза и тяжело вздыхаю. Я вроде и скрывать не собиралась, но и не рассказывать вот так... Да в общем не знаю я, что собиралась делать.

Это очень серьезный проступок — срыв сроков, подрыв доверия клиентов и как итог, значительные убытки.

Мужчина откидывается на спинку кресла и едва заметно усмехается уголками губ.

— Почему же вчера, видя недочеты работы вы о них не сообщили? — снова спрашивает мужчина.

Спасибо, хоть не спросил, почему не исправила их.

— Не видела смысла. — пожимаю плечами. — Утром все равно все увидели и узнали.

Вру, смысл был. Доложи я начальнику, он бы сказал мне, как единственной оставшейся в офисе, доделать и проблемы бы не было. Сейчас, когда меня так вдумчиво и спокойно распекают становится еще хреновей, чем вчера. Лучше б орал, как шеф утром. Да и совесть с удвоенной силой точит, не давая расслабиться.

— Вы же сами понимаете Юлия Андреевна, что это неправда. — замечает спокойно. — Чьи подопечные допустили ошибки? Я знаю, что каждый из вас — Антон и вы — отвечаете за несколько человек в отделе. Чьи недоработали?

— Антона, — приходится признаться.

Проверить это не составит труда, даже если у меня есть доступ, то у директора подавно. Краем сознания отмечаю, что бывшего он называет просто по имени — ну да, будущие родственники.

— А Антон в конце дня проверяет выполнение работы отдела? — вкрадчивый и до ужаса спокойный тон просто выводит из себя, заставляя непроизвольно сжаться.

Тон слишком спокойный. Взгляд слишком вдумчивый. Все в этом мужчине слишком... Мне не комфортно. Наверное так чувствует себя лягушка, которую препарировуют.

— Не знаю, я за ним не слежу. — снова вру, прекрасно знаю, он не проверяет. Я давно забрала это на себя и просто смысла нет проверять дважды.

Шеф прищуривается и будто знает, что я обманываю:

— Не знаю, в курсе ли вы, но у директора есть доступ к информации, с какого компьютера последний раз заходили в общую систему и еще до того, как вы сказали, что

видели вчерашнюю недоработку, я уже это знал. Так же, как и то, что второй наставник не был в ней за последний год ни разу. За более ранний срок, к сожалению, посмотреть невозможно, информация только год хранится. Но поскольку его не было там, очевидно, что и статистику он не просматривает.

Черт. Эта программа более сложна — можно статистику выполнения посмотреть, где видна общая цифра выполненных заказов, а система нужна только для того, чтобы норму у каждого отдельно сотрудника отслеживать, а это нужно начальнику отдела, которого у нас пока нет. В нее каждый раз нужно заходить — вводить логин, пароль, автоматическое сохранения на ней не работает.

Я приучила себя пользоваться именно ей, потому что кто-то может переработать, кто-то недоработать, а цифра итоговая будет одинаковая, вот только направления у всех-то разные. Игорь Валентинович, всегда настаивал, чтобы мы пользовались именно системой, а статистика для рядовых сотрудников отдела. Но скажите, пожалуйста, неужели никто никогда не халтурил?

— Из чего несложно сделать вывод, — продолжает мужчина, — что функцию контроля в отделе выполняли именно вы. И думаю, что обычно в таких случаях, вы исправляли подобные огрехи. Мне не составит труда еще раз зайти в систему и проверить, какой компьютер работал и после окончания рабочего дня, подбивая заказы до нормы. Мне только интересно, что же случилось вчера? Почему вдруг не сделали как обычно? Ревность замучила и захотели подставить бывшего любовника? — теперь в его голосе звучала сталь. Он подался вперед оперев локти в стол и сцепив пальцы в замок. Взгляд просто резал на части.

— Вы же все уже решили на счет меня?! — медленно встала на подрагивающие ноги. И я не спрашивала, скорее утверждала. Потому что видела — решил. — Зачем тогда это показательное линчевание? Я и сама все прекрасно понимаю, поэтому не стоит утруждаться и повторять то, на что утром очень явно намекнул ваш отец.

Психанула, просто не выдержала и психанула. Терпеть не могу, когда вот так убийственно спокойно говорят о твоих косяках. Еще со времен школы ненавижу — отец делал точно так же. Шеф утром наорал, я все поняла — увольнение так увольнения. Меня так вымотали эти две недели, что сейчас уже перспектива остаться без работы не пугала. Не понимаю только, зачем повторять снова.

— И что же я по вашему решил? — снисходительно улыбается мужчина.

И это бесит еще больше. Будто перед ним неразумное дитя.

— Ой, только не надо прикидываться, — меня уже несет. Если увольняют, смысл уже следить за тем, как я говорю, в конце концов я же не собираюсь оскорблять. — Я уволена — это и так понятно. А теперь, если это все, я хотела бы пойти домой.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и иду к выходу. Остаться здесь больше не хочется.

— Вы на машине? — резко торможу, не ожидая услышать такого вопроса. Да и произнесен он обычным повседневным тоном.

Хлопаю глазами, пытаюсь сообразить, что это оказывается обычный голос нового шефа и он так непривычно мягко обращается именно ко мне.

— Нет, на автобусе, — бросаю через плечо, потянувшись к ручке двери.

— Я вас отвезу, уже поздно, — звучит бескомпромиссное в ответ.

Все же поворачиваю голову к собеседнику и вижу, как Александр Игоревич встает из-за

стола, подхватив висящий на спинке кресла пиджак и телефон, идет в мою сторону.

— Я могу себе вызвать такси, — возражаю.

Ехать с ним в одной машине не хочется. У него так быстро меняется настроение и тон разговора, что становилось страшно — не знаешь, что будет в следующую минуту.

— Это не безопасно в такое время, — невозмутимо говорит мужчина, открывая дверь и пропуская меня вперед.

— И смысл меня подвозить сегодня, если завтра я все равно пересяду на обычный свой транспорт, — бурчу себе под нос.

Ну ведь правда, от того, что он подвезет меня сегодня, завтра у меня ни права, ни машина не появятся и я снова пересяду на автобусы.

Мой выпад конечно же был услышан.

— Предлагаете подвозить вас каждый день? — уже совсем весело замечает он.

Молчу, только сильнее поджимаю губы. Совсем не смешно.

— Подвозить меня, это впустую потраченное время.

— Это мое время. И еще больше вы его тратите, пререкаясь со мной сейчас.

Вздыхаю, но спорить больше не решаюсь. “Раньше сядем — раньше выйдем”.

Спускаемся на парковку. Для меня галантно открывают двери авто и подают руку, что для меня непривычно, а для шефа похоже обычное дело.

Вся дорога до моего дома, проходит в молчании, разбавленном спокойной музыкой, льющейся из стереосистемы. Я только называю адрес своего дома, получила в ответ “хорошо” и все.

Надо бы поговорить о моей отработке положенные две недели, но поворачивая голову к мужчине с намерением задать этот вопрос, тут же осеклась — сейчас снова как заговорит своим убийственно спокойным, но леденящим тоном... не хочу. Завтра приду в отдел кадров и все узнаю, уверена, что уже утром у них будут все распоряжения.

Машина тормозит возле моего дома и я берусь за ручку дверцы.

— Спасибо, что подвезли. Всего доброго Александр Игоревич, — не важно кто передо мной и как я к нему отношусь, вежливость никто не отменял.

— Юлия Андреевна, — останавливает меня мужчина, когда я уже собираюсь выйти, — с завтрашнего дня и на две недели у вас стажировка. Вам на почту сейчас вышлю все данные. В фирму, куда вы идете работать, документы уже направлены. Вас там будут ждать завтра в восемь утра. И не забудьте по окончанию стажировки, подготовить отчет по ней.

Едва заметно хмыкаю. Вот и вопрос с двухнедельной отработкой решен. И отработываю и в тоже время в офисе меня не будет. Продумано, что тут еще скажешь.

— Я поняла. До свиданья.

Соскальзываю с сиденья и ухожу в подъезд, а дальше в квартиру.

Ну что ж, этот исход был закономерен. Вместо годовщины, повышения и близких людей рядом, я сижу в квартире одна, без любимого человека, теперь еще и без работы.

В среду, облачившись в офисное платье, как примерная девочка, стучу каблуками к временно-новому месту работы.

Командировка, так командировка. Обмен опытом, так обмен опытом. Ну захотелось новому начальнику это так назвать, пусть будет так. Просто на эти две недели, помимо всего, у меня будет задача промониторить рынок труда и подыскать новое место — оставалось надеяться, что почти бывшее руководство, не будет вставлять палки в колеса, потому что уезжать из этого города мне не хочется. Хотя, учитывая обстоятельства, думается мне, что они еще и самую лучшую характеристику выдадут, лишь бы ушла.

В месте ссылки, меня встречает начальница отдела кадров. Довольно молодая женщина, лет под сорок и стильно одетая, встречает очень радушно... ровно до того момента, как я представляюсь и говорю, зачем собственно пришла. Ее перекосило за секунду, будто она съела лимон.

А узнав, куда меня определили на эти две недели, у меня был всего один вопрос — зачем меня отправили сюда?

Нет, конечно, все понятно — двухнедельная отработка перед увольнением вдали от нашего офиса, поэтому и пихнули абы куда, но если в порядке бреда предположить, что это обычная командировка в рамках "обмена опытом", то с кем мне, блин, обмениваться? С макулатурой? Потому что определили меня в архив — под чутким надзором двух "потрясающих" дам, довольно таки преклонного возраста. А из важных задач — запускать бумажки, которые они мне выдадут, в шредер.

Не стану описывать весь бред происходящего — скажу одно, по непонятной причине, эти незнакомые мне досели люди, меня как минимум презирали, как максимум ненавидели. И чтобы это понять, достаточно было и полувзгляда, а я смотрела на это две недели.

После всего этого, лично у меня сомнений в том, что мне постелили "красную ковровую дорожку" на выход из нашей фирмы, не возникало. Поэтому я просто молча зачеркивала черным фломастером даты в календаре, чем никогда не увлекалась, да и календаря-то бумажного у меня не было, пришлось купить... и рассылала свое резюме.

Одно поняла точно, для того, чтобы ярость держалась долго ее нужно подпитывать! За эти две недели мою подпитали так, что она давно вылетела за отметку максимум. Что там сильнее ярости? Бешенство? Очень подходит на описание того состояния, в котором я была через две недели. Оказывается, если хочешь довести человека, это сделать очень легко.

Ну вот почему нельзя по-человечески решить вопрос с увольнением? Зачем нужны эти игры — "сделай так чтобы написала по-собственному"?

Находясь в таком состоянии во вторник вечером, отбиваю в ноутбуке последние строчки "отчета" по "командировке".

И вот честно, что-то одно просто обязано было сломаться. Поэтому засчитываем по-честному 1:0 в пользу пальцев — на клавиатуре кнопка пробела стала заедать. К отчету, комплектом, отпечатываю заявление на увольнение — принтер "выплевывает" все со скоростью света, видимо боясь участи ноутбука.

Утром в "приподнятом" настроении иду на почти бывшую работу. Убивать, как вчера, уже не хочется, хотя от линчевания бы не отказалась. То, что кто-то стукнул на меня в стажировочную компанию, злило, а еще было чертовски обидно — как бы то ни было я два

года старательно работала. Нет, мне не нужна медаль во всю грудь за это, но капелька уважения... неужели это много?

Да и чего я такого сделала-то? Влюбилась в мужчину, который оказался совсем “не мой”? Я виновата в том, что стала третьей лишней в чужой большой любви? А кто меня в это все втянул...

Да, что-то меня не туда занесло.

Запинаюсь на ровном месте, едва не растянувшись по асфальту. За эти две недели это впервые, когда я вспоминаю об Антоне.

Ну нет, “спасибо” за это говорить точно не стану.

Встряхиваю головой и оглядываюсь. Вот и аллея перед офисом. Лестница, холл, лифт и я буду на месте. Так странно... я же должна что-то чувствовать? Это последний день, когда я зайду в эти двери, что-то же должно быть? Эта муть за две недели, кажется все из головы выветрила.

Быстрым поднимаюсь по лестнице, киваю зевающему охраннику, который еще не сменился с ночи, пересекаю холл и в абсолютно пустом лифте поднимаюсь на нужный этаж, уже через полчаса он будет забит под завязку любителями приходить “минута в минуту”. Два поворота, недлинный коридор и вот я у двери в отдел.

А вот это странно... Вытаскиваю ключ из замочной скважины, который не провернулся и бездумно верчу его в руке. Он не может не подойти... я прикрепила его к брелку с ключами от квартиры пару лет назад, сразу после окончания испытательного срока и больше не снимала — это точно он. Так что за ерунда тогда?

Снова вставляю ключ в замочную скважину и нервно дергаю ручку двери.

“Вот это точно странно”. - вытаскиваю ключ и толкаю дверь. — “В это время никого не может быть в офисе, слишком рано”.

Стол, стол, стол.... Аня?

В глаза бросается сгорбленная спина и темная макушка моей подопечной. За своим столом, уронив голову на сложенные на стол руки, она спит.

— Ань? — машинально ставлю сумку на стул возле своего стола и сажусь перед спящей девушки на корточки.

“И что она здесь делает в такое время?”

— Ань, — легонько тормошу девушку за плечо.

— Юля Андреевна, ты? — она поднимает на меня заспанные глаза, а потом вскрикивает в ужасе в ужасе. — А сколько время? — не дожидаясь ответа, хватается за руку, на которой надеты часы и поворачивает к себе циферблат. — Господи, я проспала...

Мечется из стороны в сторону, будто не зная за что хвататься.

— Аня, Ань подожди. Что проспала? — поднимаюсь на ноги, кое-как ухватив девушку за плечи, пытаюсь удержать на месте. — Что ты делаешь на работе в такое время?

— Ох, Юля Андреевна, — Аня спрячет лицо в ладонях.

— Ты ночевала на работе? — рассматриваю девушку — помятая одежда, растрепанные волосы — очень странный вид для всегда ухоженной девушки. В ответ получаю легкий кивок и “угу”. — Так. Вставай. — команду. Прежде чем задавать вопросы, нужно привести ее в человеческое состояние. И с этим может помочь что-то покрепче нашей коллекции чая. — Пекарня внизу уже работает, свежей выпечки скорее всего еще нет, но кофе они могут сварить.

Через двадцать минут, мы сидим за столиком и потягиваем бодрящий напиток. Почти

эликсир жизни для невыспавшихся.

— Расскажешь почему ты ночевала на работе?

— Ох, я... — никогда не приходилось видеть, что бы наша Анютка так мялась. Она не хабалка и не грубиянка, но и за словом в карман не ползет.

— Ань, в чем дело? — пытаюсь заглянуть девушке в глаза, которые она старательно отводит.

— Я боюсь, — шепчет на выдохе и будто еще больше сжимается.

— Чего? — мои брови взлетают вверх. — Тебе кто-то угрожает?

— Я боюсь, что меня уволят, — она все таки поднимает на меня глаза.

— И за что же? — пытаюсь переварить услышанное. Что-то очень сомнительно, что Аню было за что увольнять. Бред какой-то. Но девушка продолжает заламывать руки, будто не зная как начать свой рассказ. — Аня почему ты ночевала сегодня на работе? — спрашиваю строго. У нас не так много времени чтобы играть в молчанку.

— Чтобы успеть отбить заказы. Я знаю начальника охраны, он позволяет оставаться на ночь... — лепечет так тихо, что в первую секунду думаю, что мне послышалось.

Но нет... у меня глаза становятся по пять копеек.

— Ань, а у нас что норма заказов увеличилась? Или время на обработку сократили? Почему ты не успеваешь все обработать? — чтобы Аня да не успевала...

— Я...

— Так, хватит. Скажи четко и ясно, что происходит? — каюсь, пришлось немного повысить голос, когда понимаю, что она снова начнет мямлить. Ну честное слово, я так от нее и за месяц ничего не добьюсь.

— Когда вас две недели назад отправили в командировку, — все таки выдавливает из себя девушка, — в тот же день нам сообщили, что Антон назначен исполняющим обязанности начальника нашего отдела...

Присвистнула бы от удивления на этом месте, но, уж не знаю к сожалению или счастью, свистеть я не умею. Быстро же подсуетились.

... - У Вари через пару дней сын заболел и мы договорились — она, как всегда уходит на дистант, а я возьму на себя ее бумажки в офисе. А потом начался треш от наших знаменитых трех Л... я не буду всего рассказывать, но Варя, попросилась у меня не выходить с дистанта, хотя ее сын уже поправился, а Гриша пытался, как Варя, но ему уже не разрешили и он тогда просто ушел на больничный неделю назад. И теперь на меня свалилась своя работа, бумажки Вари и все заказы Гриши — делить их никто не стал. Юлия Андреевна, я больше не смогу в таком ритме, — последнее девушка говорит с надрывом, а в глазах наворачиваются слезы.

Чтобы довести Аню до слез, надо постараться...

— А куда смотрит Антон? — в груди планомерно поднимается негодование.

— Он весь в отношениях с Ариной. Ничего не слышит и не видит. Я попыталась к нему подойти, когда Гриша ушел, но он отмахнулся, типа разбирайтесь сами, взрослые же люди. А не делать не могу, мы же ваши подопечные, нас просто уволят, вступить же некому. Варя, конечно, помогает, но я все равно не успеваю, — Аня опускает взгляд.

— Ясно. — рычу сквозь стиснутые зубы. — А к Александру Игоревичу ты ходила? Что он говорит?

— А он ничего не говорит. Его либо нет на месте. Либо он запирается у себя с каким-то непонятным мужчиной, вроде его друг и велит никого к нему не пускать — я за всю неделю,

так и не смогла к нему пробиться. — и заканчивает уже совсем поникшим голосом. — Да и станет ли разбираться? Антон же жених его сестры, а три Л под крылышком Антона, а я так...

— Ясно. — подскакиваю с места. Уровень злости взлетает до небес — крышечку с моего чайничка срывает окончательно и бесповоротно.

— Юля Андреевна, пожалуйста, не надо ничего делать, а то меня уволят. А мне очень нужна эта работа, у меня ипотека и бабушка приболела, а я больше нигде не найду такую зарплату, — Аня хватает за руку, со страхом смотря на меня, — Я слышала разговор Антона и Арины — Антону поручили придумать план развития нашего отдела и я так поняла он собирается уволить всех, кто не справляется...

Она не договаривает, но и так было понятно. Не справляющиеся это видимо мои ребята. Ну сволочь. Последнее добило мое терпение окончательно.

— Аня, если они захотят тебя уволить, они уволят, потому что ты все равно рано или поздно это не вывезешь. — отцепляю ее пальцы от своего запястья. — А я могу сейчас еще попытаться хоть что-то сделать. Успокойся, в случае чего место я тебе найду.

Благо за два года знакомства некоторыми обзавелась, благодаря чему и у меня место уже почти есть, заберу Анютку с собой.

Наверх лечу разъяренной фурией. Моего появления в отделе никто не замечает. Три Л преспокойненько в чайной зоне хохочут, потягивая периодически из кружек, а Антон милуется со своей Аришей прямо за рабочим столом, усадив ее к себе на колени.

И это почти через час от начала рабочего дня! И это при том, что внизу я оставила плачущую сотрудницу этого же отдела, которая не знает, как справиться с потоком свалившейся на нее работы!

Я почти уволена. Мне на все плевать, но только не на своих ребят.

Знаете, по телевизору, в связи с положением о возрастном цензе, употребление нецензурной лексики просто запикивается. Хочет кто-то в ток шоу высказаться матом, а зритель вместо слов слышит — пи-пи-пи... Вот официально заявляю, все что произошло дальше, тоже можно запикать, потому что мое дальнейшее поведение, не проходит не один “офисный ценз”.

— Что за хрень здесь творится? — и это самое мягкое, что я собираюсь сказать.

Влюбленные вздрогнули. Принцесса соскочила с колен принца, и перепуганно замерла. В каморке зашушукали три девицы, прижимаясь друг к другу в страхе. А над всеми ними, пыша жаром, стоял злой дракон.

Принц вышел вперед, задвигая за могучую спину прекрасную принцессу и наставляя на дракона свой меч.

Дракон дышал жаром и извергал пламя, способное уничтожить все живое, но наш принц был готов мужественно сражаться до последней капли крови...

На деле же все прозаичнее. Я, как тот дракон, злюсь и готова была стереть всех с лица земли. Антон, в обычной своей манере, которая именно в этот момент меня жутко бесит, размахивает ручкой, зажав ее между указательным и средним пальцами, наподобие сигареты, пытается мне что-то доказать. Ариша выглядывает из-за его спины, не решаясь вмешиваться, а три Л, что неудивительно, наблюдают, генерируя в своих "светлых" головках будущие сплетни.

— Перестань орать, ты, в конце концов в офисе, — шипит Антон. Подается вперед, снова начиная давить. А меня передергивает от того, что он ворвался в мою зону комфорта. То, от чего когда-то ловила кайф, сейчас вымораживает, заставляя ежиться, — что ты устраиваешь скандал, как базарная баба? Поговорить ты не можешь?

Обидно. Очень. А еще обиднее от того, что он прав — офис место переговоров, а не скандалов.

Но женщину, если уж понесло, то это неуправляемая сила, по крайней мере, я такая, поэтому с чистой совестью выкидываю из головы, слова про “базарную бабу” и включив в себе именно ее. Где-то слышала, что женщина стремится быть той, которой ее мечтает видеть мужчина. Хочешь ее? Получай.

Да, это некрасиво и не интеллигентно, а еще не профессионально, но я сейчас не пытаюсь никого из себя строить. Мне обидно, я злюсь из-за своих подопечных и скрывать этого не собираюсь.

— А ты что из офиса устроил? Офис не место для скандалов? А что это место позажиматься по углам со своей этой...? — не хотелось скатываться до оскорблений, но и слово подобрать для Арины, которое в меру бы потешило мое эго и не ударило больно по самолюбию, не могу, поэтому получилось, как получилось. — Я не могу спокойно поговорить? А ты вообще поговорить способен. К тебе всю неделю подходила Аня, пытаюсь поговорить, но ты отмахнулся от нее. И сейчас сколько времени от начала рабочего дня, а все балду пинают вместо работы, в том числе и ты... — перехожу в наступление.

Антон сжимает кулаки. От него так и веет злостью, но сказать он ничего не успевает, только рот открывает, так и замирает.

— Что здесь происходит? — звучит из-за спины.

Строго и жестко. Мурашки пускаются в галоп. Я уже точно слышала именно этот тон. Две недели назад, в кабинете нового шефа, когда он говорил, что я из ревности к Антону сорвала заказы.

Непроизвольно задержав дыхание, обращаюсь и понимаю одно... если во время рассказа Ани, я была зла и желание разобраться с сыном шефа так же, как сейчас разбиралась с Антоном, росло в геометрической прогрессии, то сейчас... это желание за

доли секунды сдувается, как воздушный шарик, с таким характерным — пффф...

Украдкой оглядываю всех и понимаю, замерла не только я. Три Л стоят буквально с открытыми ртами, за спиной неожиданного визитера, застыла Аня с перепуганными глазами.

Ну слава Богу, а то я уж думала, что на меня одну он так влияет — ан нет, нас таких здесь и сейчас было, как минимум пятеро.

— За мной в кабинет, — разрушает возникшую, после своего же появления, тишину, — всем остальным, работать.

И вот даже вопросов не возникает, кому идти, а кому работать, но мне вот прямо отчаянно хотелось быть во второй группе.

Дальше, без лишних слов, на наше обозрение представляется широкая спина, обтянутая кипенно — белой рубашкой. Вижу, как Анютка резвой козочкой отскакивает в сторону, пропуская этот “ледокол”, а я тихонько выдыхаю, настраивая себя шагать следом.

— Ты остаешься здесь. — прилетает, когда я и шага не успеваю ступить... и замираю. Внутренности делают кульбит. Встречаюсь с пристально-изучающим взглядом, вновь обернувшегося мужчины, который почти сразу переводит взгляд мне за спину. — Арина, ты остаешься здесь.

— Но Саш... — тянет нежно-жалостливый голосок из-за спины.

И тут только до меня доходит, что это он обратился к сестре, она видимо собиралась идти за нами. Один только вопрос — как он это узнал? Глаз на затылке у него я не вижу...

— Арина Игоревна, приступайте к своим непосредственным обязанностям. В кабинет начальства Вас никто не вызывал... пока... — последнее слово буквально припечатывает.

И вот это “пока” — падает бетонной плитой, без возможности для возражения.

Божечки, верните мне нашего родного Игоря Валентиновича, а?

Так отбрить собственную сестру, это нечто.

Поворачиваться и смотреть, как принцесска среагировала на это, хочется, но не делаю этого. У меня противоречивые чувства, с одной стороны мне даже жалко Арину, а с другой играет злорадство. Такая я вот злая ведьма.

— Возьмите ваш отчет по командировке, Юлия Андреевна, — о, а вот это уже мне подзатыльник. И нужный подзатыльник доложу я вам — именно он помог прийти в себя и перестать трястись, как зайчишке перед волком.

Конечно, возьму отчет — там такой отчет, закачаешься. Подхватываю папку и уже чуть более бодро шагаю за боссом.

Анютка так и стоит, спрятавшись за двери отдела. Головой указываю ей на рабочее место — жестом намекая вернуться к работе и семеню за шефом. Слышу сзади, пыхча как поровоз, идет Антон.

— Когда уже уgomонит свою ревность? Они расстались и пора смириться уже с этим, а то устроила скандал на ровном месте, — слышу “шепот” наших трех Л.

Споткнувшись, едва не падают от этого заявления. Чертов интеллигент, который Антон, подхватывает под локоть, не дав упасть. Мне бы поблагодарить, но я зло выдергиваю руку — лучше упаду. Каждое мое действие воспринимают на его счет. Будто я злобная горгулья и все, что могу и мстить и злиться.

Испытываю ли я это? Да. Вот только это далеко не все. Я просто раньше не замечала, насколько Антон пофигистически относится к своим обязанностям.

— Лидия Васильевна, меня не для кого нет, — говорит шеф, едва мы заходим в

приемную и, пока я глазами посылаю сигналы SOS Лидии Васильевне, потому что снова становится как-то страшновато, открывает для нас дверь уже в свой кабинет.

Во внимательном взгляде секретаря так и светится — “Что уже успели с утра натворить?”, а вот мои сигналы к спасению она не воспринимает.

Приходится зайти. Хотя снова нападает оцепенения, как и всегда в кабинете начальства. Замираю, сделав пару шагов внутрь. По правую от меня сторону встает Антон. Александр Игоревич проходит, садится за стол, впиваясь в нас с напарником по несчастью нечитаемым взглядом.

Шеф смотрит, о чем-то крепко задумавшись — одна его рука расслабленно лежит на столешнице, большим пальцем второй руки он потирает подбородок, переводя взгляд с меня на Антона.

Вот чего молчит? Давайте уже, начинайте второй акт Марлезонского балета. А то чувствую себя старшекласницей на ковре у директора, которую застали за курением на территории школы — был у меня такой косяк в юности. А самое обидно, что я тогда просто решила попробовать, никогда не курила до этого и вот первый опыт закончился таким конфузом. Сейчас почти тоже самое — ощущения так точно.

— Давайте сюда отчет. — кивает мужчина на папку, которую я мну в руках. На негнущихся ногах подхожу к столу и протягиваю документы. Не обращая на меня внимания, босс стучит пальцами по правому краю стола и мне приходится обойти и положить папку, куда он указывает. И уже когда я собираюсь отойти, оставив документы, он вдруг резко поворачивает ко мне и перехватывает меня за запястье. — Ну и что случилось на этот раз? — интересуется мужчина вкрадчиво, смотря прямо в глаза. По коже будто сотня иголочек пробегает. Дергаюсь назад, машинально притягивая руку к груди и потирая запястье, и едва не скидываю со стола все, что “плохо” лежит. Этот мой резкий жест не остается без внимания. — Антон присаживайся. — мужчина кивает бывшему, но свой сосредоточенный и теперь хмурый взгляд от меня не отводит. — Вы тоже Юлия Андреевна.

Это что вообще происходит? Что за ерунда?

Смотрю на Антона. Он стоит во все глаза глядя на нас и на его лице явно прослеживается удивление. Быстро обогнув стол, сажусь в кресло для посетителей и опускаю голову. Это что такое было? С какого перепугу он схватил меня за руку?

— Ничего не хотите объяснить? — спокойно интересуется шеф.

Вот этот вопрос я бы хотела задать ему.

Закусываю нижнюю губу. Скандалить вообще пропал весь запал, даже не смотря на то, что я сейчас права. А все этот Александр Игоревич. Из колеи выбивает на раз-два.

— В отделе порядок. Норма заказов выполняется и даже перевыполняется некоторыми сотрудниками, — Антон решает взять слово, за что в глубине души была ему даже благодарна, потому что вот прям сию секунду собрать мысли в кучку, чтобы ответить, не получается.

Поднимаю глаза на него. Он уже скрыл удивление и сейчас смотрит с легким налетом превосходства. Я говорила про благодарность? Забудьте. Секундное помутнение рассудка, которое быстро проходит. Бывший умеет спускаться с небес на землю.

Меня цепляет за живое. Еще и эти его слова о перевыполнении...

— И кто ж это таким энтузиастом стал? — говорю не без ехидства.

— Лена, Люба и Леля. — отвечает с видом отличника у доски.

“Ах, они еще и перевыполняют. Молодцы, ничего не скажешь...” — это он так тонко

намекает, что его работают, а мои нет? Не могу сдержать усмешки.

— У вас другая информация Юлия Андреевна? — шеф не сводит с меня пристального взгляда.

“О, он даже не представляет себе, насколько другая”.

— Вам не составит труда зайти в систему Александр Игоревич? — быстро собираю в кучу мысли, переходя на деловой тон. Главное стимул, а Антон со своей надменностью и высокомерностью простимулировал меня на все сто.

Начальник лишь на секунду задерживает на мне взгляд и поворачивается к компьютеру.

— Что я должен там увидеть Юлия Андреевна? — несколько кликов мышкой и судя по перебору пальцев вводит логин и пароль для входа.

— Вы должны там увидеть, Александр Игоревич, что работу за одного из сотрудников, находящегося сейчас на больничном, выполняют всего две девочки из отдела, хотя по внутреннему распорядку, заказы должны раскидываться на весь отдел. — красноречиво смотрю на Антона. На мой такой выпад, он поджимает губы. — Что такое, не знал?

— А откуда об этом успела узнать ты? Только пришла и сразу полезла смотреть? — презрительно отзывается.

И так противно становится... За кого он меня принимает? Он что, такого же мнения обо мне как и три Л?

— Мне достаточно было увидеть Аню, которая провела всю ночь на работе и судя по всему уже не первую, — мой голос звучит ровно, за что уже можно себя похвалить, а внутри же гадко. Чем я заслужила такое к себе отношение? Или всего два варианта — либо со мной либо враг, так что ли?

Ах, да... идиотка ты Юля. Ты подставляешь его с недоработками три Л, теперь пожизненная печать... *правда познать всю степень недоверия, мне предстоит намного позже, о чем я еще, разумеется, даже не догадываюсь.*

— Юлия Андреевна, — от испепеления друг друга глазами, нас с Антоном отвлек голос начальника. — какие ip у ваших девочек?

Без колебаний называю последние четыре цифры номера Ани и Вари.

— Гриша на больничном, вот они и делают за него. Варя сейчас работает удаленно, пока у нее болеет сын, Игорь Валентинович разрешал ей в порядке исключения. Документы здесь, в офисе, за троих так же сдает Аня.

— Ясно, — спокойно отзывается мужчина, — последний вопрос. Я приятно удивлен, что девушка предпочла не бросать незаконченные заказы, а отработать их, но почему она не обратилась с этим вопросом к Антону или на крайний случай ко мне?

— Как она меня уверила, она пыталась пробиться конкретно к вам в течении недели, у нее это не получилось. Вы были заняты, — и вот сейчас даже мысли в голове нет, что новый шеф лоботряс. Хотя, когда мне рассказывала Аня о невозможности застать его именно так и думала.

Об Антоне я специально умалчиваю. Работа не место для этого, мы в конце концов не в детском саду и не в школе, где “стукачество” наказуемо, здесь от этой информации зависят люди и немалые деньги, но если новый шеф хочет узнать, почему с этим не разобрался Антон, пусть узнает у него самого или Аню вызывает. А то опять скажут, что это я все из ревности говорю. Оно мне надо?

Александр Игоревич видимо принимает эту мою позицию, поэтому просто кивает:

— Я Вас понял Юлия Андреевна. Спускайтесь в отдел и распределите заказ

отсутствующего сотрудника между всеми и сами можете приступить к работе. За переработку на этой неделе я отправлю приказ в бухгалтерию о премии Анне и Варе, в соответствии с их нагрузкой. С вашим отчетом о командировке ознакомлюсь в течении дня. Теперь можете идти работать. Антон задержись.

Все что могу это покивать головой, как болванчик и вылететь из кабинета начальства. И только в приемной до меня доходит, что он отправил меня работать, а я как бы пришла увольняться.

— Юля все хорошо? — интересуется Лидия Васильевна. — Чего это он вас в свой кабинет с утра пораньше загнал?

— Я отчет по командировке сдавала, а с Антоном вопросы по отделу решают, — отвечаю расплывчато, еще не до конца отойдя от пресса под которым побывала в злополучном кабинете.

Смотрю на дверь, из которой только что вышла. Вернуться напомнить про увольнение? Нет, не хочу — самой соваться в пасть к зверю, не по мне. У меня с чувством самосохранения длительные и доверительные отношения. Он вроде сказал, что сегодня посмотрит мой отчет? Заявление в той же папочке, увидит. У меня собеседований сегодня нет, так что ничего страшного, если еще сегодня поработаю.

— А Антон где? — не успеваю я зайти в отдел, как на меня налетает Ариша.

И вот даже не знаю, что меня поражает больше — ее уверенность, что я должна перед ней отчитываться или наглый тон, которым она задает этот вопрос. На самом деле, если б не последнее, я может бы ей и ответила, но...

Подскочить со своего места, перегородить мне путь, едва я переступаю порог, и смотреть на меня псевдо надменным взглядом — ох, не удачную манеру общения со мной она выбрала.

А этим своим взглядом — попытается видимо изобразить крутую мажорку — больше похожа на ребенка, подражающего взрослой манере поведения.

Мельком смотрю на притихших коллег. Анютка вся в работе, а вот обожаемые три Л, украдкой поглядывают на нас и тихонько хихикают — теперь понятно, кто тут решил научить девочку показывать зубки. Не понятно только — они реально думали, что она сможет меня обломать или такое издевательство над ней? Нашла Ариша, конечно, кого слушать.

Больше чем обломать крылышки этому ангелочку, захотелось просто обломать нашу “святую” троицу.

Обхожу Арину по кругу и говорю так, чтобы слышали все и чтобы принцесса не успела и слова вставить:

— Сегодня помимо нормы заказов, у каждого будут дополнительные заказы за сотрудника, который сейчас на больничном. — раскидываю на всех не считая Ариши, потому что новенькая и Анютки с Варей, потому что отпахали всю неделю вдвоем. Еще хотелось бы сказать, что Аня получит премию, но этим акулам такое говорить нельзя, найдут возможность порвать. — А Антон еще у начальства, — отвечаю Арине, когда фокус внимания с нашего так и не начавшегося конфликта, сместился в сторону дополнительной работы.

— А почему мы должны? — ожидаемо забыв про все на свете возмущается Лена.

— А кто должен? — заинтересованно смотрю на девушку.

— Ну кто-то же без нас делала это всю неделю, — восклицает.

— Пойди к шефу и скажи это ему, — советую, насколько возможно благодушно, — а заодно расскажешь, почему в нарушении внутреннего устава отдела, вы не выполняли ту работу, которую должны были.

— Нам не сказали, — тушуетя Лена, но плескать ядом не перестает, не в ее это стиле, отступать.

О да, это “зыбкая тропинка”, потому что Антон должен был распределять задания. Не подходит, конечно, и говорить каждому, вот тебе это, а тебе это, но объявить, как я сейчас, должен был. И как бы мне не хотелось, но подставлять Антона, тыкая в очевидную недоработку, не хотелось, сама не знаю почему.

— Не сказали чего? Что Сергей на больничном? Так это и так ясно — у нас всего три варианта, больничный, отпуск, увольнение — увольнять не за что, график отпусков у вас на рабочем столе, так что тут только больничный. Или вам не сказали, что нужно взять еще заказы? Ну тут уж если за два года вы этого не запомнили, то я даже не знаю... — развожу руки в стороны. Аргументы очень слабые, но действуют. В конце концов на Антона они

бочку точно катить не станут.

Больше вопросов ни у кого не возникает. Все разворачиваются к экранам компьютеров, три Л недовольно пыхтят. Вот и отлично.

— Арина, у тебя дополнительной работы не будет. Ты еще новенькая, выполни пока норму, — снова обращаюсь к так и стоящей за моей спиной девушке и подхожу к Ане, — а ты заработала себе премию и сегодня вы с Варей тоже без доп. заказов. Закончишь раньше и можешь сразу уйти, — с улыбкой шепчу девушке и иду к своему месту. У меня норму и доп. заказы никто не отменял. Отпахаю последок, как следует.

Антон возвращается в отдел через пол часа и явно не в самом лучшем расположении духа. Нет, он по прежнему выглядит идеально и на лице его излюбленная непроницаемая маска, но за три года я научилась видеть ее за всей этой броней.

Он что-то быстро шепчет подскочившей ему на встречу Арише и так же быстро обогнув явно опешевшую девушку, направляется ко мне. Я тоже в шоке — не меньше Ариши уверена была, что они тут начнут слюни друг на друга пускать.

— Здесь все нормально? — подходит как ни в чем не бывало.

— Эм... — до меня даже не сразу доходит, что это он со мной так просто и нормально разговаривает. Последний раз мы так спокойно говорили... месяц назад, перед расставанием. — Все отлично, всех предупредила. Дополнительные заказы у всех, кроме Ани, Вари и Арины.

— Хорошо. — кивает. — И я с тобой еще хотел поговорить о работе Арины, но это в конце дня, — разворачивается и уходит.

Так и хочется спросить “Что это сейчас было?”. Так, стоп, где-то я уже сегодня это спрашивала. Точно, в кабинете начальника. Странные они оба сегодня. Ретроградный меркурий какой-нибудь влияет?

На удивление день пролетает спокойно. Единственное — Ариша бросает на Антона обеспокоенные взгляды, чем заставляет все внутри меня кипеть. А я то так надеялась, что меня уже опустит, ан нет, все еще жжет в груди и воеет. До боли сжимаю зубы и работаю. “Последний денек” — как мантру повторяю себе. Легче не станет, но и смотреть не придется больше.

Уже закрываю последний свой заказ, когда звонит внутренний телефон.

— Юлия Андреевна, поднимитесь ко мне. Сейчас. — мурашки табуном бегут по коже.

Так чеканить слова может только один человек. Новый начальник. Где я опять успела накосячить то? Или он всегда такой злой?

“Может сбежать?” — бьется в голове малодушная мысль.

“А смысл? Все равно возвращаться за трудовой”...

“Можно купить новую и пофиг на стаж и опыт...”

Так, препираясь сама с собой, я иду к кабинету начальства.

Что не так то? Из-за чего он снова злится? Вот вообще ни одной идеи.

Замираю у входа в кабинет. Ну не хочу я туда идти, не-хо-чу. Для полного счастья сейчас бы еще по психовать и ножкой топнуть, но нельзя, я же взрослый человек.

Ну чего такого страшного в том кабинете? Подумаешь кабинет директора, а в нем начальник, который одним взглядом может разложить тебя на составляющие, ерунда же, да?

— Входите уже, Юлия Андреевна, — звучит громогласное из-за двери, от которого я подскакиваю на месте. Это как он понял что я уже здесь?

“Так, соберись, Юля” — даю сама себе наставление.

Вдох, вдох, еще вдох — так, в дыхательных техниках точно где-то должен быть еще и выдох.

Дергаю ручку на себя и вхожу. Я не кисейная барышня, а ответственный работник, по крайней мере не самый худший из возможных и ничего плохого, не считая того косяка, две недели назад, больше не делала, но с ним уже разобрались. И сегодня мой последний день. Точно, он вызвал скорее всего чтобы отдать подписанное заявление.

Следующий шаг делаю уже расправив плечи и спокойнее.

Как там советуют? Если чего-то боишься, представь самое худшее развитие ситуации из всех возможных и доведи его до абсурда. Так, боясь перед защитой диплома в универе, надумала худшее развитие событий до того, что не сдам, мне не дадут больше шанса, без образования не будут брать на работу абсолютно никуда и мне останется только бомжевать. Откровенный бред и сопротивление мозга — он автоматически стал подбирать другие варианты развития событий — помогли тогда успокоиться.

А тут. Уволит? Так у меня уже почти есть работа. В конце концов это не последний город в России — да страшно, но не смертельно. А сейчас, ну что он сделает? Изобьет? Бред. Отругает? С этим можно жить. Съест? Посмотрела на мужчину, который сидел за столом с таким выражением лица, что вариант "съест", вдруг перестал быть бредовым.

Губы плотно сжаты, глаза мерцают в полумраке кабинета, как два минерала. Чего здесь, кстати, так темно-то? И страшно!

Чего-то техника успокоения похоже дает сбой.

— Вызывали Александр Игоревич? — я уже хвалила свой голос за то что не подводит? Похвалю еще раз, каким-то чудом снова не подвел. Может чуть тише, чем нужно, но хоть не дрожит.

"Можешь бояться и дрожать сколько тебе влезет, но только внутри себя, показывать это снаружи даже не думай" — вспомнились вдруг слова, которые приходилось слышать не единожды. Меня учили держать лицо, а главное давать отпор и хоть не всегда выходило, это не значит что стоит перестать стараться.

— Вызывал. Скажите мне уважаемая Юлия Андреевна, где нормальный отчет и почему я должен сегодня сидеть и отвечать на вопросы ваших будущих работодателей?

Ух!

Уровень адреналина на отметке максимум. Дыхание сбивается, а руки позорно дрожат.

Почему я вообще так реагирую на этого мужчину? Если б на его месте был обожаемый мной с некоторых пор Игорь Валентинович, уверена была бы легче. Но вот сидит он, сын шефа, опирается локтями о стол и сцепив сильные пальцы в замок, смотрит на меня, прищуренным холодным взглядом, а меня бросает то в жар, то в холод.

Молчу. Что ему сказать то на это?

И когда он приподнимает бровь, как бы говоря, что все еще ждет от меня ответа, я понимаю всю абсурдность ситуации.

Абсурдность в том, что я серьезно обдумываю, как бы оправдаться перед ним, но... за что мне оправдываться? Я рассылала резюме, и, за неимением другого опыта работы, указала эту фирму. Да, они позвонили, и что?

Отвешиваю себе мысленный подзатыльник за мягкотелость.

— Мне кажется, Александр Игоревич, это обычное дело, когда человек приходит работать на новое место и начальство пытается узнать о нем. — поясняю ровно, заталкивая поглубже все свои взбунтовавшиеся эмоции.

Хотя, есть случаи, когда лучше чтобы новое начальство не пересекалось со старым. Столько увольнений происходит из-за неадекватного начальства. Способно ли это самое начальство потом честно рассказать о своем сотруднике, а не приврать? Ну, а насущный для меня вопрос, к какой категории относится мое начальство?

Мужчина удивленно вскидывает брови, видимо не ожидая от меня такого выпада и с какой-то странной полуулыбкой глядя на меня.

— Что вы ответили им Александр Игоревич?

— Юлия Андреевна, — вкрадчиво говорит мужчина. Прищурившись, подтягивает к себе папку с края стола, — я очень ценю в сотрудниках, когда они беспокоятся не только за свой отдел, но предложение по упорядочиванию архива и статистика расхода бумаги, которую приходится уничтожать... я все таки надеялся, что вы почерпнете что-то полезное и для вашего отдела.

Не сразу удается сообразить о чем он говорит, а когда понимаю.... О! Это он все таки ознакомился с моим отчетом.

— А вы считаете это не важно? — притворно возмущаюсь. Строит из себя ничего не понимающего? Так в эту игру можно играть вдвоем. — Вы представляете сколько бумаги расходуется только на одни черновики договоров? Это десятки страниц, а в худшем случае, сотни! Намного экономичнее было бы все держать в электронном варианте, а уже окончательный вариант отпечатывать. А расписания работы? Объявления для сотрудников? В век современных технологий, когда есть социальные сети, мессенджеры и онлайн документы, к которым можно кому угодно открыть доступ, просто непозволительная халатность тратить столько бумаги. — для убедительности взмахиваю руками.

Ожидаю всего, что угодно, но не того, что мужчина засмеется. Откидывает голову назад, открывая взгляду смуглую кожу шеи и смеется. Заливисто, по-мужски тягуче, с легкой хрипотцой.

Вздрагиваю от неожиданности.

— Обязательно учтем это, Юлия Андреевна, — отсмеявшись, произнес шеф, не

переставая улыбаться. С такой улыбкой на красной ковровой дорожке светить, а не в темном кабинете висеть... — Что-то такое же полезное для отдела заказов подметили?

— Увы и ах, — вздохнув, развожу руки в стороны. Чистая театральщина, — поскольку видела я только архив, то и предложения по улучшению у меня тоже только по архиву.

— Две недели в архиве значит? — размеренно говорит мужчина. Вот только тон разговора резко меняется.

На его губах по прежнему улыбка и все такая же широкая, только за секунду из искренне веселой, она становится зловещей маской.

Судорожно сглатываю, делая шаг назад. Сейчас новый босс больше напоминает хищника в предвкушении скорой расправы над своей добычей. Радует одно, эта добыча явно не я. Он смотрит будто сквозь меня, на секунду заблудившись в своих мыслях.

Перед глазами стоит застывшая улыбка-оскал, опасно блеснувшие в тени глаза и сжавшаяся в кулак рука.

Он переводит взгляд на меня, смотрит на неловкую попытку отступления к выходу и вся его холодность слетает за секунду. Смотрит мне в глаза уже более осмысленным взглядом и растягивает губы в легкой усмешке, точно распознав по моим действиям, какой эффект на меня производит.

— Идем, Юлия Андреевна, я отвезу вас домой, — говорит босс, вставая с кресла, пока я прекратив неудачную попытку к бегству замираю, как истукан.

Что характерно, это мало похоже на предложение, скорее приказ.

Мужчина подходит к небольшому угловому диванчику, подхватывает валявшийся на нем пиджак, в одно слитное движение, бросая его на руку, согнутую в локте, рядом со столика берет телефон и ключи.

Не зная, что делать мне и от сбившего весь настрой “предложения” подвезти, стою и слежу за перемещениями мужчины.

Разворачивается ко мне и так же плавно подходит, останавливаясь буквально в шаге от меня. Внимательным взглядом окидывает меня с ног до головы и улыбается каким-то своим мыслям.

— Юлия Андреевна, — говорит мужчина, когда я уже собираюсь развернуться и идти к выходу. Он же так и стоит, не двинувшись ни на миллиметр, — заберите бумагу на моем столе.

Это что еще за финт? Кажется удивление сегодня так и не сойдет с моего лица. Начальник стоит с непроницаемым лицом и лишь легким кивком головы, указывает направление, куда меня послал.

Спорить не решаюсь. Бредовый день. Бредовая ситуация и я хочу чтобы это все скорее закончилось. Обойдя по широкой дуге, как сомнамбула подхожу к столу, спиной чувствуя прожигающий взгляд.

На столе идеальный порядок. Ручки и карандаши в подставке. Документы, папки в вертикальном пластмассовом лотке на другом краю стола, на идеально чистой столешнице лежит только папка с моим отчетом и один единственный лист — ошибиться нереально.

Беру в руки листок, поднимая его к глазам. В полумраке читать сложнее. Но испещренный мой почерком, узнаю мое заявления на увольнение.

Пробегаю по строчкам взглядом и “спотыкаюсь” о выбившуюся из написанного линию. Всего два слова, написанный через пол страницы, размашистым резковатым почерком. Поворачиваю лист вертикально, всматриваясь в написанное.

Всего два слова, как приговор.
“НЕ ДОЖДЕШЬСЯ”.

В машине молчим и это молчание меня угнетает. Хотя, судя по виду шефа, только для меня оно тяжелое. Вот он слегка наклоняет голову вбок, смотря в зеркало заднего вида, легкое движение рукой и вот он сворачивает в основную полосу. Все движения плавные, расслабленные, а меня трясет, напряжение настолько сильно сковывает тело и меня передергивает.

Увидев то, что написано на заявлении я вылетела из кабинета, как пробка из бутылки. Не знаю, откуда такая реакция, но инстинкты просто завопили “беги” и я побежала, не сумев совладать с собой.

“Не дождешься”...

Все, что я искала на своем заявлении — это надпись “одобрено” или на крайний случай “отклонено”, хотя даже второе было бы удивительно.

Но “не дождешься” это уже что-то личное, так же? Но это невозможно. У меня Антон Нет, не так, он уже не у меня, но был же, совсем недавно. А это “не дождешься” это же что-то из области отношений и явно не рабочих. Или я сошла с ума и накручиваю себя?

Сижу зажав руки коленями и пытаюсь дышать. Кислорода не хватает, вдыхаю запах этого мужчины, которым пропитан весь салон его машины. И меня снова трясет, голова наливается свинцом и горло спирает.

— Откройте окно пожалуйста, — прошу, потому что вся панель управления у него под рукой, и как только стекло опускается, высовываюсь в окно вдыхая загазованный воздух, но дышится легче.

— Все в порядке? — слышу обеспокоенный голос за спиной, но все на что меня хватает, это кивнуть. Сижу к нему спиной и вряд ли он увидит, но мне сейчас не до этого.

“Не дождешься...” это посягательство на меня, на физическом уровне чувствую это и идет отторжение, потому что я девушка Антона, принадлежу ему и не могу допустить, чтобы кто-то проявлял внимание в мою сторону.

Уровень защиты — спастись от посягательств со стороны. Даже самой страшно от такой резкой реакции, никогда такого не было, но и вот так открыто внимание никто не проявлял.

Я пустила его слишком глубоко в свою душу, чтобы вот так легко сейчас от этого избавиться.

“Не дождешься”, как непреложная истина, будто так и надо, но нет, так не должно быть. Я женщина другого мужчины. И если в первый раз, когда ехала с ним в машине такой реакции не было — просто не рассматривала его как мужчину и не предполагала другого рода общения, кроме начальник-подчиненная, то сейчас...

Из его кабинета я вылетела, бросив заявление на столе, мне просто необходимо было на воздух и нужно было дать выход охватившей панике, только мозг явно не работал в этот момент, потому что рванула по лестнице, напрочь забыв про лифт и к тому моменту, как глотнула спасительный H₂O, Александр Игоревич уже стоял на улице и его машина, каким-то чудом, стоял в двух шагах от нас. Он просто взял за руку и усадил к себе в машину, пока я пыталась справиться с неожиданной и сбивающей с ног паникой.

Вдох, выдох. Пытаюсь взять себя в руки, но стоит посмотреть в сторону водителя и поймать на себе его взгляд, как снова накрывает. Что ж такое-то? Это нормально так

реагировать? Что-то подсказывает, что когда ты состоишь в отношениях, то да.

“Но у тебя-то нет никаких отношений. Вы с Антоном уже не вместе”, - шепчет услужливо внутренний голос.

Не вместе...

Откидываюсь на спинку кресла и с меня будто груз в тонну сваливается. Мы. Уже. Не. Вместе.

А я до сих пор так реагирую на посторонних мужчин — это значит только одно — я не отпустила.

В голове более менее проясняется. Дышать становится легче.

— Юля... Андреевна, — шеф едва заметно запинается перед отчеством, но продолжает, — с вами все в порядке?

— Да, да, — отвечаю не спеша. Потому что действительно “да”, уже все нормально. Потому что исчезла угроза священному трио, я-любовь-он, которое я очень ценю, а точнее выпала последняя составляющая и этого трио больше не существует, а значит и защищать нечего. — Извините, Александр Игоревич, просто стало немного не хорошо. Сейчас все в порядке.

Мужчина бросает еще один настороженный взгляд и снова возвращает взгляд на дорогу. Теперь мы поменялись местами — я уже не так напряжена, а он не так спокоен.

Я себя просто накручиваю. Мы расстались с Антоном, а шеф не проявляет ко мне никакого особого внимания. Все. Точка.

— Александр Игоревич, сверните пожалуйста здесь, — показываю поворот, который мне нужен.

У меня есть еще одно дело, про которое почти забыла, но сделать надо.

— Зачем? — интересуется шеф, но поворачивает, куда прошу. Он уже подвозил меня и точно знает, что до моего дома еще не близко.

— Остановите, пожалуйста у супермаркета, — игнорирую его вопрос, — спасибо, что подвезли.

Как только машина тормозит на стоянке, выскальзываю за дверь и отрезаю от себя все, что происходило сегодня вечером.

Я не понимаю, что это было, не понимаю, что происходит, но и думать об этом сейчас не хочу. Просто заставляю себя переключиться на то, что собираюсь сделать, переключаю себя на рабочий лад.

Покупаю килограмм апельсинов, которые точно знаю не пригодятся и иду в нужном мне направлении. Дорога, несколько дворов и вот искомая старая пятиэтажка.

В подъезд попадаю без труда — домофон не работает. Лестница. Дверь. Звонок.

— Здравствуй мой хороший. Соскучился?

Успели от героев отдохнуть? Продолжаем =))

— Андреевна, ты? — мой подопечный, Гриша, встречает меня растрепанным и с глазами “по пять копеек”.

Ясно, что не ждал. А вот у меня план, навестить нашего горе больного возник сразу, как Аня рассказала о его больничном.

— Не узнал? Так сильно изменилась за две недели? — улыбаюсь.

— Нет, я это... — чешет затылок опустив глаза, сразу видно, что застала врасплох.

— Решила навестить, мне сказали, что ты заболел. Апельсинчиков вот принесла, — трясусь перед растерянным мужчиной пакетом с покупками.

Гриша кривится, не поднимая глаз — ну чисто нашкодивший котенок. Стоит такой весь растрепанный, а на заднем фоне звуки стрельбы подсказывают от чего я его оторвала.

— Да я же это, не ем их, — хах, а то я не знаю, — у меня аллергия.

— Ну так все по-честному, антивитамины для лже болезни. — хмыкаю весело. — Давай так, я не стану задавать тебе вопросы, “зачем” и “почему”. Насколько успела понять, я много интересного пропустила за свое отсутствие, просто скажу, что пока тебя не было, вся твоя работа свалилась на Варю и Аню, только на них двоих. Последняя, даже на работе ночевала, чтобы все успеть.

Пугать его увольнением или штрафами глупо. Для меня большая загадка, для чего он торчит в нашем отделе. За время его работы, с горем пополам выведала, что зарабатывает он себе на жизнь написанием компьютерных программ, но при этом исправно, изо дня в день, приходит в офис и шлепает заказы.

— Я хотел взять удаленный доступ, но это только с разрешения начальства. А про остальное — я не знал, — вскидывается парень. Хотя возраста он моего, но почему-то всегда ощущение рядом с ним, что я старше и еще его это “Андреевна”, как он всегда величает меня... — Может, зайдешь?

— Нет, — качаю головой, — я тебя навестила. Вижу, что тебе уже лучше и пойду. Хочу отдохнуть, какой-то непростой день выдался. Тебе витаминчики то оставить? — снова трясусь пакетом.

— Если я их возьму, то точно придется меня навещать, только уже в больнице, — теперь хмыкает уже он.

— Ну и ладно, сама съем. Пока. Поправляйся и приходи, — киваю и разворачиваюсь уходить.

Еще одно вычеркнутое дело из списка. Хотя почему “еще одно”? Единственное. В планах было уволиться и забрать документы, но что-то пошло не так.

— Андреевна, — окликает Гриша. Поворачиваюсь обратно к нему. — Я завтра на работу выйду.

— Тебе больничный надо закрыть, — напоминаю.

— Да щас, пять минут и закрою, — снова опускает глаза и ерошит волосы на голове.

Хорошо, что на меня не смотрит, потому что сейчас уже у меня глаза по “пять копеек”.

— Ладно, — киваю, справившись с удивлением, — завтра так завтра.

— И это, — говорит, пока я снова не отвернулась, — тебя скинуть собираются.

Поговаривают, что дочка шефа встанет у руля отдела, а Антон в замы к главному. Для тебя места нет.

Зная политику “невмешательства” Гриши, удивительно, что он мне рассказал. Что же до того, что именно он мне сейчас рассказал, вопрос один — если все так, почему не дают уволиться?

— Спасибо, — киваю и наконец ухожу.

Выхожу из подъезда, загруженная мыслями под завязку. У меня вообще пазл никак в голове не собирается. Отправили в командировку, устроили мне там “веселые” две недели, уволиться не дают. Зачем это все?

Поднимаю глаза и вздрагиваю от неожиданности — прямо напротив подъезда, оперевшись рукой о капот своей машины стоит шеф и курит.

Осматривает меня с ног до головы и, затянувшись новой порцией никотина, выпускает облако дыма, не сводя с меня глаз.

Что ему нужно? Как он здесь оказался? Он что следил?

Хорошие вопросы, которые можно было бы задать, но...

— Вы курите?

Идиотка.

Шеф усмехается, подходит и замирает в меньше чем полуметре от меня.

Пробегает глазами по лицу и кровь приливает к моим щекам.

— Бросил пару лет назад и вот снова. — говорит мужчина, а я смотрю на него и даже не сразу соображаю, что это он просто ответил на мой вопрос. — Я довезу до дома. Мы так и не поговорили.

— А если б я не вышла? — не, ну могла же я решить переночевать у подруги например или тут могут жить мои родственники.

— А что тебе долго делать у своего больного коллеги?

Афигеть!

На препирательства не остается ни сил ни желания. Да и чего уж там, много вопросов у меня. Не съест же он меня, в конце концов? Усаживаюсь, дожидаясь, когда водитель займет свое место и снова выдвинулись в путь.

Как в протрации смотрю на меняющиеся за окном “пейзажи”. Из-за фонарей, огней окон и вывесок светло, не смотря на позднее время.

— Ты любишь его? — говорит начальник. — Ты так вылетела из кабинета, будто за тобой гнались...

Не заметила, что он перешел на "ты", не сразу увидела, как напряжен был мужчина.

— Что? — отрываюсь от созерцания города за окном и поворачиваюсь к водителю.

Шеф сидит, напряженно смотря вперед, будто там не обычная полупустая дорога, а самый сложный лабиринт. Поворачивается, смотря на меня долгим взглядом, будто говоря, что я все прекрасно слышала и повторять вопрос он не будет, и снова отворачивается.

— Вам не кажется, что это немного не ваше дело? — это явно не та тема, на которую я бы хотела разговаривать.

Спокойно, Юля, только спокойно.

Под руками шефа, скрипит оплетка руля, а на руках выступают мышцы. Мужчина вдыхает, сжимает зубы и выдыхает.

Чего такого я сказала?

— Нет, Юлия Андреевна, мне так не кажется. — говорит на удивление спокойно, снова

переходя на деловой тон. — Вы работаете на нашей фирме и от того, насколько вам неприятно видеть своего бывшего молодого человека и его новую девушку, зависит будут ли у нас проблемы в работе. Как мы уже выяснили, это вполне вероятно. Поэтому мой вопрос — любите ли вы настолько сильно Антона, чтобы испортить свою жизнь?

Оу. Согласитесь, это надо уметь задать так вопрос. На секунду теряюсь.

“Любите ли вы настолько сильно Антона, чтобы испортить свою жизнь?”, - одними губами проговариваю вопрос. А на него вообще есть какой-то правильный ответ? Я его люблю сильно и готова пожертвовать нормальной жизнью ради него? Определенно я на многое готова, но и у моего “многое” тоже есть границы. А если есть границы, через которые не переступлю, даже ради него, значит не так уж и сильно люблю? Так что ли? Мой мозг в это момент просто сломался... Как сбой настроек, как перегруз системы.

Нет, стоп. Я люблю Антона...

— Вы это сейчас к чему?

— У вас ситуация, когда возможен достаточно неплохой карьерный рост. — мужчина полностью расслаблен и говорит чисто по-деловому. — Я переговорил с работодателями, которым вы отослали резюме. В лучшем случае вам предлагают аналогичное место, которое вы занимаете сейчас, но о повышении на ближайшие лет пять-семь можно забыть. Плюс вы не знаете коллектива, куда вам предстоит идти, сможете вы там прижиться или нет. Новое место, это всегда пальцем в небо. Вы сейчас отказываетесь от знакомого коллектива, хорошо вами изученной работы, от повышения, ради мужчины, который все равно этого не оценит.

— Подождите, подождите. Решение уволиться не связано с Антоном. — мотаю головой. — Точнее, связано, конечно, но косвенно. Игорь Валентинович явно намекнул на увольнение, плюс то, что вы отправили меня на две недели я посчитала отработкой, да и если учесть куда вы меня отправили... Как по мне, то все очевидно.

— Вы ошиблись. — прозвучало бескомпромиссное в ответ. — Якобы отработка, на самом деле должна была стать чем-то вроде обмена опытом. Да, это сделано было с умыслом. Ваша выходка, когда вы не предупредили о недоработке, сильно подкосила уверенность в вас. Плюс то, что Арина пришла работать в ваш отдел — понятно, что это бы отразилось на вас. Две недели чтобы вы успокоились и смирились с работой в одном отделе с девушкой бывшего, и две недели спокойного испытательного срока для Арины. Та фирма, куда вас отправили — эта фирма моего друга, поэтому получилось все так быстро устроить. Но он по состоянию здоровья находится за границей, поэтому ваше устройство там, перепоручили, при этом вы все равно не должны были оказаться в архиве. У них есть отдел со схожей спецификацией, там готовилось место для вас. Извиняться за это сейчас глупо. Все, что могу пообещать — как только друг поправит здоровье и вернется, мы разберемся почему так произошло. По этой же самой причине я не подписал ваше заявление — до всего случившегося, как сотрудник, вы более чем устраивали моего отца.

— Хорошо. — говорю медленно, переваривая все, что сейчас услышала. — И, что дальше?

— А дальше все так, как должно было быть изначально. — мужчина бросает на меня быстрый взгляд. — С завтрашнего дня и на две недели, вы возглавляете ваш отдел. От вас требуется, слаженная работа коллектива и по итогу предложения по улучшению работы отдела, Антон на эти две недели пробует себя в роли помощника руководителя. Но все это при условии, что ваши эмоции больше не помешают работе фирмы.

Удивленно уставилась на босса. Серьезно? После косяков меня и Антона он хочет

попробовать?

Шеф поймал мой взгляд:

— У вас с Антоном один-один, — будто мысли читает.

Подмигивает, уголки мужских губ дрожат в улыбке.

Еще ни разу не видела такое странное начальство, за косяки выговор влепят или увольняют, а наш ведет счет.

— Ну так что? — шеф поворачивается ко мне, закинув одну руку на руль. Я даже не заметила, как мы остановились около моего дома. — Готовы попробовать на работе отключать эмоции и включать профессионала?

— Зачем это вам? Я впервые вижу, чтобы провинившихся сотрудников повышали. А вы правильно заметили, у нас уже с Антоном можно вести счет в косяках...

Мужчина хмурится, будто обдумывая говорить мне или нет.

— Вы правы Юлия Андреевна, девушка, которая руководствуется эмоциями и мужчина, забывший о работе из-за возлюбленной, не лучшие кандидаты, но, скажем так, сейчас не лучшее время для смены работников. В других условиях, выговоры или увольнения, но сейчас... будем считать, что у вас появился второй шанс и только от вас зависит, как вы его используете.

— И как вы себе все это представляете?

— Я тебя не уволю, но у меня есть условие — ты сводишь к минимуму свое общение с парнем моей сестры. Только рабочие вопросы. Забудь о том, что вы были в отношениях.

— Мне никто не поверит. — качаю отрицательно головой. — Сейчас любая ситуация, любой промах, даже если не мой, сваливать все будут именно на меня. Ведь я один раз уже натворила глупостей. И всегда будет аргумент, она мстит бывшему парню.

— Поверят. — твердо отвечает начальник. — Потому что с этого момента, для всех, ты моя девушка.

Утром по обыкновению иду на свою работу, только уже в статусе ИО начальника отдела.

Разобрала ли я сумбур в голове? Нет. Представляю ли я, как это будет? Нет. Точно знаю только одно, я хочу попробовать сохранить хотя бы карьеру — это единственное, что у меня осталось. Если будет совсем неважно — уволиться всегда успею, а то что не стоит мешать работу и личное, я и сама поняла и про глупость своего того поступка, тоже.

Антон будет на другой должности, а значит видеть я его буду крайне редко. Арина прошла стажировку, значит особого внимания ей тоже не нужно. Пожалуй и правда стоит сказать “спасибо”, что эти две недели меня тут не было. Остается только качественно выполнять свою работу, что я умею делать. Ничего же сложного, так?

Но как говорится “хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах”, в отделе, нервно “измеряя” пространство между столами, ходил из угла в угол Антон.

— Наконец ты пришла, — подлетает ко мне, как только переступаю порог отдела и буквально втаскивает меня внутрь, захлопывает дверь и поворачивает ключ, запирая нас изнутри. — Юля мне нужна твоя помощь.

Очевидно, что ждал.

Я только хлопаю глазами. В груди безотчетно разливается тепло — и вот вроде для себя все решила, и все приняла и поняла, но организм не согласен и реагирует по своему.

Делаю глубокий вдох, высвобождая руки, которые Антон захватил в свои, подхожу к столу. Пиджак на спинку, сумку на крючок, сама в кресло.

“Хватит мечтать Юля, вряд ли это как-то связано с вашими отношениями. Он точно не предложит сойтись обратно, вот и не стоит растекаться лужицей”.

— Что ты хотел Антон? Чем я могу помочь? — говорю, старательно выдерживая спокойный тон и сохраняя бесстрастное выражение лица.

Антон словно очнулся и подлетел к моему столу.

— Юля, у меня мало времени. Хотел вчера поговорить спокойно, но ты куда-то пропала, — укоризненно смотрит на меня.

Он что, ждет, что я стану оправдываться? Ага, щаз!

— Ты, кажется, сказал, что у тебя мало времени? Так может закончим с трагическими паузами? — язвлю.

Поджимает недовольно губы. Похоже и правда должна была оправдываться и извиняться...

— Так что хотел то?

Антон вздыхает и опускает глаза, видимо собираясь с духом:

— Ариша завалила испытательный срок. Я хочу, чтобы ты помогла ей!

Чего он хочет!?

“Завалила испытательный срок” — звучит, как песня.

Во мне просыпается вредная Юля и довольно потирает ручки, что идеальная во всем Ариша, хоть где-то не такая эталонная.

Да, да — вот такая я злюка вредная. Конечно, это с моей стороны мерзко и не красиво, но внутри я злорадствую и радуюсь промаху соперницы... еще бы это что-то меняло.. Поэтому приходится отмахнуться от своей ядовитости и переключиться на деловой лад.

Указываю Антону на стул, который стоит с другой стороны моего стола. У нас есть минут пятнадцать-двадцать, чтобы все обговорить.

— Не успеваешь или систему работы не поняла? — спрашиваю, пытаюсь понять в чем проблема.

— Не то, не другое, — Антон снова опускает глаза и ерошит всегда идеально уложенные волосы.

— Не поняла... — тяну удивленно, потому что и правда не понимаю.

Ты либо не успеваешь отбить ежедневную норму заказов, либо неправильно их отбиваешь и косячишь в заполнении документов. Как говорится, третьего не дано.

— Я... в общем... — Антон мнетя, а у меня шок — это что за неудачный клон-мямля? Черт побери, никогда не видела его таким. Он же мужик с большой буквы М... обычно.

— Антон у нас времени не так много. Говори уже, — потому что мне надо придумать, что делать дальше.

Как не крути, Арина не обычный стажер и за завал испытательного срока ее никто не уволит, тут и к гадалке не ходи.

— Это из-за меня. Она не будет успевать делать норму, потому что не знает, что норма — двести пятьдесят заказов. Я часть делал за нее. — выпаливает на одном дыхании и напоминает сейчас ребенка, который оправдывается за двойку.

Сижу с выпученными глазами и отвисшей челюстью, потому что лучше б двойка.

Как он вообще до этого додумался? Мне вот очень интересно, он как собрался это разруливать то?

— И сколько она делает? — спрашиваю с подозрением.

— Сто восемьдесят.

Твою ж мать.

Кажется я сказала это вслух, но мне как-то сейчас особо не до подбора выражений. Сто восемьдесят, это она не дорабатывает восемьдесят заказов. Почти третью часть общего объема... Пипец, только через “зд”.

Что б вы понимали, как это работает, на компьютерах каждого сотрудника, список заказов, который пополняется в режиме реального времени, как только поступает новый заказ. Счетчик отсчитывает количество отработанных заказов, а мы (наставники и директора) может увидеть список отработанных заказов. Сотрудники видят на счетчике двести пятьдесят и могут остановиться или сделать сверх нормы.

— Ты же в курсе, что об этом нужно сообщать наверх?

— Ну вообще не обязательно, — Антон наконец поднимает на меня взгляд и смотрит так... сложно объяснить, но глаза блестят, как у маньяка, способного на любое безумство, — докладывать должны были пока просто наставниками были, а сейчас ты ИО и все проблемы

отдела должна решать сама.

Проще говоря он предлагает мне скрыть... Хотя доля правды в том, что он сказал тоже есть. Если в отделе я начальник, то и решать такие вопросы могу сама.

— И как ты это провернул? — мне просто любопытно.

— Подключался удаленно и добивал количество до нормы. Ей говорил, что перевыполним ей план. До конца рабочего дня она успевает только сто восемьдесят, — пожимает плечами.

“Если б ты, идиот, не вмешивался, то к концу второй недели она бы уже все успевала. Все первое время не успевают, но наращивают скорость со временем”. - хотелось бы сказать ему это вслух, но молчу. На языке крутиться другой вопрос:

— И она ни разу не усомнилась? Ты две недели делал ей двести пятьдесят заказов и у нее ни разу не возникли вопросы? — она же не может быть настолько наивняк? Нет же?

— Она полностью доверяет мне, — горделиво вскидывает голову.

Усмехаюсь. Тут есть чем гордиться? Жестко наврал девчонке и рад, что она ему верит.

Я одна тут дура чего-то не понимаю?

Мысленно уже через слово вставляла маты. Я обычно кулЮторный человек, но редко во мне прорывается Юлька, которая пьет вишневое пиво и может приложить матом особо приставучих.

Вспоминая эти незатейливые факты о себе, на секунду удивляюсь, как я умудрилась выбрать именно Антона? Моя вишневка, против его вина и коньяка какой-то сумасшедшей выдержки. Домашние посиделки в уютном кругу, против супер модных клубов и баров.

Встряхиваю головой. Есть более насущные вопросы.

— Ну и кому ты лучше сделал? Это медвежья услуга с твоей стороны, сам то понимаешь?

— Ты права, никому. — он вдруг совершенно открыто улыбается и выглядит так, будто попал в нирвану. — Просто когда любишь, пытаешься любимому человеку облегчить жизнь, сделать все, чтобы ему было хорошо. Ты поймешь, когда влюбишься.

Казалось мне зарядили пощечину. Неожиданную, горящую и до ужаса обидную и несправедливую.

Я все эти два года именно этим и занималась, пыталась облегчить ему жизнь — помогала, поддерживала, никогда не нагружала своими проблемами, а он просто этого не замечал.

Усмехнулась сама себе — “вот так вот Юля”.

Сжимаю пальцами переносицу и прикрываю глаза. Будто если не буду смотреть на его счастливо-влюбленное лицо станет легче и слова, которые он сказал, забудутся. Только этого не будет.

Он не замечал, что я делала для него, что я влюблена и, конечно, ничего подобного не делал для меня, потому что просто не любил. Проще, чем дважды два.

— Пошел вон, — шепчу, давя в себе все, что наболело и было сейчас снова разодрано до кровавых ран. Откидываюсь на спинку стула и открываю глаза.

— Что? — переводит на меня непонимающий взгляд. Он только вырвался из своих фантазий и до него не доходит, что произошло.

И стоит признать, что скорее всего никогда и не дойдет.

— Пошел вон отсюда, чтобы я тебя не видела, — говорю твердо и жестко.

Антон с ошалелыми глазами встает со стула. Хочет еще что-то сказать, но встретившись

с моим взглядом, молчит и просто уходит, оставляя меня в такой нужной сейчас тишине.
Через пять минут начинают подтягиваться сотрудники...

Ну не может стажировка на новую должность пройти спокойно, если в первый же день с утра случается такая ерунда. Надо было сразу догадаться, но я ж стараюсь не верить в предрассудки. Но блин, найди уже кто-нибудь умный, этим предрассудкам доказательства, потому что они постоянно срабатывают и никак не могут быть просто совпадением.

После ухода Антона понемногу приходят сотрудники. Не понемногу конечно, а сразу и всем скопом. Первой всплывает Анютка, просто донельзя счастливая. Как танкер на буксире она тащит за собой обалдевшего от такой встречи Гришу.

— Выздоровел. Он выздоровел, представляете? — подводит его к моему столу и улыбалась. Ярко, искренне.

Одно “но”, у меня настроение основательно подпорчено, а я не умею скидывать за секунду все эмоции и светиться, как начищенный чайник. Даже запихнуть эмоции поглубже и натянуть маску профессионала, как делала это всегда, не выходит. Просто не получается.

И если изначально было обидно и больно от слов Антона, то чем больше проходит времени, тем больше обида трансформируется в злость. С каждой... даже не минутой — секундой, планка поднимается все выше и выше к точке кипения.

— Отлично. Я рада. — киваю сухо. — Идите работайте.

Говорю грубее, чем нужно. Аня и Гриша вообще не заслуживают такого тона, но вот он минус того, когда не умеешь владеть эмоциями, благо Гриша все еще был ошарашен напором Анютки, а она сама слишком счастлива, что серпентарий будет разбавлен хоть одним человеком, с которым она может пообщаться — они даже ничего не замечают.

— Уже идем, — весело отзывается Анютка, — кстати, Варя сегодня идет к педиатру, берет сыну справку в садик и завтра на работу.

— Хорошо. — еще раз киваю и Аня идет вприпрыжку к своему месту.

Блин, вот какого черта я так разговариваю с Аней и Гришей? Они ничего не заметили, но это не повод так себя с ними вести. Они не заслуживают.

Всегда приветливые, вежливые, помогут и поддержат при необходимости. Совесть пилит, словно пилочкой для ногтей — тонко, больно, противно и до ужаса медленно. Такое ощущение, что становлюсь злобной ведьмой. Рычу на всех без повода, всегда недовольная, злая.

Когда я последний раз чему-то радовалась? А улыбалась? Нет, я раздражаюсь, завидую и при любом удобном случае вспоминаю чертей и блины.

Наверное, я бы так и продолжала это самокопание и даже, возможно, пришла бы к чему-нибудь полезному, если бы...

— А ты че здесь делаешь? — слышу от входа в отдел не то удивленный, не то злой голос. Единственное, что могу сказать, что он принадлежит Леле и голос этот порядком оборзевший.

Даже Аня и Гриша, старающиеся обычно не обращать внимания на склоки этих дам, оборачиваются.

У входа стоят вездесущие три Л и адепт их маленькой, но процветающей школы стерв, Ариша.

— Вообще-то работаю, — стараюсь максимально спокойно ответить.

Я тут вроде как начальник, должна себя вести адекватно и не поддаваться на

провокации.

— А... — пытается что-то сказать Лена, но я ее нагло перебиваю.

— А если вы, заботливые мои коллеги, решили, что меня выкинули за шкуру отсюда, спешу вас обрадовать — нет.

На перекошенных лицах, как в открытой книге, легко читается, насколько они этому “рады”, а это они еще главной новости не знают, в качестве кого я тут сижу.

Одна Ариша стоит спокойно и понять, как она к этому всему относится, сложно. Но это пока она не знает, какой “сюрприз” я ей передам от её обожаемого мужчины.

— Может уже приступите к работе? — интересуюсь у застывшего в дверях “квартета”.

Отмирают.

— Ты не начальница, чтобы тут командовать, — вскрикивает Лена.

Фух, ну слава Богу. Я то уж подумала, что они сломались, так долго стояли в молчании. Нет, снова возмущаются, значит все в порядке.

“Вы ж мои хорошие”. У меня внезапно поднимается настроение.

— Да, не начальница, — притворно тяжело вздыхаю, — всего лишь исполняющая обязанности. Так что вам все равно придется мне подчиняться.

Замирают. Снова. Смотрю на них и в который раз задаюсь вопросом Три Л не могут быть сестрами? Или они где то этому учатся? Просто так синхронно сделать вот эти шокированные лица, “обожемой, мне плоха, спаситепомогите”, без подготовки, кажется невозможным.

Молчат, не моргают. Просто впали в ступор. Информация, которую я озвучила, для них явно стрессовая. Я даже не чувствую на себе их фирменные режущие-расчленяющие взгляды, а это поверьте мне ого-го какой показатель.

— Так как на счет поработать? — спрашиваю аккуратно, так как у меня большое подозрение, что...

— Ага, — заторможенно кивает Леля и они уходят на свои места.

... я все таки их сломала!

Три Л, словно роботы усаживаются за свои столы. Ариша, про которую, если честно, успела подзабыть, наблюдая за нашими мадамами, недовольно поджав губы, тоже проходит к своему рабочему месту.

Осталась только она без “плюшек” с утра пораньше. Для нее тоже припасена новость. Только, если следить за реакцией Три Л было хоть чуточку интересно и чего уж скрывать, даже немножко приятно, то с Аришей этого нет. Не хочется подходить, общаться, да даже смотреть на нее. Хочется отгородиться от нее, не наблюдать. Вот почему она не может быть такой, как Гриша? Тихой, незаметной. Чтобы взял и забыл, что она здесь есть и вспоминать, видя сделанную работу.

Но нет. Это было бы слишком хорошо для правды. Мало того, что не замечать ее не возможно, так еще и нянькой для нее становиться придется.

В этот момент лично у меня в голове всплывает всего один вопрос — Антон то понимает, что сам лично сталкивает нас каждый раз лбами? И что-то мне подсказывает, что этот случай не будет исключением.

Подавляя в себе маленькую вредную девочку, которая так и нашептывает либо не говорить Арише ничего, либо сказать попозже, заставляю себя встать и подойти к девушке бывшего парня.

Надо сказать — я ж в конце концов профессионал.

Ариша сидит и упорно смотрит в экран. Успела включить компьютер, зайти в систему и сейчас рьяно отбивает первый заказ. Я бы даже сказала демонстративно, иначе я никак не могу объяснить ее стойкое игнорирование, стоящей возле ее стола, меня.

Я уверена ей тоже неприятно, вижу, как вся напрягается, да и она этого не скрывает. Но молчит и работает.

Пытаюсь подобрать слова. Надо выразить, что-то вроде “вот норма заказов, ты справишься, я во всем помогу”, но внутри все протестует, стоит прокрутить придуманный монолог. И все из-за того, что из головы не выходит причина, по которой этот разговор вообще сейчас состоится. Один зажавшийся мужчина пытался сделать, как лучше, получилось как всегда, а последствия выгребать мне.

Бесит.

Захожу немного вперед, чтобы хоть как то смотреть в лицо девушке. Мне не комфортно разговаривать с затылком, и хоть глаза на меня она так и не поднимает, смотреть в лицо — это уже хоть что-то.

— Арина, по заказам норма в отделе — двести пятьдесят. У тебя время до конца следующей недели, чтобы наработать скорость обработки, если нужна будет помощь... я помогу.

Если первые слова почти тараторю, то последние едва получается выдать из себя. Вроде обычные слова, но говорить этойей, оказалось сложно.

— Что? — она останавливается не донеся пальцы до очередных кнопок на клавиатуре и наконец поворачивает голову ко мне.

Она злится. Это читается явно, переход за несколько секунд. Непонимание-удивление-злость.

Она все расслышала и поняла. Я не знаю, что к этому можно еще добавить, поэтому просто молчу и жду, когда она осознает и... ну, не знаю — начнет задавать вопросы?

— Да, когда тебе уже надоест? — вместо вопросов летят претензии, рвущиеся криком из рта девушки. — Ушел от тебя Антон, смирись уже, хватить срывать свою злобу на всех окружающих.

— Я ничего не срываю, это правда... — пытаюсь объяснить, но кто б меня слушал.

Ну Антон, ну сволочь. Почему я вообще должна сейчас стоять и объяснять ей все это? Антон не посчитал нужным сказать, а сейчас я и действительно выгляжу, как та, кто в отместку нагружает ее работой.

Арина, конечно, ничего слышать не хочет.

— Ты просто злая... и противная... — Арина видимо пытается подобрать обзывательства, которые бы задели меня побольнее, обидели, расстроили, но у нее не получается. Такой цветочек, как она, не может быть запачкан ругательствами. — Да с тобой ни один нормальный человек не выдержит и поэтому Антон от тебя ушел.

А вот теперь задела. У нее получилось. Надавила именно туда, где еще не зажило и где еще отдает болью.

Если я ее сейчас некультурно и некрасиво, но так желанно для меня, пошлю, все опять скажут, что я придираюсь, потому что злюсь из-за Антона?

— Перестань орать. — в моем голосе прорезается металл, а внутри во всю клопочет злость. Девушка замолкает и видимо наконец готова, если не услышать, то хотя бы просто слушать. — Вокруг тебя сотрудники, спроси у них, сколько норма заказов, если не веришь мне. Все претензии, почему ты до сих пор не знаешь это число, можешь адресовать своему

парню и подружкам, которые почему-то тоже не удосужились тебе сказать. Что до меня... если еще раз заговоришь со мной в таком тоне, лучше сразу проси перевод, потому что мне будет абсолютно плевать, чья ты дочка или сестра.

Кого будут прикрывать в случае неприятностей? Кто неприкосновенная личность? Кто всегда и во всем в приоритете? Думаю все знают ответы на эти вопросы, но мне сейчас плевать. Я не позволю ей так со мной разговаривать — это не работа, когда сотрудник может помыкать начальником, пусть и временным. И что б я еще раз поддалась на уговоры Антона...

— А сейчас иди и приведи себя в порядок, у тебя полчаса и возвращаешься к работе.

Арина срывается с места и просто вылетает из отдела.

Осматриваюсь и понимаю, что пялится на нас не только наш отдел, но и народ из соседних вывалился и не стесняясь глазеет.

Зашибись. Если раньше болтали только Три Л, то сейчас точно будет вся фирма.

— Всем работать, — рявкаю так, что позавидовала бы любая дворовая собака и саданув по столу ладонью, под быстрый перестук шагов, разбегающихся в испуге по рабочим местам сотрудников, возвращаюсь к себе.

Вот тебе и первый день в новой должности.

— Ты меня подставила. Но мне все равно. Слышишь? Мы с Антоном все равно будем вместе, а ты захлебнешься в своей злобе! — кричит Ариша, склонившись над моим рабочим столом, вернувшись от брата.

— Арина Игоревна, подбирайте выражения, — цежу сквозь зубы, поднимаясь из-за стола.

Терпеть не могу, когда встают надо мной.

Рабочий день пятницы уже подходит к концу, но все же еще не закончился — сотрудники на местах и сейчас, не таясь, глазят на очередной развернувшийся концерт. Зачем кино или какие-то другие развлечения, когда тут такой бесплатный цирк?

Последнее такое выступление было в прошлый четверг, когда я сказала Арише про норму заказов, а она обвинила меня в предвзятости и вылетела из отдела.

Стоит сказать ей “спасибо”, потому что побежала она напрямик к брату в кабинет, где они заседали с Антоном, тем самым избавив меня от дилеммы “говорить шефу, о косяке Антона со стажировкой Арины или нет”. Она все сделала сама.

По ее возвращению в тот день, заметила за девушкой удивительные метаморфозы. Она больше не грубила, не орала, спокойно поинтересовалась, как ей теперь работать и ушла на свое рабочее место. Правда и извиниться она не сочла нужным, а я не стала настаивать.

Решили, что до конца следующей недели, она каждый день делает на десять-пятнадцать заказов больше, тем самым увеличивая темп работы и приближаясь к норме. Она старалась даже больше и как итог, вчера, в четверг, она выполнила норму заказов полностью. В чем суть ее сегодняшних претензий, я, даже отдаленно, не понимала.

— Ты... ты могла бы... нет... ты должна была меня вчера предупредить, — подбородок Ариши дрожит, голос прерывается, а на глазах отчетливо блестят слезы.

Волей — неволей начинаешь чувствовать себя каким-то монстром, обидевшим ребенка. На фоне Ариши просто невозможно чувствовать себя по другому.

Она всхлипывает и, поспешно схватив свои вещи, вылетает из отдела.

Ну теперь то все понятно, что произошло, ага... это сейчас была ирония, потому что ни черта не понятно. О какой подставе шла речь?

Перевожу взгляд от двери, через которую выбежала Ариша. В отделе тишина, сотрудники во все глаза смотрят на меня. Правда стоит на них обратить внимание, они тут же отворачиваются, изображая бурную трудовую деятельность.

Ну-ну — это при том, что заказы в системе давно все закрыты, бумажные документы тоже готовы и последние минут десять они занимаются тем, что сверлят часы, подгоняя минутную стрелку. До прихода Ариши, собиралась отправить их по домам. Пятница, вечер, работа выполнена, не вижу смысла, чтобы они просто так просиживали здесь штаны.

— На сегодня все свободны, — отпускаю всех по домам и пока мои подопечные не убежали, подхожу к ним.

Варя отпросилась еще час назад, у нее собрание в садике, так что в отделе оставались только Аня и Гриша, три Л спешно ретировались.

— Ребят, а не подскажите, что такого я вчера пропустила?

Вчера был обычный день. Все пришли вовремя, начали работу. С Ариной мы практически не контактируем, так что в начале рабочего дня мы обменялись сухими

кивками друг другу, она сказала, что закончит свои заказы сама, я вечером проверила систему и отпустила по домам — собственно все.

У меня не было ни одной идеи, что же могло произойти, но был маленький шанс, что что-то могли заметить сотрудники, поэтому я сейчас возле них.

— Без понятия, Андреевна, — отзывается Гриша.

— Я не знаю. — отрицательно мотает головой Аня. Вот и я не знаю, не у шефа же спрашивать в конце концов. — А может из-за слетевшей системы? — предполагает, когда я уже собираюсь уходить.

— Какой слетевшей системы? — напрягаюсь.

Меньше чем через пять минут я уже в курсе вчерашнего происшествия, которое прошло мимо меня, поэтому, когда звонит рабочий телефон с вызовом “на верх”, я уже понимаю, что происходит.

Страх, который сопровождал меня обычно во время походов в кабинет начальника, больше нет. Да и сколько ж можно бояться, если ходишь туда каждый день?

Да, да. Именно каждый день. Все по одной схеме — звонок на рабочий телефон, вызов к шефу, пять минут обсуждения прошедшего рабочего дня (хотя можно легко обходиться и без этого), а потом... Александр Игоревич везет меня домой.

Меня это смущает, напрягает, заставляет нервничать, но сделать я ничего не могу. Уговоры и аргументы игнорируются. Такси, которое я вызывала, как бы показывая, что можно не беспокоиться, я же не на общественном транспорте, оплачивалось и отправлялось на другой заказ. Да я даже сбежала пораньше с работы, не намного, всего на десять минут, чтобы меня не успели вызвать к начальству — на утро получила словесный нагоняй и обещание быть прикованной к столу до конца рабочего дня.

У шефа на все один железобетонный аргумент — “нам по пути”. Причем совершенно не важно, куда именно мне нужно — проверено. Магазины, аптеки, все, что угодно, неизменно одно, дожидается и везет домой. В один из дней назвала адрес на другом конце города, искренне надеясь, что не повезет. Ошиблась, повез. А на месте я испытала самый жгучий стыд, какой только возможно испытать. Улица и дом такие действительно были, вот только от дома там остался один только номер. И почему от стыда нельзя сгореть буквально?

Тогда я впервые слышала, чтобы Александр Игоревич, так искренне и забористо смеялся. Что называется, от всей души, слегка запрокинув голову, низким гортанным смехом.

— Поехали домой, путешественница, — сказал тогда, улыбаясь как чеширский кот и повез домой.

Это был последний раз, когда я пыталась что-то предпринять.

К слову, ничего из ряда вон выходящего Александр Игоревич не делает. Едем в основном под тихие звуки радио, обсуждая что-нибудь из сказанного диктором или просто молчим. Что удивительно, эта тишина не напрягает, она спокойная и обволакивающая, уютная даже, будто все правильно, будто так и надо.

Если забыть, что он начальник, а я его подчиненная и я ему собственно никто, и не должно меня быть в его машине, то ощущение неловкости испаряется, оставляя нас будто в отдельном мирке, созданного только для двоих.

Но я помню, поэтому каждый раз, как на иголках. И вот сейчас, заходя в его кабинет, страха нет, но легкий мандраж — да. Меня просто колотит рядом с этим мужчиной. Это не страх и нет, как бы поэтично не было, не возбуждение сносящее все на своем пути и

заставляющие забывать обо всем на свете, меня будто окатывает теплой волной, которой я не могу найти ни названия, ни объяснения.

— Вызывали Александр Игоревич, — говорю, привычно пройдя через уже пустую приемную и после короткого стука, заходя в кабинет. Все действия на автомате, не первый же раз, только сегодня все же по другому. — А... я помешала, позже зайти?

Напротив шефа, на месте для посетителей сидит мужчина.

— Нет, вы нам не помешали, Юлия Андреевна, проходите, — и шеф и его посетитель смотрят на меня.

Под пристальным взглядом двух пар мужских глаз занимаю одно из кресел для посетителей..

— Так зачем я понадобилась? — произношу чуть резче, чем нужно, но пристальное внимание и давящее молчание сыграли злую шутку с моими нервами.

Посетитель бросает быстрый взгляд на шефа, тот отрицательно качает головой. А меня их немой диалог, заставляет нервничать еще больше.

Вот только на удивление, гость расплывается в широкой улыбке и оборачивается ко мне.

— Позвольте представиться, Давид, друг вот этого невоспитанного гражданина, который все никак не хочет знакомить меня с очаровательной леди, — кивает, на наблюдающего за нами шефа.

— Юля, подчиненная этого гражданина, — улыбаюсь в ответ.

Сама не понимаю, как из меня вырвались эти слова. Хорошо, что мозги не совсем уплыли и я не назвала шефа невоспитанным. Что же до всего остального, не считая тех нескольких минут, что я шла и шеф со своим другом обменивались понятными только им взглядами, Давид очень располагающий к себе человек. Футболка, джинсы, татуировка-рукав на правой руке и заразительная улыбка, на которую невозможно не ответить.

— Очень рад знакомству. — кажется улыбаться шире невозможно, но у Давида получается. — И чем, позвольте узнать, столь прекрасная леди, занимается в этом сером и скучном офисе?

Ответить на этот вопрос не успеваю, а точнее мне просто не дают этого сделать.

— Дава, у тебя зубы лишние? — интересуется шеф, нарочито спокойно собирая в папку бумаги со стола.

— Вообще-то не жалуясь.

— А будешь жаловаться, — безапелляционно говорит Александр Игоревич пригвождая друга своим фирменным взглядом, впрочем на последнего это не производит ровным счетом никакого впечатления, а вот мне захотелось все таки зайти попозже.

— Может я пойду? — спрашиваю, удивительно для самой себя, робко.

— Нет. — отрезает шеф, — Дава не мешай работать.

Награждает друга еще одним суровым взглядом, который в этот раз действует. Давид поднимает руки вверх “сдаваясь” и перестает паясничать, за секунду превращаясь в серьезного человека. Вот сидел улыбаха-парень, а вот уже Давид... Надо спросить его отчество. Потому что смотрю на его лицо, за миг потерявшее все признаки былой веселости и называть его просто по имени совсем не хочется.

— Юлия Андреевна, вы проверяли систему за вчерашний день? — обращается шеф ко мне, переключая тумблер с хорошего настроения на профессиональный лад.

— Вчера в конце рабочего дня, как всегда — все заказы были закрыты.

— А сегодня?

— Нет. Утром вчерашнюю статистику я не просматриваю.

А вот если б просмотрела, то заметила бы несоответствие между вчерашними показателями и сегодняшними. Косяк? С одной стороны да, а с другой... не совсем понятно.

— Вы знаете, как так случилось, что вчерашние выполненные заказы, сегодня пропали?

— Знаю. Мне сегодня рассказали о вчерашнем сбое в системе. — мне было нечего скрывать, поэтому говорила, все как есть. — Вы по этому поводу сегодня вызывали Арину?

Шеф в ответ лишь кивает, а из меня вырывается тяжкий вздох. Лучше б он со мной поговорил сначала.

— Спросил о количестве выполненных ею вчера заказов, — поясняет шеф, — и показал сегодняшнюю статистику. Она утверждала, что выполнила все, я был склонен ей поверить, но все же решил поговорить с вами.

Интересно. Я то думала, что он на нее ругался и она за это злится на меня, а так получается, вообще непонятно, что за истерика была. Так обидно, что не похвалили, а какие-то проблемы возникли?

— Юлия, а расскажи подробнее, что за сбой в системе? — обращается уже Давид.

Смотрю на шефа. Мы, конечно разговариваем при его друге, но имею ли я право разглашать ему какую-то информацию?

— Юлия Андреевна, Давид с сегодняшнего дня будет заниматься проверкой компьютерной системы фирмы. Ему можно и нужно говорить абсолютно все, что он спросит или что вы сами посчитаете важным, — поясняет шеф на мой немой вопрос, — только единственная просьба, о его деятельности здесь, никто не должен узнать.

Ого, вот это поворот. Пригласить внештатного специалиста для проверки работы систем? Это сильно, а еще... просто так таких специалистов не приглашают. А это может значить только одно, в фирме что-то происходит.

— Хорошо. — киваю. — Я знаю, что этот сбой называют “дублером”, когда в системы появляется два абсолютно аналогичных заказа. Обычно, никаких серьезных проблем он не несет. Даже если пробить через систему оба заказа, оригинал и копию, в работу пойдет один. Единственная проблема, если ты не знал о сбое, то когда систему приводят в порядок, копии исчезают и получается, что отбил только половину заказов. Я так полагаю это и произошло у Арины?

— Да, — подтверждает шеф, — и мне интересно почему только у нее?

— Не только. Сбой был во всем отделе. Просто все остальные уже знают, как действовать в подобных случаях, а она нет.

— Почему вы ей не помогли? — интересуется Александр Игоревич.

— Я не знала о сбое, — приходится признать свой промах. С одной стороны вроде и не виновата, а с другой... Да и в целом эта ситуация... было ощущение, что я на допросе. Неприятное чувство.

— Сбой был во всем отделе, а ты была не в курсе? — со скепсисом смотрит на меня Давид.

Он явно не верит. Смотрит с видом “кому ты лапшу на уши вешаешь?” Выражение лицо шефа остается непроницаемым и поддержки от него ждать не приходится. Обидно.

— Да, я ничего не знала. — чеканю, по очереди посмотрев в глаза обоим мужчинам. Пусть знают, мне скрывать нечего. — Только около получаса назад, когда Арина вернулась от вас, мне рассказали. Мы привыкли к таким сбоям. Все сотрудники уже с одного взгляда

научились определять где оригинал, а где копия. Когда такое происходит, они не бегают к начальству с криками “что же делать?”, а скидывают оповещение в наш техотдел и продолжают работать. К концу дня неполадки, как правило устраняют. Но мой компьютер, как сегодня выяснилось, переключили на административный блок, поэтому сбоя у меня не было, а компьютеры всего отдела на предмет исправности я не проверяю. — последние слова говорю уже со злостью.

Они считают, что я это специально? Что я устроила сбой? Или что я не помогла Арине? Если б она сегодня не решила выполнить все сама, то подключившись я бы увидела проблему, но этого не было. Или я должна была лазить просто так по чужим компам, авось у них там какой нибудь вирус завелся? Мне надоело, что меня обвиняют во всех смертных грехах. Ощущение, что сейчас где нибудь упадет метеорит, а виноватой окажусь снова я. Я не отвечаю за техническое оснащение отдела. Я в этом дуб дубом.

— Так, хватит. — босс внезапно поднимается со своего места, обходит стол и встает позади меня. — Дава, ты перегибаешь.

Горячие руки шефа опускаются на мои плечи, мягкими движениями поглаживая напряженные до предела мышцы. Становится легче и даже спокойнее. Прикосновения чужого мужчины и его близость на удивление не напрягают, а расслабляли, даря чувство защищенности. Едва заметно выдыхаю — мне и правда спокойнее, даже не смотря на сверлящий взгляд *Давы*.

— Извини Юль, профдеформация, — виновато улыбнулся одними уголками губ и вроде искренне, — позволишь еще несколько вопросов?

— Хватит, — произносит шеф.

— Да, конечно, — это уже я, одновременно с ним.

— Уверена? — Александр Игоревич слегка наклоняется вперед пытаясь заглянуть мне в глаза. Запрокинув голову ему навстречу и улыбнувшись, киваю.

Просто если у фирмы проблемы и я могу помочь, то я готова. Неприятно, конечно, когда тебе не доверяют, но и от молчания проку точно не будет.

Перевожу взгляд на Давида и снова киваю, но теперь уже ему, давая добро на дальнейшие расспросы. Неосознанно подаюсь назад, полностью откидываясь на спинку кресла. Чувствую, как шеф прижимается со спины. Плечами, не отгороженными спинками кресла, ощущаю тепло исходящее от мужчины. Вот теперь точно готова продолжать.

Давид усмехается каким-то своим мыслям, но быстро берет себя в руки и продолжает спрашивать:

— Ты сказала, что была не в курсе проблемы, а техподдержка не сообщает вам о неисправности системы? И почему вы отправляете им запросы о неисправности, они разве этого не видят?

— Пф... да откуда ж я могу знать, что они там видят, а что нет? — развожу руки в стороны. — Когда это произошло в первый раз, Игорь Валентинович собрал нас и велел при первых подозрениях на какую-то неисправность сообщать в поддержку. Я ему пыталась объяснить, что мы там все как бы не настолько прошаренные в компьютерах. Мы уверенные пользователи, но точно не хакеры. Но... короче нам пришлось осваивать некоторые премудрости.

— А когда был первый раз? И вообще, как часто у вас такие сбои? — прилетает очередной вопрос.

— Первый раз был около года назад и стабильно каждый месяц, а последние полгода

так и вообще пару раз за месяц может. Мы уже и не обращаем на это внимание, привыкли.

— Понятно. Спасибо за помощь Юля, — кивает друг шефа и дарит свою очередную улыбку.

— Идем, я отвезу тебя домой, — а это уже сам шеф.

Убирает руки с моих плеч и отходит, помогая подняться.

Через десять минут выходим из практически пустого здания фирмы. Уже никого нет. Рабочий день давно закончился и все разошлись по домам, осталась только охрана и мы в числе припозднившихся.

— Давай Дава, созвонимся. — шеф пожимает другу руку, при этом совершенно неожиданно для меня, второй обнимает меня за талию, прижимая к своему боку. — Мне еще девушку нужно до дома доставить в целости и сохранности.

— Увидимся Сань, Юля, — отвечает Давид на прощание друга, кивает мне, — кстати, пока не забыл, Юля, завтра я отмечаю свой день рождения. Жду тебя вместе с Саней у себя.

— А... — я теряюсь, не знаю, что ответит.

Я тут еще не до конца разобралась с тем, что меня шеф к себе прижимает, а меня уже на дружеские посиделки зовут туда, куда я никаким боком не отношусь.

— Мы будем, — за обоих отвечает шеф и еще раз кивнув другу, уводит меня в свою машину.

Обалдеть!

Слово, которое точно описывает все происходящее.

Сижу и только открываю и закрываю рот, как рыбка выброшенная на берег. Пытаюсь начать разговор, который назревал уже давно, но решиться не могла. Не получается из себя ни слова выдавить, не хватает смелости. Потому что пока *э*тоне произнесено вслух, есть шанс к отступлению. Можно делать вид, что ничего не происходит и все, как и раньше.

Твой замок из песка все еще стоит и совсем неважно, что стены по большей части осыпались и вода подбирается все ближе, но он же еще стоит. Скажешь вслух, что это уже не замок, а обычная кучка песка и так и будет, а пока не говоришь, это еще сколько угодно может быть замком.

Так и я сейчас, что не произнесено вслух, того нет.

Шеф же спокойно ведет машину, как ни в чем не бывало. Смотрю на него и не могу понять, ну вот как он может быть таким спокойным?

А может я просто все себе напридумывала? Подвозит, потому что и правда ему по пути, или шеф он просто вот такой отличный, заботится о сотруднике.

Звучит, как бред.

А самое “смешное” я и сама не понимаю, какой ответ от него я больше боюсь услышать — что его внимание ко мне обычная вежливость или что за всеми этими “поехали, отвезу домой” и “*мы*будем” стоит нечто большее.

И уже даже на наш спектакль — мы пара — этого не списать. В офисе мы пару не разыгрываем — просто некогда, а после работы уже не для кого. Вот такая ерунда.

А может все банальнее? Может он просто хочет со мной переспать? Как там у мужчин? Сбросить напряжение, удовлетворить естественные потребности, а я уже тут полезла в категории “*нравлюсь, не нравлюсь*”.

— Мне вот интересно, куда тебя завели в размышлениях твои тараканчики в голове, что ты смотришь на меня, как на врага народа? — вкрадчиво интересуется шеф.

Я и сама не замечаю, что как вперилась в него взглядом, так больше и не оторвалась.

— Я больше не хочу, чтобы вы подвозили меня домой, — говорю быстро, будто не отказываюсь от поездок с ним, а сознаюсь, что состою в бдсм клубе и посещаю сообщества nudистов.

— Хм... интересно, — тянет, растягивая губы в легкой полуулыбке, — и почему же?

— Потому что наши отношения фикция. По этой же самой причине, я не могу пойти с вами завтра на день рождения вашего друга. Он вероятнее всего подумал, что у нас настоящие отношения, но это же не так. И вообще, зачем вы меня подвозите?

Фух. Вот и спросила. А сейчас бы остановить машину и сбежать, потому что ответ услышать страшно. Кто вообще сказал, что взрослые люди не боятся и не паникуют? Паникуют и еще как. Просто не показывают этого. Вот и я внешне стараюсь вести себя спокойно, а внутри шквал и буря.

— Хочу, — спокойно отзывается шеф. Замираю, ожидая продолжения, но его не следует. Вот так просто “хочу” и все? Кто вообще так отвечает? — А на счет того, что подумал Давид — тебе не кажется, что это как раз таки он все правильно понимает, а ты отказываешься принимать очевидное?

— Ч-что принимать? — голос дрожит. Внутри все замерло. Страшно.

Чего боюсь? Ничего и всего сразу. Слишком много “но” и самое главное, я пока не

готова подпустить кого близко к себе. Даже думать об этом не хочу. Да и не так все происходить должно. И Антон. Александр Игоревич брат девушки моего бывшего парня. Да я его даже не знаю толком, о чем мы вообще тут говорим сейчас? Я просто...

— Ты еще не готова услышать ответ на этот вопрос.

Не готова. Все верно. Пока не произнесено вслух этого нет. Самообман — это то, чем в совершенстве владеет каждый человек. Вот и я сейчас рада быть сама собой обманутой.

Я же все таки не девочка и все понимаю, но не готова. Просто не готова. Все, чего хочется, это прийти к себе домой и залезть с головой под одеяло.

Помните, как в детстве? “Я в домике” и ощущение, что ты уже не под обычным пуховым одеялом, а будто под щитом, который спрячет от всего на свете. Вытащишь пальчик на ногу наружу и тебя тут же сцапают. А я, вот вся, в открытую и нет никакого щита.

Рвусь, потому что не понимаю ничего. Не понимаю, что чувствую, чего хочу.

А шеф будто все это понимает и не давит. Дает мне это мнимое чувство защищенности от всего вокруг, которое мне сейчас нужно. И главное делает это просто, не говорит того, что я так боюсь услышать. Будто видит и понимает обо мне больше, чем я сама.

— А на день рождения мы завтра поедим. — продолжает Александр Игоревич. — Тебя пригласили и ты согласилась, — хотелось бы возразить и сказать что за меня согласились, но не успеваю, — и поверь, одного того, что ты со мной было бы недостаточно, чтобы Давид пригласил тебя. Поэтому выкидывай лишние мысли из головы и готовься. Я заеду в семь.

Слов нет, одни эмоции.

Едва заметный толчок и машина останавливается у моего подъезда. Приехали. Вот мой дом, подъезд. Наконец-то на месте. Хотя уверена, что добирались мы так же быстро, как обычно — это была самая длинная поездка, которая только могла быть.

А утром я сгорая от стыда, придумываю, как бы отмазаться от похода в гости...

Что называется, утро начинается не с кофе, а с самобичевания и одного единственного вопроса — где вчера были мои мозги?

Зачем я вообще затеяла этот разговор? Чего я хотела добиться? Ну подвозил он меня, ну и все... Да кого я обманываю? Рано или поздно этот разговор все равно бы состоялся. Но уж лучше поздно.

Черт! Почему все так сложно то?

Весь день все валится из рук. Заниматься делами не получается. Хотела убраться, но после того, как запнулась и перевернула мыльную воду, а потом на этой самой воде и упала, забросила это дело. Пытаюсь читать, но слова наотрез отказывались складываться в предложения. По итогу, перечитав одну страницу раз пятнадцать и так ничего и не поняв, откладываю книгу до лучших времен.

Может завести себе котенка или щенка?

Оглядываю свою квартиру. Пусто. И это относится отнюдь не к мебели. Обычная квартира в обычном районе. Не плохой ремонт, и вся необходимая для жизни мебель и бытовая техника, но в квартире будто не хватает жизни.

Цветов нет, но и ставить их тоже не вариант. Они у меня не приживаются ни в каком виде. Живу я тут одна, а если вспомнить последние несколько недель, то пользовалась я только холодильником, ванной, туалетом, шкафом и кроватью. Один раз села за рабочий стол. Все. Я давно не включаю телевизор, не встаю к плите приготовить себе нормальную еду и еще много всяких “не”.

Почему бы не завести допустим щенка? Я же люблю собак, всегда любила. Можно было

бы взять из приюта.

Сейчас бы не было так пусто и тяжело. Точнее было бы, чем заняться и в голову не лезли ненужные мысли. В городских реалиях собаки требуют к себе колоссального внимания и дисциплины от хозяина — выгул по времени, прививки, тренировки. Был бы лишний повод выйти на улицу, а не просиживать вечерами диван. Приходила бы на работу вовремя, а не за час до начала рабочего времени, потому что с утра нужно обязательно выгулять.

Похоже мне собака нужна намного больше, чем я любой из них. Но этой идеей, завести себе домашнего любимца, я загорелась. Почему нет? Что меня держит?

Только даже мысли о мохнатом друге не могут перебить реальность — скоро ехать на день рождения Давида. Вот как я там буду? Я никого не знаю. Как они будут смотреть на то, с кем я пришла?

Стрелки уверенно показывают шесть часов и по хорошему пора бы идти собираться — принять душ, одеться, нанести макияж, а я судорожно соображаю, как бы отлынить от этого дела. Мне не особо комфортно в незнакомых компаниях, а сегодня будет именно такая. Неизвестные мне люди, от которых не понятно чего ждать.

Сорок минут до назначенного времени. По прикидкам, сейчас, в этот момент Александр Игоревич собирается выезжать за мной.

Беру телефон и быстро отбиваю смс:

“Александр Игоревич, я плохо себя чувствую. К большому сожалению не смогу пойти на день рождения. Передайте пожалуйста имениннику мои поздравления и мне искренне жаль, что не смогу там быть”.

Отмазка из разряда средней школы, но ни на что получше фантазии не хватает. Но есть шанс, что он не станет заезжать. Просто потому что смысла нет. Зачем ехать к больной сотруднице?

“А если все таки приедет?” — противно шепчет внутренний голос.

Можно и изобразить, что заболела.

Вот теперь точно средняя школа. Но да, вот такая я. Не хочу видеть с шефом, не сегодня.

“Очень жаль” — телефон вибрирует и на экране высвечивается смс.

Следующее — “Я должен убедиться, что с тобой все в порядке”.

Все таки приедет. Придется изобразить из себя больную, замазать лицо пудрой, можно синяки нарисовать, чтобы ни о чем не дога...

“Открой дверь”.

И параллельно с этим смс начинает разрываться дверной звонок.

Глава 16

А вот сейчас даже пудрой пользоваться не надо, потому что чувствую, как кровь отхлынула от лица.

Он уже здесь.

Я морально не готова к этой встрече. Убеждаю себя, что я взрослый человек, а взрослые так себя не ведут, но ничего не выходит. Какая-то моя часть решила, что сегодня хочет побыть маленькой.

Поэтому я стою у двери, кусаю губы, заламываю руки и... “может, если не открою он просто уйдет?”

“Юля, если не откроешь, мне придется вызвать слесаря и взломать дверь. Ты же болеешь, вдруг тебе там плохо стало”.

Телепат блин.

В голове рисуется образ, как он говорит эти слова со своей редкой плутоватой полуулыбкой.

Издевается. Совершенно точно издевается сейчас.

Придется открыть. Даже его слова, сказанные не серьезно, как шутку не могу воспринимать. Вот вообще, почему-то ни разу не сомневаюсь, что он может и сделает то, что обещает.

Морально смирившись с тем, что меня разоблачили, открываю. Шеф стоит, прислонившись к плечом к стене. Обычная футболка, джинсы, кроссовки и та самая плутоватая улыбка на губах.

Зависаю, глядя на него.

И нет, дело не в том, что он симпатичный, хотя этот момент безусловно присутствует, просто одно дело, Александр Игоревич в костюме и совсем другое, в таком виде, как он сейчас. Есть в нем что-то чего не замечаешь за строгим деловым образом — что-то бесшабашное, отрывное, дерзкое... Кажется та страница, которую я никак не могла прочитать в книге, сейчас вспомнилась, иначе откуда полетели такие сравнения, не понятно.

— В моей жизни много всего было, Юлия Андреевна, — шеф подходит слишком близко, и внимательно разглядывает меня. До того самого расстояния, на котором без касаний чувствуешь нахождение рядом с собой человека, — но чтобы вот так моментально кто-то выздоравливал, никогда.

И снова улыбается. А я, едва сумев справиться с эмоциями от его близости, отрываю взгляд от его губ и замечаю, что стоим мы уже в моей прихожей. И совсем не понятно то ли он меня затолкал в квартиру, то ли я сама отступала и тем самым впустила его. Тем не менее, он в моей обители, на моей территории, в моём маленьком мирке, где все мне и для меня. Место, куда я сама решаю кого впускать. Мой дом и самая большая книга, которая может рассказать обо мне. Слишком личное.

Замираю. Потому что это я решаю, кому быть здесь, а он просто взял и вошел.

Не знаю, как он это сделал, но пониманием момента кажется проникся.

— У вас очень уютно, — оглядывает то, что открывается его глазу, делает полшага назад, давая чуть больше пространства. И вроде фраза банальная и стандартная, но... а может я сама просто готова списать ему такую наглость?

Что ему сказать на это я не знаю. Просто стою и хлопаю глазами. Он будто мысли мои

постоянно читает, иначе я не могу понять, как он умудряется делать и говорить именно то, что мне в данный момент нужно.

— Александр Игоревич, я не поеду с вами, — сознаюсь, вздохнув. Пора расставить все точки над “і”.

— И почему? — он не язвит, не насмехается, да даже не улыбается, а вполне серьезно пытается понять.

— У меня нет подарка для вашего друга, — вздыхаю, как можно более многострадально. Как будто это катастрофа всей моей жизни. Вдруг подействует?

Просто, как только он вошел в мою квартиру, мне как то сразу стало понятно, что я проиграла. Сразу. Даже не попытавшись. И это даже обидно. Я столько лет старательно отстаивала себя, свое мнение, свою территорию и тут...

— И это правильно, что у вас его нет, уважаемая Юлия Андреевна. Давид человек, который любит подарки со смыслом, а не банальные “главное внимание”. Для него важнее оригами от племянников, чем брендовые часы от потенциальных партнеров. Вы еще его не знаете и поэтому, какой подарок ему можно подарить тоже. Но этот вопрос легко решается тем, что я приготовил подарок от нас двоих. — и вот вроде не насмехается, но в его интонации проскальзывает что-то такое — он прекрасно понимает, что это только отговорки.

— Мое нахождения там могут неправильно понять. — говорю и тут же вспыхиваю, как спичка, вспомнив вчерашний разговор на эту тему.

Шеф кажется тоже вспомнил это.

— Мнение других людей ни к чему не обязывает. Так почему бы не развеяться?

— Там незнакомые мне люди. Я буду чувствовать себя не комфортно. — если разобраться на чистоту, пожалуй это самый веский аргумент.

— Ты знаешь меня и Даву. Я всегда буду рядом и никому не дам тебя покусать, — с абсолютно серьезным лицом, но бесенятами в глазах, говорит этот невозможный человек, — и повторяю, тебе надо отдохнуть. — последнее уже без намека на шутку.

— А с чего же ты взял, что я не отдыхаю? — возмущаюсь.

Не то, чтобы мне хотелось продолжать спорить, просто — у него на все есть ответ? В целом-то понятно, что этот спор я уже продула и все его аргументы имеют место быть.

— Я подвожу тебя каждый день и ты никуда не торопишься, не затариваешься продуктами к приходу гостей, не списываешься и не созваниваешься с друзьями, чтобы договориться о встрече. В век телефонов, когда он тебе нужен только ради будильника или часов, это о чем-то да говорит. Работа, друзья, семья, но ты заглядываешь в него не чаще необходимого.

Телефон.

Последние полтора месяца он практически бесхозно валяется у меня. Антон ушел и как-то автоматически сошли на “нет” все переписки с Аленкой и девочками из нашей компании. По работе звонят на стационар, исключение, когда мне звонила секретарь босса, чтобы я принесла после стажировки отчет. Моя социальная жизнь, не считая работы, просто испарилась. Куда, не считая дня рождения Аленки, я выходила в последнее время? На работу и в магазин. А с кем общалась? Ни с кем, кроме работников, но это часть обязанностей, а не собственное желание.

Полтора месяца. Ни кино, ни парков, без обычных прогулок и хоть каких-то развлечений. Все выходные дома, при этом у меня даже нет детей, больных родственников

на иждивении, животных, чтобы списать хотя бы на них отсутствие свободного времени и сил. Работа-дом и все. До меня только сейчас доходит, насколько я от всего изолировалась.

Я сейчас, наверное, похожа на дуру, потому что замираю и не двигаюсь. Просто, как обухом по голове. На удивление, шеф ничего не говорит и не торопит, давая переварить то, что я упорно не замечала, а он озвучил.

— Подождите меня, пожалуйста, Александр Игоревич, я быстро соберусь, — произношу медленно, пребывая все еще в легком ступоре. Мне вдруг становится жизненно необходимо куда-то выбраться и не важно куда. Ощущение, что если выставлю шефа и останусь сейчас одна, то сойду с ума.

Полтора месяца практически абсолютного самозаточения. Без развлечений, без каких либо хобби, без дружеской поддержки или просто общения.

Надо выбираться.

— Подожди, пожалуйста, Саша. — раздается за спиной, когда я почти скрываюсь в своей комнате.

— Что? — оборачиваюсь, потеряв нить нашего разговора.

— Ты уже обращалась ко мне на “ты”, осталось заменить “Александр Игоревич” на “Саша” и будет все правильно. — откликается шеф.

— Что? Когда... — как он это делает? Ощущение, что знает меня, лучше чем я сама. И да, как то незаметно я действительно перешла с ним на “ты”, но “Саша”, я даже в мыслях его так не называла.

— Александр, — неуверенно качаю головой, сдаваясь в очередной раз и ухожу переодеваться.

“Саша” — нет. “Саша” — это слишком личное. “Александр” — это дистанция, хоть какая-то. Сама не понимаю почему, но мне важно ее выдерживать.

Через пятнадцать минут мы уже едем по направлению к дому Давида. Друг шефа живет в полчаса езды от города, в частном доме.

Аккуратная красивая лужайка, беседка, мангал. Из гостей — мы с Александром и несколько друзей и коллег Давида. Неловкость длится первые минут пятнадцать, пока мы идем к собравшейся компании и меня со всеми знакомят, а дальше...

Кружочки свежего огурца, помидор и лука, свежая зелень, пиво, вино и литры сока, шампурсы с сочным мясом свинины и курицы, жареном на углях, лепешка, разогретая на тех же углях, запах дыма и песни... под стереосистему, которую привез один из друзей Давида.

Так, как в этот вечер, я не отдыхала и не смеялась лет сто. Найдя во мне “свободные уши”, которые еще не слышали ни одной истории, все наперебой вспоминают курьезы своих знакомств, случаи на работе, а Давид и шеф, еще и проказы своего босоногого детства.

То ли все настолько деликатные, то ли на них как-то повлиял Александр, но вопрос наших взаимоотношений никто не поднимает, удовлетворившись тем, что работаем вместе с ним и его рассказом, как я зашугала работников в отделе. Мои возмущения, что это не правда и такого не было, никто слушать не стал.

Мне хорошо, так как не было очень давно. То, что я знаю этих людей несколько часов, не имеет ровным счетом никакого значения. Я отдыхаю душой и телом. Веселые и добродушные шутки и подколки, искренние смех и улыбки, веселые тосты и... ненавязчивая забота и внимание одного конкретного мужчины.

Не сильно обременительное для него, но такое приятное и нужное тебе, когда как бы невзначай старается быть ближе, но не нарушает личные границы, спрашивает все ли

хорошо, подливает сок или вино, греет озябшие пальцы.

Что может быть лучше, чем разомлев от вина и вкусного шашлыка, кутаясь от ночной прохлады в теплую мужскую кофту, слушать красивую музыку и ловить на себе светящийся теплотой завораживающий взгляд, сидящего рядом мужчины?

Наверное только, когда тебя полусонную укладывают на заднее сиденье машины, укутывают в теплый плед и ты дремлешь, под легкое покачивание, а за окном мерцают огни города, но ты все еще в неге этого вечера.

— Спасибо за вечер... — он меня провожает домой. Все такую же сонную выводит из машины, придерживая за талию заводит в подъезд, лифт и вот мы прощаемся у дверей моей квартиры.

Он знает, что я не готова сейчас его пригласить к себе, а я знаю, что он не станет об этом просить. Просто стоит и безмятежно улыбается, мягко касаясь взглядом глаз, щек, выбившейся прядки волос, которую легким движением руки, заправляет за ухо, невесомо погладив большим пальцем щеку.

А я просто плыву по волнам неги и меня мало, что волнует. Я впервые за долгое время наслаждаюсь приятным вечером, наслаждаюсь приятной усталостью во всем теле, я просто радуюсь всему тому, что он мне дает сегодня.

Александр. Нет. Не так. Что-то надломилось, как будто трещинка на когда-то идеальной степе. Нет, еще не “Саша”, но уже и не строгое “Александр”. Он пробился. У нег получилось. Он вдруг заставил почувствовать. Будто дал в руки нечто теплое, совсем еще крошечное, но живое и сказал “береги” и меня затопило нежностью и благодарностью.

— Спасибо, — шепчу, боясь разрушить волшебство. Переступаю с ноги на ногу, но не могу заставить себя развернуться и уйти.

Что волшебного в обычном подъезде, обычной панельки, перед совершенно обычной железной дверью? Не знаю.

Но вот он нежно косается горячей рукой моей щеки, гладит, смотря как пальцы касаются кожи лица, пропускает через пальцы прядь волос, качнувшись вперед, поглощает жалкие сантиметры между нашими телами и, запуская руку в давно разбередившийся хвост волос. Нежное касание мужскими губами виска, щеки, губ. Мягко потерся своим носом о мой, глядя прямо в глаз и улыбается. Обхватывает большими ладонями мое лицо. Еще одно касание губ, еще одна улыбка и вот он сбегает по лестнице вниз, а я наконец вспоминаю, как это — дышать.

Не это ли волшебство?

А реальность? Она там, за железной дверью. Фото в рамке на полке напротив кровати, которое так и не убрала. Браслет — подарок на восьмое марта и еще с десятков мелочей, которые заставляют помнить. Помнить о том прошлом, которое без зазрения совести теснит еще не сформировавшееся будущее, которое заставляет усомниться, снова запутаться и не видеть выхода.

Что правильно? Почему нет инструкции к жизни? Я бы прочитала ее от корки и до корки, чтобы точно не ошибиться, чтобы точно знать, что все будет хорошо.

В руках телефон и ни одного номера, на который можно было бы позвонить и спросить “что делать?”

“Я запуталась. Я только сейчас поняла, как сильно люблю тебя. У меня нет никого дороже тебя. Прости меня. Мне так тебя не хватает. Приезжай?” — отправлено, доставлено и короткий ответ.

“Буду”.

Александр

Чувствую себя пацаном в период пубертата, но мне плевать. Выбегаю из ее подъезда и смотрю наверх. Ее окна. Ночной воздух офигенно холодит кожу — как раз то, что мне сейчас нужно. Остыть.

Шторка на одном из окон дергается и я вижу ее тонкий силуэт.

Смотрю. Давлю взглядом. У нее темный двор, почти без фонарей, она меня не увидит, но черт его знает, вдруг почувствует.

Мимо проезжает машина, захватывая меня в свет фар. Вот теперь точно увидела. Резко дернулась и спряталась за штору — трусиха.

Стою еще минут пятнадцать и уезжаю.

Надо поспать хоть несколько часов. Завтра меня ждут в родительском доме.

До квартиры добираюсь быстро. В одной руке телефон, в другой сигареты. Смотрю на темный двор через окно спальни, кручу в руках два прямоугольника, не зная, какой выбрать.

Чертовски хочется написать, но боюсь переборщить. Спрячется в своей раковине и потом только силой оттуда ее выковыривать. А я не хочу силой, хочу чтобы сама. Сама чтобы открылась, чтобы она сама — жемчужинка в руки мне отдалась. Добровольно. Сломаешь один раз, а потом думай, хочет она всего того, что происходит или боится сказать “нет”.

Сегодня рисковал, очень. Весь вечер держался. А возле ее двери выдержка полетела к черту, потому что и сам видел, что уходить она не хочет. С ноги на ногу переминалась, ключи вертела в руках и не знала, как повернуться спиной. Если б сделал все, что хотел, то просто сожрал бы ее губы, вместо почти дружеских чмоков, облапал бы ее всю, вместо этого пришлось руки в волосах ее путать, и уж точно бы не ушел от нее.

Черт.

Откладываю телефон и открываю пачку.

Черт знает, сколько не курил и вот опять.

Сигарета. Чирк зажигалки. Огонь и дым никотина. Выдыхаю и снова затягиваюсь.

Не пишу. Сегодня точно нет. Пространство, чтобы почувствовала свободу. Соскочит? Нет. Это право выбора. Не боюсь ли попасть в пограничье? Нет. Потому что она знает, что я для нее не буду другом. Дал понять и дал время осознать.

Всего два варианта — либо ушла в глухую оборону, потому что ей это не надо, либо дала шанс, пусть и не на словах. Варианта “он меня любит, но мы же только друзья и я не могу перестать с ним общаться” — бред. Просто приятно купаться в этой любви, который волей неволей дарит любящий тебя человек, находящийся рядом, поэтому и держишь возле себя. Можешь врать окружающим, что это не так, но не себе. Плавали — знаем.

Юля дала шанс. Уже не закинет во френдзону. Осталось победить ее тараканов в голове. Уверен, там целые военные действия сейчас разворачиваются. И не удивительно. Запуталась. Рвётся между “хочу” и “правильно”, сама не догадываясь об этом. Каким-то непостижимым чудом она считает, что предаст бывшего, хотя там уже нечего предавать.

Раздражает ли меня это? Да. Ревную? Да.

Что-то щелкнуло, когда увидел её в випке, на дне рождении подруги Арины. То, какими глазами она посмотрела на Антона, не оставляло сомнений в том, кто она ему. Но на тот

момент, поразило другое — никакого скандала, вопреки моим ожиданиям, не было. Какая женщина бы сдержалась? А у неё получилось. И постаралась выйти из ситуации максимально безболезненно для всех, о чем не позаботился парень сестры, хотя и должен был, по моему мнению, делать это именно он. И ещё продолжил косячить — непонятно зачем пытался остановить.

А дальше по накатанной, не считая инцидента в тот день, когда я пришел в офис — Юля исполнительный и обязательный работник, горой стоит за своих подопечных и, как бы то ни было, не устраивает подлянок сестре, хотя признаюсь честно, именно этого и ждал.

До чертиков строгая и придерживается субординации до такой степени, что хочется её встряхнуть. Всегда строго и по делу, ни грамма флирта или попыток понравиться. И это точно не игра. Просто она такая. Мне даже в какой-то момент начало казаться, что и мои добровольно — принудительные "я тебя отвезу", она воспринимает, как часть работы.

Не тянет "одеяло" внимания на себя, не пытается быть для всех хорошей, не рвется быть в центре событий.

Грустит, когда плохо, злится, когда злят, радуется, когда хорошо.

Что же здесь необычного? В том то и дело, что ничего. Она обычная? Да, но особенная для меня. Она — уют. Она — спокойствие. Тихая гавань. Она — Дом.

С ней можно помолчать, к ней хочется возвращаться после тяжелого дня. Кому-то этого мало, хочется драйва и ярких ощущений. Мне драйва хватает в жизни — она мой якорь, мой покой, уравнивает меня, заставляет выкинуть все из головы, забыться. И это только пока едем в машине к ее дому, что будет, когда вместе не только по дороге от работы до дома, когда вместе весь вечер, ночь... А яркие ощущения будем сами создавать. Одни на двоих.

Утром приезжаю в дом родителей.

Едва успеваю переступить порог, как на меня налетает с объятиями Арина. Обычное её приветствие. Приобнимаю, сейчас надо попытаться закрыть дверь и разуться, пока на мне виснет эта обезьянка.

Только сегодня что-то не так. Короткие, быстрые объятия от сестры и вот она отходит и отводит взгляд.

— А ты где вчера был? — заглядывает мне в глаза, голос при этом не свойственно требовательный.

— Ариш в чем дело? — улыбаюсь, закрываю входную дверь и скидываю обувь. — У меня ощущение, что мне шестнадцать, я вернулся домой через сутки пьяный и папа меня отчитывает.

Хмурится, надувается и снова напоминает себя в пятилетнем возрасте.

— Ты был вчера на дне рождения Давида с НЕЙ, — вскрикивает, возмущенно взмахивая руками.

Ах, вот в чем дело. Кто-то уже видимо успел залить в сеть фотки со вчерашнего вечера. Из тех, кто там был, специально никто бы не стал слать фотки Арине, значит сама нашла.

— И? — отзываюсь спокойно.

— В смысле "и"? Что значит "и"? Это я должна была быть на том дне рождения. Ты мой брат, а Давид МОЙ друг, не ее. Что ей там было делать? Если уж на то пошло, то это Антон надо знакомить с этой компанией, в конце концов он почти член семьи.

А вот и обратная сторона сестренки. Когда она не в центре событий, это сродни катастрофе.

"Мой друг" — это она загнула. Все детство Арина была нашим с Давой хвостиком и да он с ней общался. Но для дружбы они слишком разные — начиная с возраста, заканчивая увлечениями и взглядами на жизнь.

— Тебе не кажется, что приходить без приглашения, как минимум не красиво? Дава тебя не приглашал. Твоего Антона тем более. Если твои друзья принимают, что ты можешь прийти на их праздник без приглашения, не значит, что все такие понимающие.

— А ее как будто приглашали, — усмехается сестра.

— Юлю пригласили. Давид. В пятницу вечером, когда заезжал, — осаждаю бушующую Арину, — и позволь уже пройти. Меня ждет отец. — отодвигаю ее и прохожу наконец.

— Почему она? — раздается за спиной нервный вскрик, когда я уже поднимаюсь по лестнице на второй этаж. — Кто угодно, но только не она.

— А я не спрашивал твоего мнения, Арина. И я не указываю тебе. С учетом вашего с Антоном прошлого, я тоже не в восторге, что ты снова с ним, но я уважаю твое решение. Будь добра, уважать мое.

И больше не слушая сестру, поднимаюсь наверх.

— Сын, — приветственно кивает отец. Он сидит за рабочим столом в своем домашнем кабинете. — Что там случилось внизу?

— Арину не пригласили на день рождения Давида. — сажусь в свободное кресло напротив стола.

Отец только тяжело вздыхает и качает головой.

Что тут скажешь — ничего. Мы сами с отцом сделали ее такой. После смерти матери, мы почему-то оба, взялись за Арину — все ей и для нее. Она восполняла нам это сполна — всегда ласкова и обходительна, воспитана, отличница в учебе, что в школе, что в университете.

Обратную сторону всего этого заметили не сразу — нетерпимость к критике, желание нравиться всем и каждому, необходимость в таком обожании.

— Ладно, давай по делу. Что там у нас? — переводит тему отец.

— Шерстим, есть кое-что, но пока все точно не выясню, говорить не хочу. Да и Антон, на которого ты возлагал такие надежды, пока не особо радуется. — предполагалось, что все дела лягут на плечи Антона и Юли, в качестве опыта работы, а я смогу спокойно заняться тем, для чего меня выдернул отец, а по итогу, пока я только занимаюсь разруливанием проблем, которые всплывают то тут, то там.

— Я не могу уволить Антона, — поджимает губы отец.

Конечно не может. Арина закатит грандиозный скандал.

— Не увольняй, — безразлично пожимаю плечами. В конце концов его фирма и ему решать, — мое дело предупредить. Сейчас вопрос в другом — мне нужен еще месяц.

— Не проблема, — отмахивается отец.

— Может тебе правда стоит съездить в отпуск? Ты уже месяц сидишь дома. Сколько ещё ты так продержишься?

— Какой отпуск сын? Такое на фирме творится, — встает из-за стола и нервно расхаживает по кабинету из стороны в сторону.

— Я разберусь. Дай время. И твои протезы попробуют себя в роли начальников, не зря же повысить их хотел.

— Уже не уверен. Я уже ни в чем не уверен. А Юля? Сын, ты уверен, что это не она? — отец останавливается.

— Уверен, — отвечаю твердо. Сомнений нет.

— И это не связано с твоей симпатией к ней?

— Нет.

— Ты же понимаешь какие проблемы тебя ждут?

Понимаю. Прекрасно понимаю. И об этом предстоит подумать, но сейчас хоть добиться бы отклика от Юли.

Юля, Юля... знала бы сколько всего вокруг тебя крутится.

— Ладно, — вздыхает отец, — расскажи мне хоть что-нибудь, а то я тут сойду с ума...

— Хорошо. — сдаюсь. — Помнишь я говорил про очередной сбой в системе? — спрашиваю и получаю короткий кивок в ответ. — Скажи мне, как у тебя с взаимодействием между отделами?...

Глава 18

Беспокойство, волнение, стыд — мое состояние в воскресенье и понедельник, но радости больше. В груди разливается тепло и будто за спиной вырастают крылья. Простое короткое “буду” и дышится легче. Ты уже не один. Я “летаю в облаках”, не замечая никого и ничего вокруг. У меня жизнь налаживается.

Единственный момент, испортивший настроение, случается утром с приходом Ариши. Начиналось все нормально, она пришла, села на свое место, но в следующую секунду к ней подлетели радостные Три Л и стали пищать от восторга. Я не сразу поняла в чем дело, пока Ариша и стала крутить правой рукой, демонстрируя кольцо на безымянном пальце.

Вопросы отпали. Какие еще тут могут быть варианты?

Полтора месяца, как она вернулась, а они уже помирились и Антон даже колечко на пальчик ей надел.

Хочешь — не хочешь в груди разливается обида.

И почему все так? За три года, я даже на сантиметр не приблизилась к такому уровню отношений, как у них.

Понедельник, работа, дел невпроворот, в офисе начались какие-то масштабные проверки, говорят, что в воскресенье что-то снова случилось с системой, а я в прострации. Нет, я не филоню и выполняю работу, как и положено, но и мандража, по поводу всего происходящего нет, а должен быть. Проверки явно не спроста. Но я в эмоциональном ступоре, будто нажали кнопку “стоп” и не дают больше прорываться ревности, злости, досаде и всему, что должна была бы сейчас чувствовать. Только обида маленькой чернильной щупальцей обжигает душу.

“Приеду в 6 часов. Только попробуй слинять” — вмиг обруч, сдавливающий грудную клетку, ослабевает. Зная человека, который прислал это смс, сомневаться в этой угрозе не приходится, но вопреки всему, я улыбаюсь.

Уже сегодня приедет и станет легче. Я точно знаю.

После обеда, к себе вызывал Александр... Игоревич. А вот и мандраж. От былого спокойствия перед входом в кабинет начальника, как на прошлой неделе, не осталось и следа. Не представляю, как себя вести и как себя поведет он.

Всего лишь поцелуй. Глупость же, да?

Он же сказал о своем влечении ко мне. А я... мне хочется залезть под одеяло и накрыться подушкой, потому что не знаю, что делать. Так тоже бывает, когда взрослая, судя по паспорту, женщина, теряется от внимания мужчины.

— Проходи Юляш, тебя уже ждут, — мягко говорит Лидия Васильевна, когда я появляюсь в приемной директора.

Захожу в кабинет и сразу понимаю, что сейчас здесь я точно по-работе. В кабинете уже сидит Антон. Оба мужчины напряжены, серьезны и задумчивы.

Александр сидит, сцепив руки в замок. Взъерошенные волосы, покрасневшие глаза, бледное лицо. Он явно не спал.

Все серьезнее, чем я предполагала.

Видит меня и его взгляд чуть светлеет. Дергает уголками губ в улыбке, а у меня сердце заходится в сумасшедшем ритме, от этой его быстрой, почти мимолетной эмоции.

Кивает мне на кресло напротив Антона.

— Ты уже знаешь о сбое в системе? — спрашивает меня, когда я сажусь к предложенное кресло.

— Слышала, но без подробностей. — пожимаю плечами. — Нам из техотдела сообщили, что мы можем спокойно работать. Я сотрудников предупредила, но никаких неполадок сегодня не заметили.

Кивает.

— Сбой был на серверах дирекции и сигнал о попытке взлома поступил оперативно, успели все быстро восстановить, но кое-какая информация все же ушла.

— Чем я могу помочь? — уточняю.

Ответом мне служит теплая, до одури нежная улыбка. Такая же мимолетная, как и предыдущая, но...

— Слаженной работой на своих местах и более пристальным вниманием к сотрудникам, потому что утечка происходит где-то изнутри. — все таки отвечает шеф.

Мои брови складываются домиком. О таком я даже как-то не подумала. Чтобы кто-то внутри фирмы... Да здесь же даже новеньких, кроме самого Саши и Арины никого нет, чтобы можно было легко на него подумать, все уже по несколько лет работают.

Передергиваю плечами, потому что становится как-то не по себе.

— И еще несколько новостей. — продолжает шеф. — Во-первых, Игорь Валентинович, еще месяц будет в отпуске, так что мы продолжаем работать в том режиме, в котором начали. Во-вторых испытательный срок в две недели заканчивается. У вас обоих было задание по улучшению работы отдела. Антон у тебя было больше времени подумать? Что скажешь?

Вот черт! Я совсем забыла про это. Все из головы вылетело. Блин. Вот это замечательный из меня работник. Хотя, если подумать... улучшение работы отдела...

— Уволить неэффективных работников, — чеканит Антон, как-то уж слишком горделиво вскинув подбородок. Для полноты картины ему не хватает только вскочить на ноги и ударить себя кулаком в грудь, — с частыми больничными, старающимися сделать только свою норму работы. Зачем нам работники, которые отсиживают положенное время и все? На их места набрать активных, молодых. инициативных.

Эка какой герой. Уволить и все — молодец прям решил. И намек его был очевиден — только Варя уходит у нас очень часто на больничные и только Гриша никогда не делает больше нормы. Решил моих подопечных убрать? Ага щас, разбежался.

— Юлия Андреевна, у вас еще до среды есть время подумать над этим вопросом. — обращается ко мне шеф, смотря как-то уж больно весело. Предполагаю у меня на лице написано, как далеко я готова послать Антона с его гениальным предложением.

— Зачем же, Александр Игоревич, я и сейчас готова ответить, — с вызовом смотрю на мужчину, сидящего напротив. Прям до зуда в руках хочется сбить с него эту спесь, — и не придется никого увольнять, искать новых, готовых работать сотрудников, обучать их.

— А зачем держать сотрудников, которые отсиживают положенное им и все? — вскидывается Антон.

— А может просто постараться предложить им лучшие условия, чем выкидывать людей, которые стали вдруг не нужны? — парирую.

Оба мужчины впиваются в меня нечитаемыми взглядами, будто я сказала что-то не то.

— Что? Искать новеньких, обучать их... Сейчас, когда у фирмы проблемы, увольнение и набор новых работников — это плохой вариант. — говорю на одном дыхании.

— Какие у тебя идеи? — напряженно интересуется шеф.

— Ну раз моего коллегу, — киваю на Антона, — так не устраивает, что работники не перевыполняют планы, так давайте мотивируем их это. У нас норма обработки, двести пятьдесят заказов за день. Многие делают быстрее и могут сделать десять, двадцать заказов плюсом, как минимум. Просто давайте оплатим им это. Двести пятьдесят за зарплату, сверх нормы... высчитываем сколько ЗП приходится на один заказ и оплачиваем.

Мужчины молчат, а меня разбирает от энтузиазма. Идея неожиданно понравилась мне самой. Хотя и была придумана здесь и сейчас “на коленке”.

— Та же самая Варя, — выделяю имя своей подопечной, выразительно посмотрев на Антона, — с превеликим удовольствием будет работать сверхурочно. Она одна растит сына, без чьей либо помощи, деньги не будут для нее лишними. А ее больничные скоро закончатся — ребенок у нее славный, не слабенький, перерастет и будет она ходить на больничные не чаще всех остальных. К тому же она еще ни разу не бросала работу из-за болезней. Пусть и удаленно, но все равно работала.

— Хм... — одобрительно кивает шеф, — принимается. Сейчас действительно не лучшее время менять работников. Будем чистить штат, если идеи Юлии Андреевны не пройдут. Я отдам распоряжение в экономический отдел, чтобы просчитали все, и, если сработаем оперативно, с нового месяца можно попробовать внедрить.

Чувствую себя спортсменом, выигравшим олимпийские игры. Прямо первый на финише, высший пилотаж, страйк. Не таясь, расплылась в улыбке и задираю подбородок на подобии Антона. Ну, а что? Ему можно, а мне нет?

К большому сожалению ни Антон, ни шеф моего радостного настроения не поддерживают. Хмурятся оба и я невольно тоже сникла. Я, конечно, понимаю, что сейчас совсем не время, но так хочется порадоваться, когда у тебя выходит сделать что-то стоящее, пусть это и просто идея. Но это хорошая идея — все останутся при своих местах. Я просто не представляю, что однажды скажу “Варя, ты уволена” или прийду на работу и не увижу спину Гриши. Нет, я так не хочу.

— Антон, — снова говорит Александр, — возвращаешься руководить в отдел, пока у Юли испытательный срок на должности помощника.

— Сейчас? — Антон неестественно для себя выпучивает глаза. — Сейчас такие проблемы у фирмы и ты хочешь ее повысить?

В этот момент глаза готовы вылезти уже у меня. Понятно, конечно, что у Антона с Александром отношения более близкие, но вот такое его поведение и реакция... да и чего уж скрывать, такое слышать было обидно. Я никогда, не давала повода сомневаться в себе, тем более на работе.

— Проблемы или нет, не имеет значения. — в голосе шефа прорезаются суровые нотки. Он таким взглядом смотрит на бывшего, что даже мне хочется скукожиться. Сейчас иначе, как Александром Игоревичем, его язык бы не повернулся назвать. — Изначально было оговорено — пробоваться на должности будете оба. В любом случае, не помню, чтобы кому-то давал право обсуждать мои решения.

Антон недовольно зыркает на меня, поджав губы.

“Вечер перестает быть томным”.

— Ты прав, — он тут же идет на попятную, чего мне видеть, откровенно говоря, не доводилось, — просто у фирмы тяжелое время, она может не справиться с возникшими проблемами.

Я вот не пойму он пытается защититить или оскорбить?

— А она проблем и не будет касаться, — продолжает шеф, — она, как и ты, будет заниматься текущими делами, пока я занимаюсь решением проблем. Еще вопросы?

— Нет, — Антон опускает голову.

Блин, где мои одеяла и подушки? Хочу в домик. Никакого удовольствия от того, что один песочит другого у меня нет.

— Тогда свободен, — кивает шеф ему на выход.

Напряжение повисшее в кабинете можно резать ножом. Александр сейчас при мне, фактически, унизил Антона. А этого бывший ох, как не любит.

Мужчины сцепляются взглядами, а я еще больше сжимаюсь на стуле. Что за кошка между ними пробежала? Как-то уж слишком эмоционально они сейчас реагируют на обычное рабочее обсуждение.

— Александр Игоревич, можно я пойду? — неуверенно мямлю, вставая со своего места.

Что б вы понимали, вот такие моменты, когда буквально в воздухе горит сигнал SOS и витает агрессивное напряжение, я не переношу на физическом уровне, а попросту боюсь. Те девушки, которые визжат от восторга, когда мужики мугузят друг друга, а если еще и из-за нее... очнитесь! Это не здорово и не круто. Это страшно и неприятно, противно и отвратительно, жутко и я еще долго могу перечислять, но здоровского здесь ничего нет. У меня же это все в гипертрофированной форме — не выношу даже таких напряженных моментов, боюсь и все. Выясните отношения на здоровье, но не при мне. Поэтому и сейчас я пытаюсь слинять.

Мужчины, наконец, отрываются от созерцания друг друга и поворачиваются ко мне. Секунда, но мне этого хватает, чтобы окончательно убедиться — я хочу уйти.

— И Александр Игоревич, я понимаю, что сейчас не время, но я бы хотела уйти сегодня пораньше.

— Иди работай Антон, — не отрывая от меня внимательного взгляда, говорит Александр. — и скажи пожалуйста Лидии Васильевне, чтобы нас никто не беспокоил.

У меня мурашки бегут по телу. Я вообще-то тоже собиралась уйти, но, судя по всему, у шефа свое мнение на это.

Краем глаза вижу, как Антон, почти бесшумно поднимается и выходит. Кабинет погружается в тишину.

Александр опалил взглядом глаза, щеки, губы, шею, снова глаза.

— Я напугал тебя? — спрашивает вкрадчиво.

Расценивает мою реакцию правильно, вот только что ему на это ответить я не знаю.

— Прости. — продолжает спокойно, поняв, что отвечать я не буду, — я просто устал, больше суток без сна. Поэтому настроения разжевывать и подбирать слова, чтобы не ущемить не чьи интересы, у меня нет. Подойди, пожалуйста, — просит, протягивая руку через стол ко мне.

Внутренности делают кульбит. А сердце где-то теряется и на место уже не возвращается. Смотрю на протянутую руку и не знаю, как поступить. Тот случай, когда и хочется и колется.

— Пожалуйста, — тихий вкрадчивый шепот, звучит почти интимно. Подушечки пальцев и совершенно неожиданно, губы, колет тонкими маленькими иголочками.

До смешного — это простое слово было произнесено таким тоном, что закружилась голова и захотелось согласиться на все.

Прикусываю нижнюю губу, сбрасывая все этот морок.

Не могу же я плыть так по нему? Мы почти не знакомы. Я не знаю его, как человека. Имя его услышала полтора месяца назад и вот...

Вопреки всем “но”, встаю и вкладываю свою руку в его. Почему? Потому что не чувствуется от него сейчас ничего, кроме усталости и до одури хочется его поддержать. Быть рядом, если ему это сейчас нужно.

Он тянет меня за руку, заставляя обойти стол и встать напротив него. Смотрит на меня снизу вверх, нежно поглаживая большими пальцами запястья.

Отпускает мои руки и обхватив меня за талию притягивает к себе. Не успеваю ни дернуться ни возмутиться, как он придвинувшись вплотную просто втыкается головой мне в живот и замирает.

И я замираю. С раскинутыми в сторону руками и приоткрытым от удивления ртом. А он все также сидит, уже поглаживая меня по пояснице.

— Не бойся меня, ни при каких обстоятельствах, — шепчет куда-то мне в пупок, — страх, самое последнее чувство, которое бы я хотел, чтобы ты ко мне испытывала.

— Не расскажешь, что между вами произошло? — спрашиваю так же тихо, боясь нарушить возникшую идиллию.

Нет, я прекрасно понимаю, что это скорее всего связано как-то со мной и Ариной, но как именно сложно сказать. Антон меня приревновал? Нет. Александр приревновал?... Тут сложно сказать. А вообще ощущение, что вот это их противостояние началось еще до того, как я вошла в кабинет.

— Не обращай внимания, это все не важно, — трется носом о мой живот, запуская новую волну мурашек.

Мы будто супруги с двадцатилетним стажем. Стоим (я стою, а он сидит) и обсуждаем проблемы. И это все ощущается до ужаса естественным.

— А что важно?

— Важно, — Александр, наконец, поднимает на меня глаза, — зачем тебе раньше нужно домой? Вот это — важно.

— Я жду важного гостя, — пожимаю плечами.

— Мне стоит начать ревновать? — прищуривается, но как-то шутливо.

— А ты ревнуешь? — отзываюсь в тон ему.

— А как ты думаешь? — а вот последний вопрос задан уже серьезнее.

Дергаюсь и выпутываюсь из его объятий. С сожалением, но он меня отпускает.

Опять наш разговор выходит на скользкую дорожку. Уже не страшно, но слушать признание от человека, при этом не имея возможности ответить ему тем же или отказать окончательно и бесповоротно — просто не честно.

— Отпустишь меня сегодня? — повторяю вопрос.

— Да, если надо, конечно можешь уйти раньше, — он вздыхает и я вижу, как с каждой секундой Александр... Саша, превращается в Александра Игоревича, холодного босса, а мне хочется остановить это, но не могу.

Закусываю губу до боли. Ощущение, что я делаю что-то неправильно, основательно засело в груди. Но мне надо разобраться. В себе в первую очередь.

— Спасибо.

— Идите, Юлия Андреевна, — говорит максимально сухо.

“Ну дай же мне сутки” — хочется кричать, видя, как он поправляет рубашку,

расправляет плечи и натягивает на лицо маску шефа.

“Он давал уже черт знает сколько времени тебе” — услужливо отзывается внутренний голос.

И не поспоришь.

Киваю и выхожу вон.

Дорабатываю день на автомате, так же добираюсь до дома. Чувство чего-то неправильного просто разъедает, словно кислота. Уже вне зависимости от сегодняшнего вечера, кажется решение принято. Правильно говорят, хочешь принять решение, подкинь монетку, ты будешь знать ответ еще до того, как она упадет.

Ровно в шесть часов в дверь звонят. К тому моменту я накручиваю себя до предела. Лимит невысказанных слов зашкаливает, требуя выхода.

Вдыхаю, как перед прыжком в воду и открываю.

— Дети сегодня одуреют от радости, потому что я разрешила играть им в планшет до конца дня, если они сами и по-честному лягут спать в девять, — без приветствия заявляет мой гость прямо с порога, — а у меня в сумке вино и будь уверена, я с тебя живьем не слезу, пока все не расскажешь. И самое главное — кому мне надо целовать руки, что через столько времени моя сестра написала мне сама?

— Леська, — выдыхаю улыбнувшись.

— Тетя Юля, — пищат за спиной сестры племянники и я наконец вспоминаю, как это — дышать.

Самые близкие люди рядом.

Александр

— Отпустишь меня сегодня? — просит снова, да еще и так, будто я ее принуждаю здесь быть. Будто запер в клетке и никуда не отпускаю.

— Да, если надо, конечно можешь уйти раньше, — выдыхаю, привычно настраиваясь на рабочий лад.

Вижу, как она закусывает белыми зубками губу и явно нерв, но от своего плана не отступает.

— Спасибо.

— Идите, Юлия Андреевна, — говорю максимально бесстрастно.

Дожидаюсь, когда за ней закрывается дверь и устало откидываюсь на спинку кресла, зло растирая лицо руками.

“Чего ты хотел, Саша? Чтобы она так сразу бросилась в твои объятия?”

“Да, черт побери, именно этого и хотел”.

Глупо, но да. Ждал хоть какого-то ответного действия. Хоть какой-то реакции. А она, даже когда обнял ее, стояла и не шевелилась, будто “если ему надо, я потерплю”. Не хочу вот так, не хочу этот суррогат.

Вот эта ее нулевая реакция на меня сегодня, это “нет” на то, что произошло в субботу? И если позавчера, когда нестерпимо жгло поцеловать ее, я был уверен, в том, что делаю, то сегодня уже нет.

Поторопился. Она мялась, потому что не знала, как отказать? Или все дело в том, что не написал ей в воскресенье? Не мог, просто не мог. С утра съездил к отцу, а потом звонок, что у нас летят сервера, рванул на работу и вот до сих пор пытаюсь разгрести последствия.

Позвал ее в кабинет и надеялся окунуться в нее, как в Рай. Спокойно, без проблем и забот. На секунду отключиться от всего, что происходит там за дверью. На секунду дать рукам ощутить желанное тело, а не то дерьмо, что приходится разгребать. А на деле, как в чане с кислотой побывал. Замерла в моих руках, поспешно выпуталась, а потом и сбежала.

И ее эти препирательства с Антоном? Вроде строго и по делу, но будто мстит ему.

Для нее ад работать с ним? Для меня это ад, что они сидят бок о бок. Она каждый день смотрит на него и не забывает, всегда перед ней, всегда близко, лоб в лоб.

Желание уволить Антона к чертовой матери, возрастает в геометрической прогрессии. И абсолютно плевать, есть для этого повод или нет. Они даже не виделись практически две недели, но вот сошлись в одном кабинете и зацепились, поэтому увольнение кажется прямо идеальным вариантом.

До конца дня сижу и черчу ручкой на листе бумаги гребанные треугольники. Хотя в нашем случае что там надо рисовать? Квадрат? Ломаную? Я люблю ее, она Антон, он Арину, а Арина меня, своего брата. Зашибательская задачка на логику. Решать такую можно всю жизнь, но на деле все будет зависеть от решения Юли, все, что я могу, это задать направление, а там вывезет это решение или нет.

Решение, которое ты нашел и показал сам, в девяносто процентах случаях, так и не усваиваются. Только когда решил сам чувствуешь удовлетворение, а не тянущее чувство — ошибка?

— Я тут значит вкальваю не покладаю рук, а он картинки рисует, — заходя в кабинет возмущается Дава, заглядывая в мою “работу”, которую делал последние часа два.

Треугольники, квадраты, ломанные и даже круги... усмехаюсь.

— Что там Дава? — смахиваю бумагу в мусорку.

— Все, как и предполагали, ничего нового. — плюхается друг на место для посетителей. — Куда ушла инфа, неизвестно. Восстановили систему, доработали, пару “капканов” поставили...

— Ясно, плохо. — опускаюсь лбом на сцепленные в замок руки.

— А ты чего такой загруженный? — спрашивает, скалясь во все тридцать два, как ни в чем не бывало.

— А у меня нет повода? — поднимаю голову и смотрю с удивлением. — Тут как бы кто-то фирму отца топит, если ты не заметил.

— Фигня вопрос. Найдем. Накажем и далее по списку. — отмахивается, — Лучше скажи, как там у вас с Юль Андреевной? — и похоже друг что-то видит на моем лице, потому что ответа моего не дожидается. — Все так хреново?

— Скажем так, за нашу команду играю пока только я. — усмехаюсь криво. Как-то вообще не до веселья. Откидываюсь на спинку кресла, смотря в потолок. — Вот скажи что им нужно? Девушкам.

— Оооо... брат. Спроси чего полегче. Что было раньше — яйцо или курица? Есть ли жизнь на Марсе? А девушки — я думаю они сами не всегда знают, что им нужно. Куда уж нам...

— Спасибо, Дава, ты мне очень помог, — стебу.

— А че не так то? Я думал после моей днюхи у вас там лед тронулся...

— Я тоже так думал. А оказалось не тронулся, а заморозил все к чертям собачьим. — вздыхаю и память услужливо всаживает нож в спину, подкинув воспоминания, как Юля дернулась от меня, когда сказал, что ревную.

— М-да. Может там цветы, конфеты, побрякушки. А вообще сколько время-то прошло с тех пор, как она с Антошей вашим рассталась? Может ей надо чуть больше времени?

— А сколько времени нужно, чтобы разлюбить одного и начать встречаться с другим? И сколько мне ждать, если перетащить к себе и не отпускать хочется едва ли не с первой встречи?

На это Дава уже ничего не отвечает. Только чешет затылок и молчит.

— А в этом доме кофе угощают? — переводит тему.

— Лидия Васильевна уже ушла, так что у нас самообслуживание, — развожу руками.

— А мы и не гордые, сами управимся, — откликается друг.

Хлопает руками по коленям, поднимается и бодрячком идет в приемную, будто и не торчал здесь вместе со мной больше суток.

Дава не успевает начать готовить кофе, как мимо, даже не заметив его, пролетает Арина.

— Привет братик, — плюхается на место, где только что сидел друг и закидывает ногу на ногу.

— И что снова не так? — за столько лет, прекрасно научился считывать ее эмоции. Вот и сейчас ее улыбка и слова слишком приторные, чтобы быть искренними.

— А то ты сам не знаешь. — улыбка слетает с ее лица. — Ты зачем это сделал? Ты подумал, как это ударит по репутации Антона, когда он вернется в отдел? Все уже думали,

что эта должность его.

— Так может не стоило всем об этом говорить? — усмехаюсь, прекрасно зная откуда все узнали.

— Я говорила не всем...

— Да, — перебиваю, — только трем самым отъявленным сплетницам фирмы. Я изначально сказал, что это будет стажировка для двоих. Антон прошел, сейчас очередь Юли.

— В этом нету смысла, — Арина вскакивает на ноги, — все равно место достанется Антону.

— С чего ты это взяла? — вгоняю сестру в ступор.

Она замирает, в ужасе смотря на меня.

— В смысле? Ты хочешь место отдать ей? — на последних словах она взвизгивает.

Удивительно, как хорошо сестре удается скрывать эту сторону своего характера от окружающих.

— Место займет тот, кто достоин. И если это будет Юля, значит так тому и быть. — и добавляю, пока она не начала расплыться. — Самой то не унижительно бегать и для взрослого мужчины выбивать место?

Уверен в одном, Антон вряд-ли знает, что Арина сейчас здесь. Она как всегда решила проявить инициативу. Это же и ее касается, кем работает ее жених. Она упорно пытается впихнуть его в нашу семью, везде, где только возможно. Семейное дело — а значит и Антон должен быть у верхушки — так считает сестра.

Психует. Демонстративно топает ногами и выбегает.

— И вот это была наша маленькая Аришка? — в шоке уставившись на меня, возвращается в кабинет Дава.

Арина не потрудилась закрыть за собой дверь и Дава все слышал. Но такую Арину ему не приходилось видеть никогда — это прерогатива нас с отцом.

— Все та же Аришка, только не получившая то, что хочет, — пожимаю плечами.

— Круто...

Ответить больше ничего не успеваю. Телефонная трель раздается неожиданно.

— Юля... — высвечивается имя на экране.

Что-то случилось?

Она бы не позвонила просто так...

— Юля?

Меня просто колотит. Стою, смотрю на то, как сестра, еле передвигая ногами, выходит из квартиры и не могу успокоиться. Не знаю, что делать и куда бежать. Паника накрыла и не отпускает. Разве она не должна проходить быстро? Разве мозг не должен сгенерировать какой-то выход из ситуации и послать сигнал организму типа “хей, есть решение, оставить беспокойство”?

Горло сушит, а в голове вакуум. Не представляю, что предпринять. Хотя нет, не так, мозг начинает выстраивать план действий, но спокойнее от этого не становится. Даже наличие доктора рядом, не успокаивает, а кажется выбешивает еще больше. Она увидела на столе в гостинной бутылку вина и закуску, и для нее все стало очевидно и ясно.

Я понимаю, что у врача скорой нет времени на сопереживание, сочувствие, да даже возможно на вежливость, но можно хотя бы не так брезгливо.

Меня трясло все время, пока я ждала машину скорой. Ходила из угла в угол и меня натурально трясло. Не знала, то ли подойти к сестре и как-то поддержать ее, хотя что я там вообще могла сделать не понятно, то ли бежать к племянникам. До чего не додумалась точно, так это до того, чтобы прибрать все со столика возле дивана, где мы сидели, а подоспевший врач, посмотрев, сделала однозначный вывод.

— Ооооо, ну тут все понятно... Ну и куда тебе рожать, если только и думаешь, как за воротник залить? На выскребание поедем дорогуша? — первое, что сказала врач скорой, посмотрев на обстановку комнаты.

На первый взгляд, наверное, и правда все очевидно — бутылка вина, полупустые тарелки с нарезками, пустые упаковки из под пиццы и суши на полу, разбросанные вещи, а на диване перед всей этой “красотой” беременная девушка держится за живот. Последнее я узнала в тот момент, когда она согнулась от боли и я попыталась выяснить, что болит, хотя, идиотка, должна была догадаться, когда она активно подливала мне, так и не налив себе ни грамма, но... мы не виделись два года и у меня было на тот момент другое в приоритете — насмотреться и наговориться с ней.

Вопрос, вызывать ли скорую, даже не стоял. Зато сейчас стоит другой — будут ли эти очевидно предвзятые врачи достаточно профессионально выполнять свою работу?

— А выскребания у вас хорошо делают, да? — рычу на врача, почище любого тигра.

Но видимо мое поведение она воспринимает как-то по своему, потому что бросает на меня полный презрения взгляд и выдает с такой же презрительной ухмылкой:

— Еще никто не жаловался.

— Оно и заметно, — выплевываю в ответ, — у вас мозг весь подчистую выскребли, а вы и рады, — и продолжаю пока из рта врачницы, который открылся от шока, не вылетело что-то еще, — если б вы посмотрели повнимательнее, то видели бы что бокал был всего один, и пила я. Она пила сок!

Леська, в информацию о том, что вино в малых дозах полезно при беременности, не верит и не поддерживает, и теперь то очевидно, почему на самом деле не пила. Но сначала мы заказали пиццу и суши, ей прям до одури хотелось, опять же теперь понятно почему, а потом раскрыла один из чемоданов, который оказался забит всяким кофточками и прочей ерундой.

Давно у нас повелось дарить друг другу что-то из вещей, что-то прикольное, а чаще

неординарное, что себе никогда бы не купил, а зачастую даже бы не посмотрел, и вот такого она приперла целый чемодан, аргументировав тем, что это за два года накопилось — вот и весь наш бардак. Это я еще молчу про сумки с вещами племянников и ее, которые мы тоже бросили до лучших времен.

И вот это все она тащила беременная. Настучать бы ей по голове, если б уже не было так плохо.

— В мои обязанности не входит выяснять кто и что пил, — выплевывает докторица.

— Так, а какого хрена вы тогда смотрели на алкоголь и сделали выводы, если это не входит в ваши обязанности? А если надо это знать, то могли и спросить. — ору, как полоумная, но меня просто бесит эта тетка.

— Слушайте, я все понимаю, но мне тут как бы плохо, не? — тянет Леська. Пока я орала, сестра успела выйти из квартиры, пересечь далеко не короткий тамбур, вызвать лифт и он даже успевает приехать.

Бросаюсь к ней и захожу в лифт, тетка-врач вваливается следом, а я психую снова:

— А у вас носилок нет? Это нормально, что беременная с такими болями идет пешком? — и честно я уже не знаю, я больше за сестру беспокоюсь или просто хочу наорать на эту вредную тетку. Может, если б она себя изначально так не вела, я бы тоже была поспокойнее.

— Ты фильмов пересмотрела? — впивается в меня глазами врачиха. — Тебе таскать их кто будет? Я?

Да, блин. У них разве на такой случай не должен быть в бригаде санитар какой-нибудь, плюс к нему водитель? Да плевать, если б сказали я бы нашла. Я бы тут весь подъезд разбудила, чтобы найти пару мужиков, которые бы унесли носилки. Я сама готова быть одним из этих мужиков, потому что черт побери, даже ни разу не беременная я, догадываюсь что когда у беременной настолько сильно тянет живот, это ни черта не нормально.

— Леська мужу позвонить, родителям? — перевожу фокус внимания на сестру и кажется уже не в первый раз задаю этот вопрос, потому что на эту тетку я сейчас могу только еще громче орать, еще и с матами.

Леська стоит, придерживаясь за стенку лифта, второй рукой держась за низ живота. А у меня кажется вся кровь отливает от головы, сестре определенно становится хуже. Она кривит лицо от боли, хоть до этого и держала невозмутимость на лице, и руки подрагивают. Только тетке-врачихе пофиг, стоит как ни в чем не бывало.

И почему этот гребанный лифт так медленно ползет вниз? Еще пять минут и скорая будет увозить отсюда двоих, потому что смотрю на сестру и страх за нее просто не дает не вдохнуть не выдохнуть.

Не смотря на все это, Леська умудряется усмехаться:

— Всего лишь надо было заболеть, чтобы ты позвонила родителям?

До меня не сразу доходит, что она имеет в виду, а когда доходит...

— В такой момент шутишь? — у нее жутко болит живот, а она прикалывается. Как так-то вообще?

— Да какие уж тут шутки, столько лет не звонила не писала, а тут готова и сама, даже пистолет к голове приставлять не пришлось, знать бы раньше... — кряхтит, сквозь зубы, — а если серьезно, то Пете в отъезде, а родители несколько дней, как улетели к морю отдохнуть. Сегодня точно их не трогаем, а завтра посмотрим. А вот на работу тебе придется позвонить уже сегодня, я без тебя не справлюсь.

И вот если б она не сказала, я б еще не скоро выпала из прострации и догадалась позвонить. Благо телефон со мной, так и не выпустила его из рук с момента вызова скорой.

Уже выходим из подъезда к машине с крестом на капоте, когда на том конце провода мне отвечают.

— Саша, это Юля, мне нужны выходные за свой счет с завтрашнего дня и как минимум на неделю.

Боковая дверь скорой отъезжает и я подсакиваю к Леське, чтобы помочь ей подняться на высокую ступеньку. Не слышу, что мне отвечает шеф, полностью сосредоточившись на сестре.

— Ты мне дашь выходные? Я все равно уйду! — повышаю голос, когда вижу, как сестра согнувшись и прикусив губу, опускается на кушетку, а врачах отворачивается, копаясь в какой-то сумке и совсем не собирается ей помогать.

— Да. — не уверена, что мне ответ шефа не мерещится, потому что мысли заняты совершенно другим.

— Девушка, если не едете с нами, отойдите нам надо отъезжать. — это уже какой-то мужчина отодвигает меня от машины, крепко взяв за плечи, закрывает двери и отходит.

И только тут до меня доходит, что шеф дал отгулы, а скорая сейчас уедет.

— Какая больница? — долблю в двери.

Хоть одна путная мысль пришла за это время — узнать куда увезут сестру.

— Четверка, — немного приоткрыв дверь отвечает врачах.

— Я напишу завтра, что привезти, — слышу глухой голос сестры, а потом дверь снова закрывается и машина трогается с места.

А я еще долго стою и залипаю в ту сторону, куда она уехала. Прихожу в себя, когда тело передергивает от холода.

Вскидываю голову вверх и вижу в своих окнах свет. Вот черт, Миша и Маша же наверху одни. Зашибательская я тетка. Подрываюсь и бегу наверх.

Племянники сидят в комнате смотрят очередной мультик на планшете. Как два котенка жмутся друг к дружке, толкаются плечами — кто отвоюет себе для обзора большую часть экрана. Такие похожие в своем упрямстве и такие разные в поведении. Машка более заводная. Мишка строже, будто уже сейчас понимает, что он мужик и какой на нем великий груз ответственности.

Они уже отвлеклись и больше не дуются на маму. Пока я паниковала дожидаясь скорую, Леська успела поговорить с детьми — рассказала, что отправиться на самой настоящей скорой помощи в отважное путешествие — дети восхитились и обиделись, потому что в путешествие могут отправиться только такие взрослые тетеньки и дяденьки, как Леська. Сама бы даже не додумалась сказать им нечто подобное и вообще не представляю, как бы объяснила им, что их мама в больнице.

Оставляю их и иду в гостиную — нужно навести порядок. На самом деле плевать, можно было бы закрыть дверь и уйти к племянникам, убрать все завтра — за ночь ничего бы не произошло, но мне надо чем-то занять руки. Не знаю, как кому, а мне физический труд помогает, пусть и такой незначительный.

Собираю пустые коробки в мусор, остатки еды в холодильник. Руками шевелю, но силы испаряются, как по мановению палочки. Так же резко и быстро, как из воздушного шарика выходит воздух, если его отпустить.

А ведь Леську скорее всего растрясло в дороге, пока она ехала и поэтому стало плохо.

Зная сестру, она бы с места не сдвинулась, если б не важно себя чувствовала перед поездкой. А тут рванула ко мне, с двумя детьми, еще и сумки тяжелые таскала.

К беспокойству примешивается чувство вины и оседает горечью на языке и комком в горле, который невозможно проглотить.

Где-то сбоку вибрирует телефон, оповещая о входящем звонке. Отставляю посуду, которую собиралась отнести в мойку, беру в руки гаджет и опускаюсь на диван.

Антон. Даже удивиться не хватает сил, а уж разговаривать тем более, но на зеленый кружочек нажимаю.

— Да? — выдыхаю устало. И даже не уверена, что говорю достаточно громко, чтобы меня услышали.

— Юля, ты что придумала? Какие еще отгулы? — начинает сразу, пропуская приветствие.

Растираю глаза и сжимаю пальцами переносицу. Хочется попросить быть потише, и не потому что говорит очень громко, а просто мне сейчас нужны какие-нибудь пять минут тишины.

— Антон, у меня проблемы, мне пришлось взять несколько дней за свой счет.

— Какие проблемы Юль? Что у тебя могло случиться? — и если кто-то подумал, что он пытается выяснить *что* это за проблемы, возможно для того чтобы помочь или просто посочувствовать, то “ха-ха” вам три раза, потому что он продолжает, — ты психанула из-за того, что я сделал Арине предложение? Это глупо, Юля!

— Антон, у меня проблемы, — пытаюсь достучаться еще раз до бывшего возлюбленного.

Говорю спокойно и не потому что не хочу показывать чувства Антону, а просто кажется выплеснула их все на тетку-врача и сейчас уже не могу ни орать и не агрессивировать на него.

— Юля, я должен завтра быть с Ариной у организатора свадеб, у нас через три дня встреча с хореографом, а послезавтра с меня будут снимать мерки для костюма. Через месяц свадьба, у меня каждый день расписан Юля. Выйди на работу, не занимайся ерундой.

А я сижу опустошенная и даже ничего не дергается внутри от того, что он говорит. Слышу только “я, я, мне и снова я”.

— А ты не думал, что весь мир не крутится вокруг тебя? — отвечаю на его эмоциональный спич холодным безразличием с примесью злости. Не обиды, нет, именно злости. Почему-то сочувствия или поддержки я и не жду, но я надеялась, что он хотя бы услышит, что я ему вообще говорю, а он даже не пытается вслушаться и понять смысл произнесенных мною слов. — Ты не поверишь, но я живой человек и у меня тоже бывают проблемы и заботы. У тебя свадьба? Поздравляю. Вот только от этой новости мои проблемы не рассосались. У меня дела поважнее, чем примерка рубашечек и брючек, и бросать их ради ТВОИХ забот я не обязана и не буду. Тебе важно подготовить отлично свою свадьбу? Тебе никто не мешает, так же как и я, взять отгулы. А то, что их вероятнее всего тебе сейчас никто не даст, опять же не моя печаль. Не вижу рвения с твоей стороны приехать и разрулить все то, что творится сейчас у меня. Так с чего я должна входить в твое положение? Ты эгоистичная сволочь, Антон. И знаешь, что я тебе скажу? Пошел ты к чертовой матери!

Сбрасываю вызов и отшвыриваю телефон в другой угол дивана, будто это мерзкая склизкая жаба. Ощущение омерзения такое реальное, будто я действительно ее держала в руках.

Выйди на работу и все! Не малейшей попытки хотя бы спросить, что у меня произошло.

Только он и его интересы. Не понимаю, как я раньше этого всего не замечала? Ведь он же не только сегодня стал именно таким... Два года отношений, а он считает меня эгоистичной мелочной злобной сукой, которая только и делает, что нарушает его наиважнейшие планы.

К глазам подкатывают слезы.

Быстро моргаю, сгоняя лишнюю влагу и смахиваю слезинку, скатившуюся по щеке. Как то все навалилось и я оказалась не готова.

В дверь звонят и приходится подняться, чтобы открыть. Не знаю, кто там, но даже к племянникам сейчас не могу зайти, а не то что уж принимать гостей.

Но открываю.

Глаза в глаза. Буквально оцупал взглядом всю с головы до ног. Обеспокоенно, внимательно, ничего не упуская из вида. Ноги, бедра, живот, руки, грудь, плечи, шея, лицо. Все обдает жаром, вот только не обжигает, а согревает, успокаивает и расслабляет. Еще раз очерчивает контур моего лица. Глаза красные и он это видит. Склоняет голову набок, прищуривается.

Саша...

И я не выдерживаю. Сама делаю шаг к нему и сама прячу лицо у него на груди. Сама “прошу защиты” и укрываюсь в его огромных объятьях.

Я сама выбираю и окончательно расслабляюсь рядом с ним.

К черту все. Просто нужен. Здесь и сейчас. И завтра это не изменится. Потому что вклинился, впутался, впелелся в мою жизнь и умудрился стать ее частью. Стал необходимым. Тем самым.

Как поняла, что именно он?

Объяснить сложно и просто одновременно. Сестру увезли в больницу, в комнате племянники, поскандалила с коллегой, а сейчас стою, прижавшись к его груди, и понимаю, что только сейчас начала дышать, не слышала и не знаю как, но поняла, что все будет хорошо...

— Ничего мне не хочешь рассказать? — с хитрым прищуром смотря на меня, интересуется сестра.

— Нет. — для убедительности отрицательно мотаю головой. На самом же деле прекрасно понимаю, будет очередной допрос. — Лучше скажи, что говорит врач?

— Врач говорит — тонус матки. Возможно растрясло по дороге. Будет смотреть по состоянию, но на выписку раньше, чем через неделю, рассчитывать не приходится. — вздыхает Леська, устраиваясь удобнее на больничной постели. — А ты не съезжай с темы — мне дети все уши прожужжали про какого-то просто замечательного дядю Сашу.

Опускаю глаза, вспоминая и краснею.

Мишку и Машу он вчера сразил наповал. Да и племянникам немного было надо, только взрослый, которого можно эксплуатировать несколько часов без зазрения совести и они это делали с превеликим удовольствием.

А началось все с того, что я так и стояла прижавшись к Саше, успокаиваясь. Он тоже не спешил меня отстранять. Просто прижимал к себе, гладил волосы, а я млела, пока за спиной не раздался голос Маши:

— Мишка! Тетя Юля занята, она с каким-то дядей обнимается и не собирается нас кормить.

Стоит ли говорить, что отскочили мы с шефом друг от друга, как ошпаренные, будто мне шестнадцать и папа застал меня целующейся с мальчиком?

Я резвой козочкой поскакала готовить ребятам поздний ужин, который как оказалось должен был состоять из молочных коктейлей, а Сашу Маша уволокла к ним с Мишкой в комнату, как сказала не по возрасту умная девочка “что б не стоял без дела”.

Следующий этап стыда был уже в комнате, когда я решила туда принести “ужин”.

— Дядь Саш, а у тебя паспорт есть? — деловито поинтересовалась Маша. Она стояла над шефом, уперев кулачки в бока, пока он, уже распрощавшись с пиджаком и засучив рукава, сидел на полу и пытался разобраться с роботом Миши.

— Есть, — отозвался шеф.

— Тетя Юля, а у тебя паспорт есть? — это уже Миша заметил мое присутствие и три пары глаз уставились на меня.

— Есть, — прошла в комнату и поставила коктейли на тумбочку.

— Значит можно, — отмахнулся Миша.

— Нельзя, — топнула ножкой Маша, — у нее кольца нет, — ткнула пальчиком в мою сторону.

— Чего нельзя-то Маш? — интересуюсь, сдерживая смешки. Шеф на полу тоже сcejивает улыбочки в кулак.

Хотя вариантов не так много — паспорт, кольцо — похоже племянники решили нас поженить.

Только не тут то было.

— Ну чего ты как маленькая? — возмутилась племяшка, тряся передо мной раскрытой ладонью, — Обниматься вам нельзя. Я спросила у папы откуда берутся дети. Папа сказал, что когда дяденька обнимает тетеньку, у тетеньки потом растет животик и оттуда появляется ребенок. Я с Петькой обнималась обнималась, а живот так и не вырос. Папа

сказал, что сначала пусть кольцо мне на палец наденет, а потом уже протягивает ко мне свои ручонки. Я заставила Петьку надеть мне кольцо, а живот все равно не рос. И мама сказала, что ребеночек не появится, пока у меня нет паспорта.

— Хорошо, — тяну задумчиво, афигевая от рассказа маленькой, как я еще недавно думала, девочки, — а обниматься то почему нельзя? Паспорт есть, но колечка то нету, значит не забеременею?

— Ну ты ваще. — качает головой Маша. И весь ее вид кричит о том, что она считает меня недалекого ума. — Если обниматься без кольца, то ты станешь душой. Так деда сказал. Да, да.

— Ааааа...

— Он так сказал бабушке. Что мама с папой обнималась, ребенок в животике растет, а кольцо не берет у него, значит дура.

На этом моменте я окончательно выпала в осадок.

Даже не знаю, что меня поразило больше. Рассуждение племяшки или то, что у Пети с Леськой закручивается очередная Санта Барбара.

— А ты мне ничего не хочешь рассказать? — спрашиваю у Леськи.

— Эм... дай-ка подумать? — театральной стучит указательным пальцем по подбородку. — Кажется, нет. — соизволила таки после демонстративной паузы ответить. Только не совсем то, что я хочу услышать.

— Тебе кажется. Расскажи-ка о том, что у вас происходит с Петром. — подсказываю очень интересную тему для разговоров.

— Предлагаю уговор, — подхватывается сестра, — ты звонишь отцу, а я тебе все рассказываю.

“Гениальная” идея. Сейчас вот прям разбежалась и позвонила, ага.

— И это мне предлагает та, кто даже лежа в больнице просила никому об этом не сообщать.

— Потому что родители, впервые за несколько лет вырвались в отпуск и я не хочу их дергать. — дуется Леська, поняв, что план ее не удался.

— Или потому что ты беременная третьим от своего мужа, а он не нравится отцу, — подкидываю более правдоподобный вариант.

— Не нравится отцу? И что с того? — у Леськи очень правдоподобно получается изобразить удивление, вот только я на это не поведусь. Мы с ней обе знаем правду.

— Лесь... ты серьезно? Вы любите друг друга, вашим детям шесть лет, ты ждешь третьего, но не можешь жить со своим мужем и все из-за отца.

— О, боже. Ты считаешь, что это из-за отца? Нет, Юля... нет.

— А из-за кого еще, если в нашей семье все так, как хочет он? — встаю со стула и отхожу от кровати сестры.

Нужно чуть больше пространства. Чтобы можно было обхватить себя руками, чтобы спрятаться от прошлых обид, чтобы снова дышать свободно.

Можно долго возмущаться и спорить, но как не крути наш отец — диктатор. Все всегда так, как хочет и решит он. Второго мнения в нашей семье никогда не существовало. Либо его, либо не правильное. Самое обидное, что маму это устраивало. Она всегда заглядывала ему в рот. Поэтому я в свое время и сбежала, сбежала и поклялась не возвращаться в тот дом.

Там стены пропитаны полным контролем и подчинением. Он называл это заботой, я называла клеткой. Он выбирал все, начиная от школы и кружков, заканчивая друзьями и

университетом. Когда остро встал вопрос о парне и мне были показаны несколько страниц в социальных сетях одобренных отцом кандидатур, а мои документы уже лежали в выбранном им универе, я сбежала.

— Я не живу со своим мужем, потому что он накосячил и накосячил сильно. Но проблема в том, что я хочу быть с ним, но не могу, пока он не поймет, что я и дети это все, что ему нужно и точно не повторит своей ошибки. Я даже не предполагала, что ты считаешь отца виноватым в этом.

— Петя накосячил сильно? — я не верю в то, что говорит моя сестра.

Я видела, как он ее любит, как заботится о ней и он мне искренне нравился. Он не заставлял, не подавлял, мне казалось что они просто идеальная пара. Я так за них радовалась и, когда сестра ушла с ним из дома, я говорила — “вот хотя бы кто-то вырвался”.

А отец, он никогда не одобрял выбор Леськи, никогда не проявлял хоть капельку гостеприимства или дружелюбия. Леське так и не удавалось отстоять своего мужа перед отцом, Петя это делал сам. Он всегда очень грамотно и четко ставил отца на место, от чего я восхищалась им ещё больше и искренне радовалась за сестру.

Три года назад, мы рассорились с Леськой именно из-за того, что она сдалась и послушалась отца, за эти годы он так и не оставил попыток переубедить ее вернуться домой. Даже, когда у них с Петей появились уже дети. Отец в внуках души не чаял, но продолжал ненавидеть их отца.

Леська мне не отвечает. Просто смотрит на меня глазами побитой собаки и в ее взгляде такая боль, что сомнений не остается — она мне не врет.

Смотрю на всегда жизнерадостную и озорную сестру и меня осеняет ужасная мысль:

— Лесь он тебе изменил? — спрашиваю и сама холодею от этого.

Сестра еще больше бледнеет и я понимаю, что попала в точку и мне тоже становится хреново. Потому что смотря на них я верила в идеальные пары, верила в отношения, верила в настоящих мужчин, для которых женщина не вещь или предмет интерьера, а партнер.

— Почему ты мне раньше об этом не говорила Леська?

Сестра лишь горько усмехается:

— Знаешь сестренка, это не то, чем люди обычно хвастают, — отвечает и отпускает глаза на свои сжатые в замок руки.

Сижу и понимаю, что вот так вот и развенчиваются мифы. На пару Леська и Петя, я готова была молиться. Они были для меня примером для подражания. Леська, которая всегда поддерживала мужа и муж который был всегда для нее опорой.

Вижу, как сестре больно. Она не поднимает на меня глаз, кончиками пальцев смахивает с щек слезы, а я вижу и понимаю, что ей по-настоящему больно, а ещё больнее от того, что именно я ей напомнила снова об этом.

— Это я попросила отца, чтобы он развел нас с Петей, — глухо говорит Леська, — он никогда не лез в наши отношения, не вмешивался. Я сама приняла решение вернуться к ним в дом и сейчас он прекрасно знает о том, что я встречаюсь с бывшим мужем и ничего на это не говорит. Юль, ты перевернула во многом отношение отца ко всему, что он делал. Он всегда считал, что он прав, а после твоего побега он будто постарел на десятки лет. Я никогда его не видела таким разбитым, он долго не разговаривал ни со мной, ни с мамой, все больше молчал, запирался у себя в кабинете, много пил. Мы не знали, как вытащить его из этого. Ну и тебе говорить не хотели. Мы знали, что ты поступила в университет, узнали, что ты там дружишь с парнем Васей и не стали вмешиваться, не стали ничего говорить. А

потом он как будто очнулся, пришел в себя, сначала интересовался у нас, где ты и что с тобой. Мы очень боялись, что он снова возьмется за старое, но он все эти годы только наблюдал за тобой и Юля, поверь, он очень гордится тем, какой ты стала. Он не приходил все эти годы к тебе, только из-за страха, что ты его прогонишь, не примешь, не станешь слушать.

Я сижу ни жива, ни мертва и слушаю, что говорит сестра. Но сколько бы не слушала, в голове это никак не укладывалось. Вспоминаю поведение отца, как он контролировал каждый шаг, не давал никакой свободы и мне сложно представить, что он вдруг начал гордиться тем, что я делаю сама без его помощи. Очень сложно избавляться от старых привычек. Видимо мое негативное отношение к отцу, это уже тоже привычка.

Все эти годы я искренне полагала, что он просто вычеркнул меня из своей жизни, поэтому больше не появляется и не вмешивается.

— Ты не представляешь, каких трудов стоило нам с мамой уговорить его не вмешиваться, когда тебя бросил Антон, — продолжила Леська, — или когда ты вообще влезла в эти отношения. Я пыталась до тебя достучаться, но ты меня уже не слышала, поглощенная им. Знаешь люди часто говорят, что мы ненавидим в других те качества, которые бесят нас в самих себе. Я в это никогда не верила, как и в то, что мы выбираем мужчин похожих на своих отцов. Но знаешь, ты перечеркнула все мое неверие. Антон это копия нашего отца, если б папа был чуть более эгоистичнее, а ты, копия нашей мамы, той стороны мамы, которую ты так не любишь.

Я не перебиваю и пытаюсь все обдумать. Олеська валит на меня информацию бетонными плитами, не замечая как меня это расплющивает. Но это надо услышать.

— Вы с Антоном в сущности оба неплохие люди. Вот только ему нужна девочка-ромашка. Хорошая, чистая, нежная, как ангел, которая надует губки и скажет как ей плохо и для такой девушки он свернет горы. Ты же не такая — ты никогда не попросишь о помощи, ты предпочитаешь все делать самостоятельно. В твоём случае, это ты пытаешься взвалить все на себя, чтобы облегчить жизни мужчине. Тебе нужен мужчина, который придет отодвинет тебя в сторону и скажет, что он сам все решит. Ты скорее облегчишь жизнь другому во вред себе, чем откажешь и пойдешь против всех. Я смотрела на твои отношения с Антоном и впервые мне хотелось подойти к отцу и попросить, чтобы он вмешался.

— Почему же не сделала этого?

— Боялась, что ты мне этого не простишь, а в итоге мы и так не общались с тобой три года. Я знаю, что тебе сейчас больно, когда ты видишь Антона с Ариной вместе, но в тебе говорит обида, а не любовь. Тебе обидно, что у них именно те отношения, о которых с ним всегда мечтала ты.

А я смотрю на нее и понимаю, что сестра права, потому что, как бы то ни было, переступая через себя, но терпела все выходки Антона, терпела его безразличие, терпела его желание спрятать меня ото всех. Он познакомил меня с друзьями, и я восприняла это, как знак свыше, знак того, что он готов к большему, но он так и не познакомил меня со своими родителями и никогда не говорил о том, что хочет познакомиться с моими. Я даже не уверена, что он в курсе, что у меня есть сестра. Антон и моя семья будто существовали в разных плоскостях.

Не знаю сколько мы так сидим, между нами виснет тишина, но она не напрягает, она дает время подумать, переосмыслить и мне вдруг кажется, что я сама себя загнала в эту ловушку по имени “Антон”.

Зачем я бегу за ним и чего добиваюсь? Становится обидно за себя, но не потому, что меня как-то предал или обидел Антон, потому что я позволила с собой так обращаться. Он ведь в сущности, действительно, мне ничего не обещал и не предлагал, он никогда не говорил о серьезных отношениях и я почти с самого начала знала, что у него была большая любовь по имени Ариша, от которой он не смог отказаться.

Наверное, мне просто хотелось иметь хотя бы видимость того, что я не одна. Возможно я раньше бы и рассталась с ним — помню, как позвонила Олеське, как хотела пожаловаться на невнимание Антона, как хотелось услышать ее совет, как хотелось услышать от нее слова, что если я брошу Антона, я не совершу ошибку, но все, что я тогда услышала это ее плач по телефону и она сказала, что у нее на руках бумага о разводе с Петей. Не знаю, как мы тогда не поняли друг друга, не услышали в тот момент, но я посчитала, что отец развел их и мы разругались. Я кричала, что она дура и должна бороться за свое счастье, но эти слова почему-то подействовали не на нее, а на меня и я еще упорнее стала бороться за отношения с Антоном, которых по сути не было и сама того не ведая, загнала себя в ловушку.

— Ты мне так и не расскажешь, о каком Саше мне весь вечер и сегодняшнее утро талдычили дети? — прерывает затянувшееся молчание Леська.

А я не знаю, что ей ответить. Что и как это сказать. Вдруг нестерпимо становится неловко и я краснею, как маленькая девочка и теперь уже я опускаю вниз глаза.

— Это мой шеф, — отвечаю, едва шевеля губами, но Леська меня слышит. Усмехается как-то по доброму, но молчит. А мне даже за эту ее усмешку, понимающую, которой она как бы говорит, что со мной все понятно, за эту усмешку, которая свидетельствует о том, что она выводы уже сделала, хочется дубасить ее подушкой, как в шестнадцать, когда она спалила, как я залипала на одном симпатичном парне-однокласснике и не упустила случая меня подколоть. Меня останавливает только то, что она сейчас беременна.

— Всем бы мы таких шефов, которые сломя голову летят после работы к своим сотрудникам, помогают с племянниками и гуляют с ними пока те бегают по больницам. Он же с ними гуляет? — интересуется Леська, хотя и так прекрасно знает ответ.

Леська попросила не приводить детей сюда — не хочет, чтобы они смотрели на нее в таком виде. Решила, что будет созваниваться с ними по видеосвязи, поэтому сегодня шеф привез меня сюда, а сам с детьми гуляет в парке недалеко от больницы.

Перекидываюсь еще парой слов с сестрой, беседую с ее доктором и спешу в парк, где Саша гуляет с племянниками. Нахожу их почти сразу. На большой поляне они бросают мяч, визжат, пищат и просто дурачатся и это я сейчас не только о детях. Шеф дурачится вместе с ними. Вот они пинают мячик друг другу, а в следующую секунду мячик уже заброшен куда-то в сторону и племянники с веселым визгом убегают от Саши, когда он догоняет их, щекочет — всем весело.

А у меня будто пелена падает с глаз, будто снимают шоры и мне становится доступен весь обзор. Я впервые смотрю на шефа по настоящему, изучающе и, если уж совсем откровенно, то любуясь — вот он сильный, красивый мужчина, который всегда рядом, который приходит на выручку, который бросает все дела, даже когда я об этом не прошу.

Вчера, после больше чем суток без сна, вместо того, чтобы ехать отдыхать, он приехал ко мне — помогал, успокаивал, поддерживал и сегодня опять здесь рядом. Он не забросил дела, но отложил их на некоторое время, чтобы съездить и помочь мне с ребятами. И все это точно не разовая акция, я уверена.

Не представляю, как бы справилась одна, мне по сути в этом городе даже обратиться не

к кому за помощью — ни друзей, ни подруг. Аленка, у которой еще несколько месяцев назад мы гуляли на дне рождения, больше не выходит на связь, хотя до этого случая, переписывались с ней через день. А теперь мои SMS уходят в “молоко”. Она либо молчит, либо коротко отписывается, что у нее дела и она не может разговаривать.

А Саша рядом уже не первый день, и даже не первую неделю. Помогает и ничего не просит взамен — потрясающее чувство, что ты кому-то нужен, даже, когда ничего не даешь взамен. Хотя я знаю, что ему нужно.

Что будет если я отвечу ему взаимностью? Томительно от этой мысли и чего уж скрывать, страшно, как и все новое.

Замираю, не в силах оторвать взгляд от мужчины, играющего с моими племянниками. Вижу, как помимо меня, с лавочек несколько дамочек также поглядывают с любопытством и интересом на него, но я не ревную, внутри меня расправляет плечи ехидна, которая так и шепчет — “Смотрите, смотрите, но он только мой и я не отдам”.

Прикусываю губу до легкой боли и отвожу глаза, давая себе мысленную оплеуху.

Он не мой, но вдруг понимаю, что до зуда в ладонях хочется, чтобы стал таковым. Но страшно. Становится чертовски страшно. Поднимаю глаза на мужчину и меня просто сносит нежностью к нему, благодарностью, трепетом.

Он стал моей опорой, без которой я просто упаду, не выстояв. Он словно стена, которая оберегает меня от всех проблемы и неприятностей. Он просто тот, рядом с кем мне хорошо и спокойно, и я не хочу лишаться этого.

Что было бы, если бы Игорь Валентинович не собрался уходить в отпуск и не оставил вместо себя сына? Что было бы, если бы просто пришла его дочь устраиваться на работу? Наверное, я бы вылетела с работы еще тогда. Совершенно точно долго убивалась и скорее всего натворила бы еще уйму глупостей. Он уберег.

Пока я стою и не могу отвести от него глаз, Саша замечает меня. Замирает и смотрит, и мне кажется у меня на лице написано все, что я сейчас думаю. Мурашки бегут по телу, а дыхание сбивается. Шеф смотрит пристально, а потом у него будто срывает стоп-кран и он стремительно, как ледокол сквозь толщи воды, приближается ко мне.

Останавливается в полушаге, смотрит. Звуки приглушаются и будто весь мир замирает. Взгляд шефа завораживает, затягивает, пригвождая к месту и не давая пошевелиться. А я и не хочу.

Вот же он, совсем рядом. С взъерошенными волосами, пышущий жаром после беготни с ребятами, с сверкающими глазами. Протяни руку и можно будет коснуться — поправить воротник рубашки, смахнуть невидимую пыль с плеча, провести по слегка колючей щеке, но я этого не делаю, зато делает он — протягивает руку и заправляет видимую только ему волосинку выбившуюся из высокого хвоста.

Аккуратно, не отрывая взгляда от моих глаз, обводит по контуру ушную раковину и опускается к скулам. Приобняв рукой подбородок, поглаживает большим пальцем щеку, будто проверяя кожу на мягкость и его губ касается улыбка. Легкая, мягкая, одними уголками губ, будто более широкая способна испортить этот момент.

— Тетя Юля, тетя Юля, а мы кушать хотим, — подлетают племянники и я только сейчас могу оторваться от созерцания своего шефа.

Мы с Сашей отрываемся друг от друга, больше не смотрим. Молча и не сговариваясь идем к машине и шеф отвозит нас домой.

И уже когда я открываю дверь машины, чтобы выйти, слышу за спиной хриплый

мужской голос:

— Я приеду сегодня вечером, дождись меня, — и я просто сбегаю из машины.

Сажу на диване и смотрю через окно на темное небо. В квартире тихо. Маша и Миша вымотанные, наконец-то уснули. Сестра хвасталась, что приучила их ложиться спать в девять. Ну что ж... когда ее выпишут, ей снова придется их приучать, потому что время двенадцать и они кое-как вырубались полчаса назад. Мне же совсем не спится, хоть и вымоталась я не меньше племянников.

Саша не приехал. Не позвонил и не написал. Руки упорно тянулись отправить ему смс, но не делала этого, упорно откладывая телефон подальше — идиотское ощущение, будто навязываешься человеку. Хотя справедливости ради, единственный раз, когда я позвонила ему сама, был, когда Леська попала в больницу, а единственное смс, когда пыталась избежать поездки к его друзьям.

А что я могу сейчас написать? “Привет, как дела?” — глупость какая-то, наверняка же занят. “Ты где?” — как-то не тот уровень отношений, чтобы подобное писать.

“А какой у вас уровень отношений?” — ехидненько интересуется внутренний голос.

А и правда, какой? Он мне прямым текстом сказал, что я ему нравлюсь. До меня, как до жирафа, но тоже дошло, что мне с ним хорошо, а дальше то что? Мне двадцать пять, за спиной опыт двух длительных отношений, а я про эти самые отношения ничего и не знаю.

С Васей все было как-то просто, мы много общались и проводили время вместе, а потом “давай встречаться?”, “а давай” и... мы продолжили общаться и проводить время вместе.

С Антоном было по-другому. Сходили встретились с друзьями, отдохнули, провели ночь вместе и разбежались каждый к себе.

Господи, я ж была практически, как девочка по вызову. Нет, мне никто не платил за это денег и проводить с ним ночи было моим выбором, но до меня только сейчас дошло, что функционал рядом с Антоном, больно уж напоминал эскорт с продолжением — вышел в люди, показал что не один, спустил пар и ушел.

“Только ты еще и по работе взваливала на себя его обязанности” — не унимается внутренняя язва.

Эскортницей было бы выгоднее... — доходит до меня абсурдная мысль, но винить некого, я сама позволила так с собой обращаться — больше так не будет — это то, что я себе точно могу пообещать, хотя бы потому, что уверена — отношений с Антоном я больше не хочу, никогда и никаких.

Вдруг понимаю, что приди он сейчас, я бы его не пустила — просто больше не готова терпеть “приезжай сейчас; сегодня хочу отдохнуть без тебя; как решишь свои проблемы, звони”. Просто один человек показал, каково это быть с мужчиной вместе, а не просто болтаться где-то рядом.

Возврата к прошлому уже не хочу. Хочу внимания, заботы, участия, но самое главное сама хочу и готова отдавать тоже самое, не получая при этом как с барского плеча кость — совместный поход в клуб с друзьями, который с удовольствием променяла бы вечер вдвоем.

Хватаю в руки телефон, мирно покоившийся на спинке дивана и захожу в мессенджер — внимание, оно же с мелочей начинается, ведь так?

Чувствую себя ужасно глупо, но сажу и придумываю текст смс.

“Ты обещал приехать и тебя до сих пор нет” — набираю и... какой ужас. Похоже на смс из разряда “сварливая жена со скалкой в руках ждет мужа, а он уже на целых ДВЕ минуты

опаздывает”.

Стираю.

“Привет. Как прошел твой день? Ты хотел заехать. Я волнуюсь” — ааааа, кошмар.

Сажу на диване и поджав ноги под себя, верчу телефон, не зная что же написать...

Очередное неудачное смс стирается, а текст удачного никак не приходит в голову.

Та ситуация, когда не хочешь выставить себя идиоткой, а в голове мысли, как раз для уровня идиотки.

За набором очередного смс, мой телефон начинает вибрировать, сигнализируя о входящем звонке. Секундная радость, что это может быть Саша, сменяется удивлением и даже унынием — Антон.

Усмехаюсь, а ведь раньше я бы прыгала от радости, позвони он мне. Идиотка, ведь всего три варианта, почему он мне мог позвонить — как скоро я приеду; разрули с заказами; вечером идем в клуб. И мне было достаточно.

Вот ведь как один человек может перевернуть все, что ты знал и в чем был уверен. Я ведь искренне считала, что ТАКОЕ наше общение и встречи — это нормальные отношения.

А телефон продолжает в руке надрываться. Вздыхаю и зацепив картинку телефонной трубки пальцем, скольжу вверх по экрану, смотря как она становится зеленой.

— Слушаю, Антон. — отвечаю безразлично и устало. Не его звонка я ждала и бурной радости не чувствую, от слова совсем.

— Привет, — слышу спокойный голос на том конце и мои брови непроизвольно взлетают вверх.

“Привет”? Серьезно? Это что-то новенькое. Не уверена, что Антон когда-то вообще со мной здоровался. По-моему это всегда напоминало больше приказы.

Удивительно, что заметила я это только сейчас.

— Ээээ... Привет. — тяну не уверенно. Антон молчит и только дышит в трубку. — Ты что-то хотел? — напоминаю о том, что это вообще-то он позвонил.

— Да... я... поговорить хотел, — слышу, как мнется мужчина. Отвожу телефон от уха и смотрю на имя звонившего, потому что очень уж не похож его сегодняшней звонок на все те, которые я помню.

— Говори. — отвечаю и снова слушаю молчание. — Антон, в чем дело?

— Хотел узнать, что у тебя произошло, — вздыхает и будто заставляет себя это произнести.

— И зачем тебе эта информация? — интересуюсь.

— Ну... может помощь нужна. Я бы мог...

— Приехать? — усмехаюсь.

— ...Что-то подсказать, посоветовать, — предлагает, а меня пробирает на смех от такого своеобразного предложения помочь.

Подсказать, посоветовать... да уж. Такая... душевная помощь.

— Спасибо Антон, но помощь уже не нужна.

— Тогда ты возвращаешься на работу? — ах, вот в чем причина такого внезапного приступа сострадания.

— Нет. Через неделю, как и сказала. — отрезаю. — Если это все извини, но я хочу спать.

Уже собираюсь отключиться, потому что разговор этот не доставляет мне удовольствия. Вообще не понимаю о чем мы разговариваем. Антону что-то надо, но он не собирается судя

по всему говорить. Так почему я должна этот разговор продолжать?

— Подожди. — восклицает. — Нам надо серьезно поговорить. Это не может ждать неделю.

— И что же ты предлагаешь? — просто интересно послушать, потому что, как не крути, встретиться и спокойно и размеренно поговорить, сидя где-то в уединенном месте, как это любит Антон, не получится. У меня Мишка с Машкой, да и не хочется, если уж откровенно говорить. Вряд ли Антон скажет что-то приятное мне.

Но ответа не слышу, потому что раздается стук в дверь.

Это же только в фильмах, да, когда парень звонит девушке, говорит, что хочет увидаться, а сам уже стоит под дверью?

— Тебе же лучше, если это будешь не ты, — говорю в трубку, пробираясь в коридор. Не дай бог он начнет долбиться и разбудит мне племянников.

— Что не я? — нетерпеливо и крайне недовольно отзывается в трубке Антон.

Значит не он, тогда... щелчок замка... и...

— Привет, — губы сами собой складываются в “О”. — Аня?...

В семь тридцать утра, за руку с племянницей и пакетом булочек и кофе в другой захожу в здание нашего офиса. Мишка, держит Машу за другую руку, “чтобы точно не потерялась” — как он выразился.

Аня появилась у меня вчера не просто так и, в связи с ее приходом, у меня к Антону был всего один вопрос — какого черта? Когда не надо он говорит все, что ему вздумается, рубя словами, как топором, особо не задумываясь, а когда надо, рассусоливает и мямлит. Почему вчера было не сказать все прямо?

“Нам надо поговорить... это не может ждать неделю...”. Я даже не подумала, что это может касаться работы. Точнее я считала, что он хочет выдернуть меня туда раньше, потому что ему надо бегать по свадебным делам. Ну не дурак ли? Хорошо, что к моменту окончания разговора с Аней, успела подуспокоиться, а то ему бы пришлось много всего интересного о себе выслушать.

Поэтому с утра, как только ребятишки проснулись, накормила их завтраком и вызвала такси в офис — все таки я не супер-пупер тетя и рисковать ехать с ними на общественном транспорте я не стала.

По дороге разбудила Леську с гениальным вопросом, чем на несколько часов можно занять ее детей — увлекательным, долгим и тихим.

То, что сегодня будет “веселый” день, понимаю сразу, стоило войти в отдел. Все, без исключения были уже на работе, а смотря на Три Л сказала бы, что он и не уходили вовсе, что для них нонсенс.

Отдел сам на себя не похож. Антон уже с утра орет — взъерошенный, с горящими глазами, размахивает руками, как ветряная мельница — настолько неопрятным и откровенно помятым мне не приходилось видеть его никогда. Судя по недовольному виду, досталось и Арише. Думаете остальные сидели и испуганно вжимали головы в плечи? Как бы не так, остальные упорно пытались не заснуть — видимо ночка у всех была веселая.

— Что за шум, а драки нет? — приветствую всех, пропуская Мишу и Машу вперед.

Хоть убейте, но испортить настроение мне сегодня никто не сможет — может потому, что погода сегодня отличная или потому что с утра словила от племянников восхищенное “ты обалденная”, а может потому что могу помочь с тем, что случилось в офисе. Нет, не разрулить окончательно, но немного облегчить, так точно.

И нет, не потому, что я такая супер-герой, скорее потому, что мои глаза любят смотреть на написанное своей рукой, а не компьютером, а еще я забывчивая. Да, да, именно последнее качество сегодня очень поможет.

Все оказалось простым до безобразия — полетели два компа, мой и Антона, и все бы ничего, наши средничковые заказы смогли достать из общей базы, а вот чего не смогли

достать — это заказы VIP клиентов, с которыми работали только мы двое — больше ответственности, больше мороки, но и зарплата за них тоже больше. А позвонить клиенту, а зачастую это очень вредные клиенты, которые заплатили нам много денег, а значит могут и покапризничать, и сказать им “повторите ваш заказ”, ну такое себе.

В печатном виде за последнюю неделю ничего нет — VIPы, народ долгий и очень любящий вносить в документы изменения. И если первоначальные договора и сметы по заказам, есть в печатном виде, то измененные со всеми правками и дополнениями отпечатываются, как правило, уже в день подписания. Вот эти изменения и дополнения как раз таки оказались утеряны.

Причем здесь моя забывчивость? Для того, чтобы ничего не забыть, при звонке клиента “Юлечка, дорогая, а добавьте еще сотню вот этого, а вот это уберите и еще бла-бла-бла” — все “хочу” я не вбиваю сразу в документ, а записываю ручкой на листочек, и только потом вношу изменения. Зачем я это делаю? Не знаю, привычка, двойная работа, но сейчас она оказалась нужной. Таких записочек у меня гора, которая свалена в кучу, в самом нижнем ящике стола.

— Ты что здесь делаешь? А это что? — Антон отвлекается от своей тирады и смотрит с таким ужасом на детей, будто я привела по меньшей мере стадо диких обезьян. Хотя...

— Отвечаю по порядку — я здесь стою. А это не “что”, а “кто” — мои племянники, с которыми я сижу.

— У тебя есть племянники? — Антон смотрит на меня, как на восьмое чудо света.

— Да, Антон, ты не поверишь, но меня родила мама, родила меня от папы, а до меня они родили сестру, которая уже успела родить детей, моих племянников.

Мой внезапный, весело-язвительный спич впечатляет не только Антона, но и всех коллег. Смотрят на меня, потом на детей, и снова на меня, по кругу.

— Мы что, музейный экспонат? Чего все так на нас пялятся? — возмущается Миша, выводя всех глазающих из ступора.

Действительно, чего это они... Детей никогда не видели?

— Миша, ты откуда такие слова знаешь? — я же должна быть взрослой, а он тут так выражается, надо пожурить, да? Очень этого не хочется, потому что солидарна с ним — еще как пялятся.

— Папа так говорил. — бурчит племянник. — Юля ты обещала, что тут будет весело.

Очень не по-детски обводит мрачным взглядом отдел.

— Конечно будет, — киваю, — смотри сколько дяденек и тетенок, и все к вашим услугам. Все они будут с вами играть, пока ваша тетя Юля сходит к своему начальству.

Указываю на офигевших от моей наглости сотрудников. Я даже с легкостью могу прочитать, как далеко они меня посылают в своих мыслях. Помятые, уставшие — все, чего им сейчас хочется, это спать. А тут я в наглую скидываю им двоих детей.

— А это, чтобы вам не так скучно было. — выдергиваю ящик, с упомянутыми записками, из своего стола и ставлю на стол Антона. — Развлекайтесь. — киваю коллегам. — Не шалите, — это уже племянникам.

И быстро вылетаю за дверь. С пакетом, где свежие булочки и кофе из пекарни, с расцветающими на душе цветами, к заветной двери...

Приемная пустая — ни секретаря, ни паломничества клиентов или сотрудников.

Пробираюсь на цыпочках к директорской двери и сама над собой посмеиваюсь — как жулик, ей богу.

Чего крадусь? Зачем? Но почему-то хочется пройти тихо и аккуратно подглядеть в щелку приоткрытой двери. Детское ребячество, видимо, заразно — подцепила от племянников их задор и заразительную веселость, но мне определенно нравится.

То, что открывается взору через щель в двери, катастрофически мало — ничего не видно. Тяну аккуратно за ручку и просовываю голову. Подавляю неуместный смешок и уже смелее открываю дверь.

“Святой дуэт” весь “при деле”. На диванчике, перед кофейным столиком, согнувшись в три погибели и подложив руки под щеку посапывает Давид. Перед ним, на столике, открытый ноутбук и море флэшек, проводов и еще бог знает чего.

Перевожу взгляд на директорский стол — за ним спит Саша — уткнулся лбом в лежащую на столе руку, а второй накрыв голову сверху. У него свои “атрибуты для сна” — куча папок и бумаг.

Ставлю один стакан кофе перед Давидом и иду к Саше. Уже не таясь и не стараясь вести себя тише. Уверена, они не захотят, чтобы их увидели в таком состоянии. Саша, что-то невнятно бурчит во сне, ероша волосы, а у меня само собой губы расплываются в улыбке.

Словно воришка, украдкой, провожу по ежику его волос от затылка и к шеи. От прикосновения, по мужской коже бегут мурашки. Мужчина передергивает плечами, но не просыпается.

Присаживаюсь на корточки и смотрю в лицо, которое шеф положил на бок. Снова протягиваю руку и мягко провожу по затянутому в плотную ткань рубашки плечу.

Раз, второй, третий...

— Доброе утро, Александр Игоревич.

Мужчина возится щекой по руке, будто стараясь устроиться поудобнее, а потом резко открывает глаза.

— Юля? — смотрит блестящими после сна глазами.

— Доброе утро, — шепчу, — пора вставать.

— Я еще сплю, да? — тоже шепчет, будто боится спугнуть момент. И я боюсь — момент, такой нежный, какой-то домашний и уютный, вот-вот испарится и появятся трудовые будни. А пока есть вот эта тонкая грань между сном и реальностью — все прекрасно, и совершенно не важно, чей это был сон.

Отрицательно мотаю головой, еще раз улыбаюсь и убираю руку. Встаю на ноги и уже хочу отойти, когда Саша неожиданно подрывается, сгребает меня в охапку и утыкается головой в живот. Снова. Как тогда. Только сейчас уже не чувствую никакой растерянности, только разливающееся в груди тепло. Запускаю руки в жесткие мужские волосы и ерошу их.

— Вам кофе принесла, — продолжаю наглаживать голову.

В ответ раздается только невнятное бурчание в живот.

На диване копошится Давид, видимо мы его все таки разбудили.

— Я тебе так и не написал, прости. Сначала загрузились в бумаги, а потом просто вырубился. А где, кстати, дети? — все таки отрывается от моего живота и бросает на меня

нежный взгляд темных глаз — не надо быть провидцем, чтобы понимать, он рад, что я здесь.

— А у вас уже и дети успели появиться? Видимо я слишком долго спал, — кряхтя, пытается сесть Давид. Диван маленький, жесткий и, для сна, жутко неудобный. Судя по стонам друга Саши, у него все затекло.

— Они в отделе развлекают весь честной народ, а я хотела занести вам кофе и мне уже пора. — хочу слинять, но Саша держит крепко, сжимая большими руками талию.

Смотрит внимательно, а уголки его губ слегка приподняты.

— Кофе? Где кофе? — резвее вскакивает Давид и только увидев большой стакан из кофейни расплывается в мальчишеской счастливой улыбке. — Юля ты просто богиня, королева, фея, чудо... — осыпает комплиментами, как из рога изобилия, не забывая схватить стакан и прихлебнуть из него еще горячий напиток.

— Всегда пожалуйста, — улыбаюсь в ответ и опускаю глаза на Сашу. А он все держит меня в своих руках и смотрит, будто старается запечатлеть каждую черточку моего лица. — Тоже может попить, пока он еще горячий?

Пытаюсь отвлечь от разглядывания меня, потому что щеки от такого пристального внимания, уже начали предательски гореть.

— Ко мне приехала? — спрашивает низким, слегка хриплым голосом, от вибраций которого у меня по коже бегут мурашки.

— Неа, — отрицательно мотаю головой, закусив нижнюю губу, — Аня, моя девочка из отдела, рассказала, что случилось и я приехала. У меня есть кое какие записи, которые помогут восстановить какую-то часть утерянной информации.

— И где же они у тебя были? — удивленно вскидывает брови шеф. А его руки между тем приходят в движение — нежно поглаживают, то сжимают, то вырисовывают узоры на теле, через ткань тонкой кофточки.

— На стикерах, листочках... — пожимаю плечами, а сама таю, как мороженное на солнце, от этих прикосновений. И кажется шеф все это видит, понимает и... делает специально. — Я пойду. К детям.

Выворачиваюсь и отхожу на несколько шагов. И кажется только сейчас начинаю дышать. Я так однажды точно задохнусь...

— Иди, — отпускает шеф и со смешинками во взгляде смотрит на меня, — отдай все коллегам, а сама езжай домой. Мы тут справимся.

Быстро киваю и развернувшись спешу в сторону двери, пока едва не падают от прилетевших в спину слов:

— Я приеду вечером.

*****

Александр.

Едва не падая, выбегает за дверь. Снова бежит и снова от меня, только сейчас это не вызывает злости или раздражения, а скорее странное и не подвластное логике, удовлетворение.

Чтобы она там не говорила, приехала она ко мне. Она могла и не заходить, а уж тем более не покупать кофе. Да чего уж там, она могла позвонить и по телефону сказать, где лежат ее записи, но приехала и зашла, и принесла кофе.

Беру стакан и отпиваю теплый напиток. Чтобы там не было в этом стакане, я пью с удовольствием — слишком доволен, чтобы чувствовать вкусно или нет.

— Слушай, я уже давно не мальчик-колокольчик, который ни разу не динь-динь, но

даже мне рядом с вами неловко становится. — отзывается с дивана Дава.

— Мог бы и выйти, — усмехаюсь в ответ. Да, от нас с ней не искрит, потому что искры — это страсть, только маленький процент разгорается и становится полноценным теплым и стойким пламенем, от нас мягко волнами распространяется жар — светло, тепло, пока не подойдешь ближе. Ближе уже не комфортно, или как сказал Дава, неловко, потому что рядом с нами только наш мирок, для нас двоих.

— Ага, и ты бы сожрал девушку глазами, — отзывается друг, отпивая свой кофе.

Прав. Хотелось перетащить ее к себе на колени, зарыться руками в ее шелковые волосы, зацеловать до одури. Я был близок к тому, чтобы наплевав на всю осторожность, наброситься на нее, присвоить, окончательно заявить, что моя. Чтобы больше уже не думала и не на секунду не усомнилась.

— Слушай, а чего она там говорила о каких-то бумажках? — прерывает поток мыслей Дава, возвращая на рабочий лад.

— Да у нее вроде какие-то записи от руки есть по VIP клиентам, которые пропали. Как я понял, часть смогут восстановить.

Дава хмурится и уже задумчивее смотрит на дверь, отставляя в сторону кофе.

— Сань, я не хочу тебя сейчас обидеть, но ты не думаешь, что это она та самая, кто сливает все? — резко в кресле оборачиваюсь к другу. — Ты только подумай — ты отправил ее в самом начале в командировку — неожиданно для нее. И пока ее не было, все было тихо, а с ее возвращением опять началась катавасия. И сейчас — все сведения пропали, а у нее каким-то чудом на руках записи, которые могут все восстановить. Она будто везде и всюду такой супер-герой...

— Дава, ты недоспал что ли? Так ложись поспи еще, — рявкаю на него, — сам соображаешь, что сейчас несешь? Ты же лично ее проверял еще в самом начале. Какие опять могут быть сомнения? Все, что ты говоришь, это бред, простое совпадение.

— Но ее не проверяли так тщательно, как всех остальных именно из-за того, что она была не в офисе. — спокойно отзывается друг. — Мы уже всех по второму кругу и более тщательно прошерстили, а ее нет.

— Дава, завязывай. Это не она. Лучше отследить уже наконец, кто взламывает наши системы, а то только завтраками кормишь и по итогу результата ноль.

Снова рявкаю на друга и знаю, что не справедливо. Он делает многое. Но даже мысли не допускаю, что крысой, сливающей фирму, может быть Юля.

— Прости, — морщась отзывается Дава, — мне правда нужно отдохнуть, уже на всех подряд думаю. Скоро тебя и себя начну подозревать.

— Давай работать, — отзываюсь уже спокойнее, разворачиваясь к столу, заваленному бумагами.

Надо много всего разгрести и быстро... потому что вечером меня будет ждать ОНА!

Юля.

Вечер. Солнце, наполовину скрывшись за горизонтом, раскрасило небо во все оттенки красного. Красота, которой я не вижу и не особо хочу, если честно. Я сейчас смотрю в дверной проем на темный подъезд и это все, что меня занимает в данный момент.

Потому что там стоит он. Прислонившись плечом к дверному косяку, смотрит, едва ли не поедая глазами.

Приехал. Приехал, как и обещал. А я ждала, хоть и не признавалась себе в этом и не признаюсь. И эту майку и джинсовые шорты тоже надела из-за него. Я дома, конечно, хожу в шортах и футболках, но не таких. Совсем не таких. А сейчас стою, переминаюсь с ноги на ногу, и чувствую себя абсолютно голой.

Этот взгляд... вроде неудобно должно быть ему, что так пристально смотрит, а в итоге неловко мне. Чувствую, как краснею.

Ну не дурочка ли? Вот зачем так вырядилась? Волосы распустила — знаю, что мне так лучше. И, хотя по времени уже пора смывать, я наоборот нанесла легкий макияж.

А он, кажется, догадывается. Догадывается и доволен. Смотрит на мои поджатые пальчики на ногах и его губы трогает нежная улыбка.

Поднимает глаза выше, “спотыкается” о вырез на груди...

Ну нельзя же так смотреть!

Сама не понимаю, чего хочу больше — прикрыться от такого пронзительного взгляда или крутануться вокруг своей оси, чтобы оценил со всех сторон, чтобы именно такой взгляд и подольше... Уже совсем не понимаю от чего мурашки — от холода из подъезда или от него.

Скользит взглядом выше, по шее, подбородку... губы ощутимо покалывает. Шумно выдыхаю, а Саша нервно сглатывает, так и не подняв глаз выше.

— Привет, — выдавливаю из себя одно единственное слово и... у него словно срывает стоп-кран. Срывается с места, быстро вталкивает меня вглубь коридора, освобождая себе место, закрывает дверь и пока я хлопаю глазами, пытаюсь понять, что происходит, подхватив меня под бедра, отрывает от пола и вжимает в стену.

Губы ураганом обрушиваются на мои. Меня накрывает такой волной жара разливающегося в груди, что в пору бы захлебнуться, но Саша делит. Делит свой воздух на нас двоих. А я принимаю, но и отдаю не меньше, потому что хочу, чтобы так же как я горел.

Обвиваю ногами его торс, вплетаю пальцы в жесткие мужские волосы и держусь, чтобы не свалиться в ту огненную бездну, которую он разворачивает под нашими ногами.

Боже, этот поцелуй... он так меня ещё не целовал. А мы вообще целовались? Будто первый раз, и все, что было "до" не считается.

— Саша, Саш, подожди. — проворные руки скупрулезно исследуют каждый сантиметр моего тела. Настойчивые губы и язык оставляют горячие следы на шеи и ключице, когда ко мне хоть немного возвращается здравый смысл — в комнате ребятишек что-то шумит, а уши, каким-то чудом, этот звук улавливают, — Саша, в доме дети.

Он замирает, а потом с громким стоном упирается лбом в мою грудь, так и продолжая удерживать меня на весу.

— Черт, извини, совсем голову рядом с тобой теряю, — трясет головой и мягко ставит

на ноги, но не отпускает.

Лишь на секунду упирается ладонями в стену по обе стороны от моей головы и пробегает взглядом по лицу, явно оценивая результат своей "деятельности", а потом запускает руки в мои и без того взлохмаченные волосы и вжимает в себя.

Крепко, сильно. Будто не обнимает, а вдавливают, убеждаясь, что я здесь, настоящая и точно никуда не пропаду.

А я не будь душой, просто наслаждаюсь...

— Мозги от тебя плавятся, — бормочу где-то над головой, — то до ужаса деловая, в этих своих облегающих юбочках и пиджачках, цокаешь каблуками по коридорам, то такая домашняя, без брезгливости и недовольства, в обычной толстовке и джинсах уплетаешь жареное мясо, а то, как сейчас, вот такая родная встречаешь у двери... будто домой вернулся. Если еще и покормишь, ммм... — абсолютно счастливо хохочу, так и не оторвавшись от сильной мужской груди.

"Война войной, а обед по расписанию".

— А если я не умею готовить? — поднимаю голову и заглядываю ему в глаза. Нервничаю, покусывая нижнюю губу — он меня такой идеальной расписал, а что если...

— Значит будешь моим храбрым поваренком, — оставляет быстрый поцелуй на губах и тепло улыбается. — Но с твоих рук, съем и крысиный яд.

Ну разве могут от одной улыбки в груди "расцвести цветы"? Точно знаю, могут.

— С ядом обождем, пойдём травиться борщом, — возвращаю быстрый поцелуй, только в подбородок и, пока он замирает растерявшись, выпутываюсь из его рук и с улыбкой спиной вперед пачусь на кухню.

— Медленно идешь, Юля, сейчас тебе от меня надо бежать...

— Позволишь мне остаться на ночь?

Вас когданибудь волновало от вида мужчины, который... ест? Казалось бы, просто пережевывает и глотает пищу, но... Было в этом что-то, отчего в груди теплело и плавилось. Не знаю, что это было, но мне до одури понравилось смотреть, как он ест, приготовленное мной. Он уплетал за обе щеки обычный борщ, жмурился от удовольствия и смотрел на меня, как на богиню. Никто никогда так на меня не смотрел и я просто сбежала укладывать ребятшек спать, а сейчас, когда выхожу из их комнаты...

Он стоит рядом с комнатой, прислонившись плечом к дверному косяку и стоит только сделать шаг, как я оказываюсь зажатой между ним и стеной.

Он не давит. Опускает свои большие руки мне на плечи и гладит, гоняя по телу рой мурашек. Его глаза затягивают, как омут. Да и выбираться из этого омута... не хочется.

Он стоит рядом, такой заботливый, надежный и, видимо, окончательно и бесповоротно мой.

Не отвечаю, просто прижимаюсь к крепкой мужской груди и почувствую, как смыкаются его руки на моей пояснице. Уже не первый раз ловлю себя на мысли, что хочу вот так всегда стоять. В этих объятиях тепло и надежно, и море по-колону. Он просит довериться ему и я верю, больше, чем кому либо.

— Это да? — шепчет.

— Угу, — киваю и чувствую, как он прижимает меня к себе сильнее, оставляя теплый поцелуй на макушке. Его руки уже не целомудренно спускаются ниже, — только... — бросаю быстрый взгляд на дверь, за которой спят дети.

— Мы будем только спать...

*****

— И что, вы просто спали? — вскрикивает Леська подскакивая с постели. — Вот прям совсем совсем спали?

— А как можно спать не совсем? — усмехаюсь.

— Ты поняла меня. Колись! Дети сказали, что застали вас в постели.

Опускаю глаза и краснею. Я растерялась, когда Мишка с Машкой залетели в комнату утром, а мы еще нежились в постели.

Этой ночью мы и правда только спали. По крайней мере того, о чем подумала Леська точно не было, но и просто заснуть нам не удалось. Саша будто наконец дорвался. Он гладил мое тело, сжимал, касался одними кончиками пальцев, будто не мог не прикасаться. Мое тело еще никогда не получало столько нежности и ласки.

Как смог остановиться Саша я не представляю, чувствовала насколько сильно он был возбужден, я и сама уже практически потеряла голову и готова была на него наброситься.

— Лесь, в соседней комнате спали Миша и Маша, как бы я могла...

— А по твоему после рождения детей сексом больше не занимаются? — раздосадовано фыркает сестра. — Бедный мужик, сколько ж ты его уже мурьжишь?

Ответить мне нечего. У нас с самого начала все идет как-то не так. Я не замечала его интереса ко мне, а когда заметила, спряталась от этого в ракушку, и вот сейчас, когда отпустила ситуацию... и племянники здесь совершенно не причем. Просто почему-то неловко. Вдруг стало важно, что он подумает и страх разочаровать.

Я никогда не чувствовала себя так неуверенно.

— Знаешь, я впервые не знаю, как себя вести, — растерянно смотрю на сестру.

— Ничего удивительного, — тут же отзывается она, уже серьезнее глядя на меня, — недоотношения с Васей из института и с Антоном вряд ли хороший опыт. Все, что я могу тебе посоветовать — банально до безобразия — будьте честны друг с другом, ничто не убивает так отношения, как ложь и поддерживай его, — сестра подается вперед и берет мои руки в свои, смотря прямо в глаза.

Как же мне этого не хватало. Все эти годы, мне просто не хватало сестры рядом, а она простыми словами, будто скинула груз с души, будто осветила темный и тернистый путь, по которому предстояло пройти. Как много порой в жизни играет человек, который может хотя бы просто выслушать.

А у меня есть старшая сестра! И это не просто набор красивых слов.

— Знаешь, Лисенок, я когданибудь сойду с тобой с ума. — оборачиваюсь. За разговорами даже не заметили, что дверь палаты открылась и у нас появился невольный слушатель.

Муж сестры. Петя. Облокотился о дверной косяк и скрестил руки на груди.

Перевела удивленный взгляд на сестру — она же говорила он где-то в командировке.

А Леська... она ногтями впиалась мне в руку. Чертовски больно, но смотрю на нее — побледнела, губы поджаты, подбородок дрожит, а в глазах слезы — ей больнее, всего лишь от одного взгляда, от одной фразы произнесенной бывшим мужем.

— Лесь... — тихонечко зову ее, но она будто не слышит. Взглядом, как кинжалами, полосует на части мужчину, которого безумно любила.

— Скажи мне, дорогая, почему я от чужих людей узнаю, что моя жена в больнице на сохранении? — вымораживающим тоном говорит зять.

Леська бросает острый взгляд на меня. Отрицательно кручу головой — это не я, я не звонила, как она и просила.

По просьбе сестры оставляю их с Петей наедине, а сама возвращаюсь в парк, а муж сестры присоединяется к нам в течении получаса.

— Мелкие рванули к нему с криками “папа”, я не стал вмешиваться. А потом он к вам пошел.

— Все нормально, он к ним и приехал, — киваю.

— Юль, с тобой что? — мужчина обеспокоенно заглядывает мне в лицо и видимо то, что он видит, ему не нравится. — Что случилось?

— Что-то между сестрой и ее мужем. Она так побледнела... Что между вами творится? — обращаюсь к бывшему мужу сестры.

Я дура. Не стала бы она бледнеть, если бы между ними было все гладко. Вина отца, но значит он сам... Кем бы и каким замечательным он не был, сестра будет важнее. Всегда. Без вариантов.

— Я заберу Машу и Мишу. — бывший родственник переводит тему. — Я смогу присмотреть за ними пока Лисенок в больнице.

Ласковое имя сестры, которым он ее называет, болью отзывается в груди.

— А больше ничего не хочешь? — злюсь. — Я прекрасно справляюсь с племянниками, а ты можешь спокойно отправляться туда, откуда приехал.

Петя бесится. Мне хоть и не доводилось видеть его таким, но злость уловить, как

оказалось, не трудно.

— Юля, Петр. — это вмешивается Саша. Встает передо мной, загораживая бывшего зятя и опускает ладони мне на плечи поглаживая. — Сейчас поедem к тебе домой и там все спокойно обговорите. Самое последнее, что нужно детям, у которых мама не рядом, это чтобы их отец и тетя ругались.

Хоть и понимаю, что он прав, но хочу вырваться, возмутиться и наорать уже и на Сашу, но он не дает. Будто все это предвидит, зажимает руки и, изловчившись, берет меня будто в тиски, не давая вырваться. Держит, пока я бьюсь в его руках и только что-то успокаивающе шепчет, пока я окончательно не выбиваюсь из сил, но даже после этого не отпускает.

— Петр, ты на чем приехал?

— На машине, арендовал, у меня там два детских кресла, я могу сам увезти детей.

— Отлично, езжай за нами.

И пока я не успеваю возразить, Саша утаскивает меня в машину. Усаживает на переднее пассажирское, закрывает дверь, быстрым шагом обходит машину и садится за руль.

— Юля, ты можешь ругаться и злиться, но послушай внимательно, — я все еще зла и сижу отвернувшись к окну, но Саше даже этого достаточно, чтобы говорить, — подумай сейчас о племянниках. Ваш конфликт им сейчас не нужен. Петр уже приехал и вам придется искать альтернативу, скорее всего муж твоей сестры захочет быть со своими детьми, поэтому прошу — включи свое благоразумие. У тебя сейчас, пока мы едем, есть время остыть и постараться успокоиться, чтобы нормально общаться с Петром.

— Нормально общаться? Ты себе как это представляешь? Я не понимаю, что случилось, но мне хватило первой реакции сестры на Петра, чтобы понять — все плохо и он виноват, — все таки не выдерживаю.

— Ты не знаешь, что там произошло, — жестко обрывает Саша, — в любом случае, чтобы там ни было, разбираться только ему и твоей сестре. Все остальные — лишние. Поддерживай Олесю, выслушивай, помогай, но не втягивайся в их конфликт. Поругаешься с Петром сейчас, твоя сестра возьмет и вернется к нему, а ваш конфликт останется. И будет твоя Олеся разрываться между тобой и любимым. Оно тебе надо? Думай сейчас о сестре и племянниках. Пока нет мамы, Мише и Маше будет нужен хотя бы папа.

Я ничего не отвечаю. Снова отворачиваюсь и смотрю в окно.

Просто противно от всего этого. Трясет и колотит. Двое детей, любят друг друга, ждут третьего, ну как так то?

В квартиру заходим молча, если не считать щебетания племянников, которые, не замолкая, о чем то втолковывают отцу, не давая ему вставить ни слова.

Они рады его видеть. И, пожалуй, за эти дни я не видела их настолько счастливыми, как сейчас.

— Юль, идите, переоденьтесь после улицы. — говорит Саша, как только переступает порог моей квартиры.

Брови непроизвольно взлетают вверх. Это что еще? Командный, не терпящий возражения тон и очевидно, что меня пытаются просто сплавить. О чем-то собирается поговорить с Петей и видимо считает, что это не моего ума дела. Злюсь, снова. Терпеть не могу, когда ситуации касаемые моей семьи, а значит и моей жизни, решаются без меня. Но уйду. Сама не знаю, почему. Просто день вот такой получился дурацкий. И спорить еще больше сейчас, просто не могу.

Когда выходим с племянниками из комнаты, они оба уже сидят на кухне, с кружками

чая и переговариваются “ни о чем”, словно старые знакомые.

— Юль, проводишь меня? — Саша, как только захожу, встает с места, подходит к раковине, ополаскивая за собой кружку, пожимает руку Пете, дает “пять” Мише и Маше и идет к выходу.

Иду следом. Молчу. Чего уж там — злюсь.

Саша обуваётся, его губы подозрительно подрагивают и он все ниже опускает голову, а когда я открываю ему дверь, чтобы выпустить его — хватает меня за руку и вытаскивает за собою в подъезд.

— Фырчишь ежик? — прижимает меня к себе, прикрывая дверь в квартиру.

Он пытается поцеловать, но я уворачиваюсь.

— Юль, вот так мы делать не будем, — говорит серьезнее. Он обхватывает мое лицо ладонями и мягко гладит, заставляя повернуться к нему, — при любой ситуации, мы с тобой разговариваем. Давай попробуем...

В его глазах плещется столько нежности, что в груди непроизвольно потеплеет. Остается злиться только на себя — ну вот почему я так на него реагирую?

— О чем ты говорил с Петей?

Щурится и качает головой, улыбаясь одними уголками губ:

— О том, как вы будете сосуществовать вместе. О том, что ты можешь немного злиться на него, но тут уж ты в своем праве, ты защищаешь сестру. А еще о том, что с завтрашнего дня ты возвращаешься на работу, — на мужских губах играет легкая улыбка.

Он поглаживает меня по щекам и я млею, превращаясь в малиновый сироп, пока не слышу его последнюю фразу.

— Что? — дергаюсь, скидывая морок. — Что значит возвращаюсь на работу?

— Юль, так надо, просто прислушайся ко мне, — устало вздыхает Саша, возвращая руки мне на плечи.

— У меня за свой счет, на неделю!

— Юля, ты не писала заявление, а я ничего не подписывал. Так что официально ты прогуливаешь работу, — его слова, как оплеуха. Не больно, но обидно и как-то не справедливо. Отшатываюсь, но он снова ловит, а я просто сжимаюсь и не шевелюсь. Не ожидала, что он поступит так... — А теперь угомони своих тараканчиков в голове и послушай, — жестко подхватив мой подбородок, поворачивает к себе, — я этого говорю всего лишь в ответ на твое "заявление", которое ты напишешь завтра задним числом. И выходить ты не обязана, но я тебя *прошу*. Сестра под присмотром врачей, племянники с отцом, я постараюсь отпустить тебя пораньше, но прошу тебя выйти на работу, у нас каждая пара рук на счету.

Выдыхаю и сдаюсь.

Саша прав. А я с последними событиями стала чересчур нервной. В фирме проблемы и я там действительно сейчас нужна, а сестру мне никто не помешает навестить в больнице.

Утыкаюсь лбом в Сашину грудь и чувствую нежный поцелуй в макушку, и такие уже привычные, надежные, дурманящие объятия.

— Всегда разговаривай со мной, слышишь? — говорит, уткнувшись подбородком в макушку. — Я не хочу чтобы между нами встали недомолвки.

Ох, знала бы, как скоро его просьба станет, как никогда актуальной...

В пятницу я сижу за своим новым рабочим столом в новом кабинете и в новой должности. Временно конечно, но все же. Саша держит слово и вот по выходу из “отпуска” я стажируюсь на должность “помощник руководителя”.

Он подвозит меня на работу, а сам уезжает, у него сегодня “разъездной” день. А я потихоньку вливаюсь в новую работу, закопавшись в бумажках по самую макушку.

Петя и племянники остались у меня. Саша оказался как всегда прав, мне было бы не спокойно зная, что они где-то там, поэтому записав все свои эмоции куда подальше, предложила Пете остаться. Не могу сказать, что у нас прям “мир, дружба, жвачка”, но я вчера старалась держать себя в руках и получалось очень даже неплохо, Саша в очередной раз помог.

Никогда не могла бы подумать, но... мы весь вечер переписывались в мессенджере. О всякой ерунде, буквально ни о чем — он скидывал смешные картинки, короткие видео. Первую картинку я получила через пару минут после того, как он ушел, последнюю уже глубоко за полночь, а утром он ждал меня у подъезда.

Его забота не оставляет равнодушной. И если раньше его в моей жизни было совсем мало, то с каждым днем все больше и вот уже нет ни часа, который бы так или иначе не был бы связан с ним. Он заполняет собой все пространство вокруг меня и мне это нравится. Без него уже пусто. По другому уже не хочется.

С работы сбегаю пораньше и еду в больницу к сестре. То, что произошло вчера, не дает мне покоя. Ей нельзя волноваться, а вчера слишком очевидно нервничала.

— Привет, — захожу в палату и присаживаюсь возле постели.

Леська смотрит что-то в телефоне, убирает, как только видит меня:

— Привет, — лишь на короткий миг поднимает на меня глаза, а потом снова опускает — стыдно.

— Как себя чувствуешь?

— Сегодня уже хорошо. — нервно мнет пальцами больничное одеяло, под которым лежит, — Юль прости меня.

— Леська, — качаю головой. В груди тяжесть, которая мешает дышать, — эта не та ситуация, где нужно говорить “прости”. Тебе у меня точно не за что просить прощения, но вчера... ты понимаешь какие могли быть последствия. Не мне это говорить, но ты беременна и тебе сейчас хоть конец света, ты должна оставаться спокойной. Ради малыша.

— Я знаю, — она еще ниже опускает голову, — я проснулась сегодня и так испугалась, что вчера могла нанести вред ребенку.

Сестра опускает руку на живот и нежно гладит. Ее губы трогает робкая, но счастливая улыбка.

Там, в слегка выпуклом после первых родов животе, растет мой племянник или племянница. Я уверена, еще одна маленькая непоседа в команду к Мише и Маше.

— Лесь, меня волнует то, как вы будете дальше? У вас двое детей, будет третий и вы оба не те люди, которые могут самоустраниться, забыв про своих деток. Он будет к ним приходить, вам нужно как то общаться... Как ты собираешься это делать? Если у тебя такая реакция на него.

Сейчас совсем не время об этом спрашивать, но спросить нужно. Я должна понимать,

чем могу ей помочь. Саша говорил не втягиваться в конфликт, я не стану, но выслушать и поддержать сестру, даже не просто хочу, обязана. Остаться в стороне не смогу и не буду.

— Сведу к минимуму наше общение. Отдала детей, он пообщался, сходил погулять, вернул. Я больше никому не позволю влезть в мою жизнь и жизнь своих детей. — запально говорит сестра, вдруг превратившись из забитой пташки в боевого орла на страже семьи.

— А кому позволила влезть в семью? — спросить аккуратно не получается. Это больная точка, и я на нее надавила. Вот только, я уверена, что Леське не с кем было посоветоваться, да и просто высказаться, а это нужно сделать, хотя бы для того, чтобы не вариться во всем этом. Нужно вскрыть нарыв, — Лесь, ты можешь мне все рассказать...

И она рассказывает, вот только совсем не то, что я ожидаю.

— Ты спросила изменял ли он мне? Я тогда промолчала, — начинает она, — в привычном смысле этого слова — нет, не изменял. Предал, растоптал, уничтожил... это больше подойдет. У него есть еще ребенок Юль.

На какое-то время просто теряю дар речи.

— Ребенок? Не от тебя? — да, глупый вопрос, но умных не осталось. Все вытеснила шокковая новость. Вот только как в этой ситуации он мог ей не изменять “в привычном смысле” пока не понимаю.

— Нет, не от меня. — качает головой сестра, отворачиваясь к окну. — Я ведь тоже чувствовала на себе, что наш с тобой отец не подарок, — переводит тему или... просто решает зайти издалека, — и тут появился он, красивый, напористый, с нахальной улыбкой и не понимающий слова “нет”. А самое главное, не смотря на отца, умудрялся быть со мной, — ее губ касается теплая улыбка, — это было какое-то невероятное комбо из влюбленности и благодарности, что показал “мир”, на который отец нам запрещал даже смотреть. И я пыталась стать для него идеальной женой — готовила, создавала уют дома, придумывала интересный совместный отдых — мы были, как в раю. А когда родились двойняшки... — Леська счастливо усмехается и будто переносится в то время.

Ее взгляд направлен в окно, но я уверена, она там ничего не видит, ее мысли далеки от разглядывания пейзажей за окном. Она сейчас такая спокойная, умиротворенная... счастливая.

— А потом начался ад, — голос сестры дрогнул, а мысли, отразившиеся на ее лице, уже не были столь радужными, как раньше. — Вернулась его бывшая девушка, они расстались восемь лет назад. Она тогда была беременна и вернулась с его дочерью. А Петя... ты понимаешь, — Леська порывисто разворачивается ко мне, — я так привыкла, что он только наш — мой и Миши с Машей, и больше ничей. Наш, понимаешь? А Петя, он не мог все это так оставить и стал налаживать отношения с девочкой. Вечерами часто торчал там, проводил с ней выходные, мне показалось, что я теряю его, что он отдаляется и ничего не рассказывал. Попросту врал, — по щекам сестры скатывается слезинка.

Я быстро вскакиваю со стула и пересаживаюсь к ней на кровать. Обнимаю сестру, глажу ее по голове, пока сестра всхлипывает и цепляется за блузку, как утопающий за спасательный круг.

— Вы скандалили, да? — спрашиваю тихо.

Леська отрывается от меня, возвращаясь на место, я пересаживаюсь, устраиваясь у нее в “ногах”.

— Скандалили... — Леська горько усмехается. — Когда я обо всем узнала, по нашим скандалам можно было писать военные эпопеи.

Она снова замолкает, улетая в свои мысли, словно прошлое затягивает ее в свой омут и не отпускает.

И я не скажу, что осуждаю ее. Я не знаю, как бы поступила на ее месте, вот просто не знаю...

— А дальше? — напоминаю о себе.

— А дальше... — сестра снова невесело усмехается, — а дальше все, как в притче о мальчике и волках. Мальчик кричал “волки, волки”, когда их не было и все бегали спасать стадо, а когда волки пришли на самом деле, ему никто не поверил и стадо погибло. А главное все так ловко...

— Что ловко Лесь? Что у вас там произошло?

— Многое произошло Юль. Началось, как я уже и говорила, со скандалов. Сейчас я понимаю, что ужасно безобразных, а тогда... казалось, это единственный способ достучаться, что я не хочу его терять. Я даже его заставила тест ДНК сдать, хотя там какое-то чертово родимое пятно, по которому все было и так понятно. Тест, конечно, все подтвердил. И я решила, что наши дети должны знать эту девочку — они ж маленькие еще, для них появился еще один человек, который будет с ними играть — и потом она стала появляться в нашем доме. Я не думала тогда, что в наш дом вошел волк в овечьей шкуре...

— Что случилось Лесь? Что она сделала?

— Я сначала даже не поняла, что произошло, — снова Леська уплывает куда то в свои мысли, смотря словно сквозь меня, — у меня пропали украшения. Колечки, сережки. А ты же знаешь, что каждое из них Петя подбирал специально для меня, все они со смыслом и когда они пропали, я не могла не заметить. Но Мишка с Машкой приучены не брать ничего с моего стола, как и с Петиного, да их и не тянуло никогда туда. Петя бы сам не стал брать украшения, а я точно не могла их ни куда деть и единственным вариантом осталась она — Ангелина. Чертов Ангел!

— Она их взяла?

— Я тоже так подумала и пошла к Пете. Я настаивала на том, чтобы он с ней поговорил, но буквально в тот же день, еще до разговора, они нашлись. Нашлись там, где точно не могли быть. В шкафчике в ванной. Но их там никак не могло быть, я всегда снимаю украшения в комнате, в ванной большая влажность. Понимаешь? — она заглядывает мне в глаза с такой надеждой и все становится понятно — ей не верил никто и сейчас она во мне ищет человека, который поверил бы ей.

— Я знаю, что ты не могла их нигде бросить. — киваю. Я действительно знаю — в отношении украшений сестра настоящая аккуратистка. Кто-то с порога идет ставить чайник, кто-то вытянуть ноги на диване, а она снимать украшения, в этом вся сестра. — Что дальше?

Если они не развелись сразу, то что-то должно было произойти потом.

— А дальше, — я вздрагиваю от тона, каким говорит сестра — безжизненным, глухим, — Петя принес их, показал мне, а я так обиделась за то недоверие, что светилось у него в глазах, что просто не стала говорить ничего. Он психанул, вышел из дома, а я вышла к лестнице, хотела их позвать на кухню, а там... Юль, я видела, как она столкнула Мишу с лестницы. Пихнула его.

Кровь отлила от лица, цепляюсь за лежащее подо мной одеяло до онемения в пальцах. Мишка... с лестницы... Господи!

— Что было? Он что-то сломал? Что доктора сказали?

Я даже не знала обо всем этом. Леська не рассказывала.

Если б я не сбежала и была рядом, возможно этого бы не произошло...

— Перелом руки со смещением, — отзывается сестра, — но... учитывая высоту лестницы, легко отделался.

— А что Петя?

— А Петя... — мне кажется горечь, это все что она может сейчас чувствовать. Ее речь сбивается, ей трудно все это вспоминать и говорить, — он застал, когда я ревела, а я так растерялась, что просто подхватила и качала Мишу, чтобы успокоить, он так плакал, даже скорую не додумалась вызвать, просто старалась успокоить сынишку. Я рассказала Пете, что произошло, снова кричала, чтобы он наконец услышал меня, просила, чтобы он убрал эту мразь из нашего дома, а он тогда... он мне не поверил. Видимо посчитал, что я все вру лишь бы избавиться от его дочери... и тогда я...

...Ушла. Хоть Леська и не договорила, не сложно догадаться.

— Я переехала к родителям, попросила отца по быстрому оформить наш развод, а Петя теперь встречается с детьми без девочки.

— А как же ты забеременела? — нет, я, конечно, понимаю как, уже ж не ребенок, но после всего...

— А вот так, — пожимает плечами сестренка, — телу пофиг, что душе больно, оно помнит удовольствие, которое дарил этот человек и придает хозяйку, ради того, чтобы снова было хорошо...

А за кадром остается “потому что я все еще люблю его” — я это вижу отчетливо. В ее глазах. Но дети, это дети. У нее не было выбора.

— И он сейчас от нее приехал, да?

— Да. Он уезжал с ней за границу.

— Ты думаешь, он с той женщиной... — я не договариваю, но этот вопрос тоже напрашивается сам собой. О девочке говорить вообще не хочется. Я не представляю, что ребенок может быть таким чудовищем, но сестре я верю. Если она говорит, значит так и было.

— Я не знаю, — Леська снова отворачивается к окну.

*****

Из больницы я уйду через час. Состояние хуже, чем у разбитой вазы. Это самое страшное, когда понимаешь, что ужас не просто был, ужас продолжается и ты ничего не можешь сделать, чтобы это остановить. Петя продолжает общаться с дочерью, которая пыталась покалечить его сына (хотя покалечить ли?). Отношения с Леськой в тупике, даже не так, они в заколоченной со всех сторон бочке, которую выбросили в море. Ситуация, из которой не найти выход.

Мишка был маленький, чтобы рассказать. Да и возможно вообще мог ничего не видеть. А Леська основательно подорвала к себе доверие скандалами, изначальным неприятием девочки и обвинениями, которые рассыпались, выставив ее не в лучшем свете. Я не возьмусь судить Петю или Леську, просто все, что произошло, свершившийся факт и я очень сомневалась, что они смогут через это пройти. Может потому, что не представляю, как можно это сделать... Я в раздрае...

На парковке больницы меня ждет Саша. Он освободился и приехал забрать меня. Стоит, облокотившись на машину и смотрит в сторону уже темнеющего парка.

Сильный, уверенный в себе и своих действиях мужчина. Мужчина, который всегда рядом. И я вдруг осознаю, что плачу. Все те эмоции, что я держала в себе в палате у сестры,

вырываются наружу в поток слез. Зажимаю рукой рот, заглушая рыдания, но он... нет, не слышит, будто чувствует. Поворачивается, видит и едва не бегом идет на встречу, а я не выдерживаю. Срываюсь. Подбегаю к нему и он прячет меня от всего мира в своих объятьях, пока я безобразно поливаю его рубашку слезами.

Держит, прижимает к себе, успокаивает.

И мне не стыдно за эти слезы, потому что ему не важно в каком я виде. С ним я могу быть любой. Он меня принимает всякой. Он видел меня в таких видах, при которых любой другой бы давно ушел, но он здесь.

Не замечаю, как мы оказываемся в машине. Он усаживает меня на заднее сидение, занимает место рядом и успокаивает.

А мне обидно. Чертовски обидно. Ну объясните мне, почему все так? Почему просто не может быть все хорошо? За что жизнь кидает в людей камнями, когда они начинают радоваться жизни? Для чего все эти испытания? Почему именно полоса черная, полоса белая и снова черная? Почему не может быть всегда хорошо? Разве есть что-то плохое в счастье?

Саша достает откуда-то маленькую бутылку воды и подносит к моим губам. Сквозь колючий ком в горле и слезы пытаюсь пить воду. Глотаю и удивительно, но становится чуть легче.

Поднимаю взгляд на мужчину, сидящего рядом и смотрю в его обеспокоенное лицо. Нахмуренные брови, плотно сжатые губы и темный взгляд, который беспокойно бегаёт по мне.

Он же всегда рядом. В любой ситуации и что бы не произошло, а я... мне хорошо с ним, даже не так, мне безумно хорошо с ним. Чувствую, как каждая клеточка моей души и тела тянется к нему.

И я тянусь. Отодвигаю от себя бутылку с водой, обхватываю руками его лицо и целую. Сама. Первая. Чего не делала никогда. И не могу сдержать смех, потому что он растерялся. Когда отрываюсь от его губ, вижу замершего в шоке мужчину, со злосчастной бутылкой воды в руках.

— Я хочу быть с тобой, слышишь? Я больше не хочу без тебя. — шепчу ему в губы.

К черту моих тараканов, комплексы, сомнения и все прочее. Судьба — рулетка, которая раскручивается по только ей известной траектории и терять время на все это, глупость. Я больше не хочу. Я хочу быть рядом с ним. Я уверена эта зараза-судьба что-то придумает и я не хочу терять больше не минуты рядом с ним.

И Саша меня слышит, а может и читает в моих глазах все, чего я не произношу вслух. Я не знаю, куда исчезает бутылка с водой, только чувствую его руки на своем теле и его губы на моих губах, а все остальное уже не важно.

История Олеси и Петра — Я или Она. Выбирай

— Совещание окончено, — завершает наше собрание Саша и, собрав бумаги, выходит из зала для совещаний.

Обсуждали последние приготовления к нововведению — доп. заказы за процент. Идея зашла на “ура” у нашего отдела, осталось проверить на практике насколько это будет целесообразно. Надо радоваться, но как-то не очень выходит.

Вчера выписали Леську, а уже сегодня утром Петя увез ее и детей домой. И хоть теперь мы точно не потеряемся и будем общаться, все равно как-то не до позитива. Сестра больше не будет язвить и устраивать допросы о Саше, а маленькие ураганчики, именуемые моими племянниками, не поделятся идеями, как обниматься и не быть “дурой”. Мне будет их не хватать. Здесь, рядом с собой.

Уже немало лет прожившая одна, искренне думала, что с этой веселой троицей за неделю сойду с ума, если честно, то почти сошла — сестра попала в больницу, а Миша и Маша не ангелочки — но вот они уехали, а я хочу их обратно.

Леська, когда мы с Сашей их провожали, сказала что с нетерпением ждет приглашения на свадьбу. Говорила она мне это “по-секрету” и так “тихо”, что Петя, за нашими спинами не сдержанно хохотнул, а Саша сказал, что будет активно работать в этом направлении, чем ошарашил уже меня. Можно было бы улыбнуться, подумав, что это шутка, но это же Саша... с ним ни в чем нельзя быть уверенной наверняка.

— Ребята, не расходимся. — хлопнув в ладоши, весело пропевает Ариша, вырывая меня из своих мыслей. Улыбается и светится, как лампочка, впрочем, как и всегда. — В эти выходные у меня день рождения, и вы все приглашены, — она словно фокусник выхватывает из папки пригласительные — из плотной бумаги, расписанные в синем золоте — и проходя вокруг стола раздает их всем собравшимся, а возле меня, о “чудо”, вдруг тормозит и растерянно хлопает глазками — пригласительные закончились как раз на мне, ее руки пусты.

Спасибо Арише, настроение поползло вверх. Этот ее демарш был очень “неожиданным”. Для меня было бы удивительно, если бы она просто отдала пригласительный. Детский сад, честное слово. Я с трудом сдерживаю улыбку.

— Господи, кажется, не отпечатали. Какой кошмар. Как такое возможно? — хочется сделать жест “рука-лицо”. Неужели она сама не понимает, что выставляет себя дурой? — Отпечатать уже не успеют, а пропускать будут только по пригласительным. — Ариша показательно заламывает руки и строит расстроенную рожицу.

Три Л ухмыляются, Варя и Сережа, буркнув “спасибо”, плетутся к выходу. Только Анютка рвется между тем, чтобы уйти с друзьями и не пропустить очередное выступление. Антона с утра загружен делами и его нет.

— Не стоит переживать Арин, — слышу голос Саши. Оборачиваюсь. Он стоит у входа в зал. Видимо зачем-то вернулся. Говорит размеренно и спокойно, вот только взгляд, обращенный на сестру, не сулит ничего хорошего. — Мы не допустим, чтобы твой непосредственный начальник, — последнее слово он особо выделяет, — пропустила это мероприятие. Юлия Андреевна придет со мной или меня тоже без пригласительного не пустят?

Ариша бледнеет и поджимает губы. На щеках горит румянец. Она переводит взгляд с

меня на брата и обратно. Видит, как он переводит на меня обеспокоенный взгляд и злится еще больше.

Саша волнуется, как я восприму очередной взбрык его сестры, а у меня внутри все плавится от его заботы. Даже в таких мелочах, он волнуется, ну как тут устоять и не улыбнуться? Как тут выдержать сердцу в привычном ритме и не сорваться на галоп?

— Конечно пустят. — выдавливает из себя Ариша. И снова сцепляется в нешуточной борьбе взглядами с братом, но проигрывает, опустив глаза, но отнюдь не смирившись. — Буду рада вас видеть Юлия Андреевна, — ощущение, что мне пожелали “покойся с миром”.

Ладно, ладно, я утрирую, конечно, но то, что таким положением дел Арина была недовольна, очевидно. Смерив меня еще одним злым взглядом, она гордо расправив плечи, покидает зал.

— Что еще она успела тебе сказать? — Саша проходит через зал и облакачивается о край стола напротив кресла, в котором я сижу.

— Ничего, — качаю головой, — зря ты так с ней.

Кажется сошла с ума, раз пытаюсь защищать его сестру. Не понимаю одного, как так получилось, что я остыла и перестала реагировать на нее, а она наоборот, будто с каждым днем все больше меня ненавидит?

— Ей будет полезно, — Саша со мной не согласен, — если она не уважает тебя, как человека, то пусть уважает своего начальника. То, что она дочь владельца фирмы, не делает ее неприкосновенной и не дает ей права вести себя, как ей вздумается. Здесь, как и в любом другом месте, есть своя иерархия и она не может так себя с тобой вести. К ней и так снисходительны, за такое поведение, в любом другом месте она бы уже вылетела с работы. А теперь скажи мне, — мужчина наклоняется ко мне очень близко, мягко придерживая меня за подбородок. В глубине его глаз пляшут знаки вопроса. Кажется я снова не даю своим поведением покоя, — почему ТЫ ей позволяешь так с собой обращаться? Почему отмалчиваешься? Из-за отца? Из-за меня?

Есть повод задуматься. Частично да, из-за того, что она дочь владельца фирмы. В первые дни точно из-за этого, даже местами отыгрывалась на Антоне, зная, что это ее заденет, а сегодня... да она же просто избалованная девочка. Не скажу, что я такая супер-взрослая, но реагировать на детские выходки Арины точно больше не собираюсь.

— Нет, не из-за этого, — шепчу и чуть подавшись вперед быстро чмокаю Сашу в губы.

Он подается вперед, пытаюсь продолжить, то что я начала, но я уворачиваюсь.

— Мы на работе господин начальник, — мотаю головой, отодвигаясь подальше.

— Ты садистка, девочка. — выдыхает сквозь зубы Саша и тоже отодвигается. — Я это тебе так с рук не спущу, — многообещающе усмехается. — когда я до тебя доберусь...

Ох, даже без его последних слов это было понятно. Есть люди которые одним своим видом способны транслировать желание, Саша из таких людей. Смотрит так, что подгибаются колени, говорит проникновенно, пробивая тело на дрожь. Устоять рядом с ним невозможно.

Только если ты загружен так, что ничего не видишь вокруг, ты можешь этого не заметить. И я не замечала, а сейчас плаваю. Или он только на меня так действует? Нет, точно нет.

— Это ее день рождения, прийти туда — это не очень хорошая идея, — возвращаюсь к начатому разговору.

Я правда так считаю. Кому будет приятно, если к тебе на день рождения придет

человек, которого ты ненавидишь и будет веселиться на твоём празднике?

— Юля, ты моя женщина и я не собираюсь выбирать праздники, на которые могу прийти с тобой, а на какие нет. Ты не временное увлечение, не эскорт на один вечер. Я никому не позволю так думать, включая тебя саму. — Саша больше не улыбается. Говорит серьезно и я верю.

Александр.

Разочарование. Вот и все, что ощущаю, глядя на то, что происходит. Смотрю на сестру, на разношерстную публику, собравшуюся на ее дне рождения и едва сдерживаю разочарованный вздох.

— Веселишься? — поинтересуюсь, смотря на ее скисшее лицо.

Арина отрывается от разглядывания гостей, поворачивается ко мне и натягивает на лицо улыбку. То, что она ее именно натягивает, видно невооруженным глазом — я все еще помню, как она улыбается, когда по настоящему счастлива. Хотя скоро и это забуду. В последнее время младшая сестренка больше показывает недовольство и высказывает претензии.

— Да, веселюсь. — отзывается с наигранным энтузиазмом. — Смотри как здорово? — раскидывает руки, обводя площадку перед нашим домом, оформленную под праздник.

Вижу.

Высокие столики с маленькими букетиками цветов, снующие официанты, разносят шампанское и вино, длинный фуршетный стол с легкими экзотическими закусками.

Есть только одно “но”, никому не весело. Совсем.

— Тебе надо было выбирать другую профессию сестренка, за несколько дней изменить полностью программу мероприятия... у тебя талант, — не сдержанно язвлю.

Сестра дуется и скрещивает руки на груди, так же как в детстве, когда не получала, что хотела. И сейчас не получила. Сегодня тут все должно было быть по-другому, а Арина все изменила и вот день рождения, праздник, который она всегда обожала, превратился в полнейшую скуку.

Там, чуть дальше за столами, должен был стоять мангал и жарить шашлыки, а с другой стороны дома, в беседках, вся эта компания, которая сейчас щеголяла в костюмах и коктейльных платьях, веселиться, попивая пиво и участвуя в конкурсах, придуманных сестрой.

— Здесь очень здорово, — тяну с сарказмом, — зачем ты все это устроила? — спрашиваю уже серьезнее.

И сам же отвечаю на свой вопрос, выловив глазами в толпе ту, от которой не могу отвести взгляд.

Юля...

Она стоит в кругу своих подопечных из отдела и чему-то улыбается.

Гордая осанка, сияющие, подобно драгоценным камням, глаза и сногсшибательная улыбка — сегодня она такая. Когда вышла несколько часов назад ко мне из подъезда своего дома — у меня в груди взорвалась по меньшей мере водородная бомба. Платье в пол с длинным разрезом спереди, с каждым ее шагом, то открывало, то скрывало шикарные ноги. Собранные в прическу волосы, и рукава держащиеся на предплечьях, открыли глазам шею и узкие плечи.

Черт знает почему, но притягивали взгляд именно плечи. Расправленные, покатые, с нежной светлой кожей, которые хотелось сжать в руках, просто поглаживать, ощущая этот бархат, к которым хотелось прижаться губами.

“Черт, плечи? Seriously?” — усмехаюсь от собственных мыслей. — “Кажется у меня

едет крыша”.

Юля...

Нежная, чертовски красивая, страстная... Меня от ее поцелуя, тогда у больницы, где лежала ее сестра, просто контузило. Будто со всей дури впечатался в стену. Это было совсем не то, что я чувствовал, когда сам ее целовал. Она порхала своими нежными губами по моему лицу и я поплыл. Столько нежности подарить могла только она. И черт возьми, этот ее поцелуй, стоил всех ожиданий. Ее отклик того стоил. Как держался все это время, не представляю.

В одном уверен, когда доберусь до нее, уже больше не отпущу. Уже сейчас не готов отпустить, а потом... не сдохнуть бы от счастья. Остаться бы живым после проведенной с ней ночи. Потому что, кажется, дорвусь до нее и не смогу остановиться.

И будет, как в анекдоте “и жили они счастливо и умерли в один день. От оргазма. Она с утра, он ближе к вечеру”.

Но не подпускает. Пока. Вижу, как ее ломает вечерами, когда надо возвращаться в пустую квартиру, но упорно молчит. А у меня ломается мозг — так сложно признать, что нужен? Так сложно попросить, чтобы остался? Предлагал ведь. Засмушалась, отказала. А сейчас жду, когда решится.

Вариант — переспать, а уже потом решать “что и как” не для меня. Этот вариант подходит, когда просто хочешь сбросить напряжение. Но Юля однозначно не для этого, поэтому жду. Даю ей время. Не давлу. Но сегодня подтолкну к решению, однозначно. Думается мне, что сомневаться, смущаться и еще много всего бесполезного она может делать еще долго. Вроде все решила, там у больницы, но тут же выстроила стены, будто обороняется, будто защищает себя и... свое сердце. Да и просто боится.

Девочка, она такая “девочка”.

Смотрю как она ведет плечиком, пробегает глазами по гостям и когда доходит до меня, перехватываю ее взгляд. Держу, не даю отвести глаза и любуюсь. Замирает, слегка приоткрывает алые губы, делая глубокий вдох и щеки пылают румянцем, закусывает губу и отводит взгляд.

Какая же она...

Смущается. Для нее не удивительно. Я почти раздел ее глазами и она это чувствует.

Если б знала какие мысли блуждают у меня в голове, наверное, вообще бы сбежала.

И все это представление, здесь на празднике, устроено специально для нее.

Должны были быть веселые посиделки, а в итоге официальное скучное мероприятие. Арина хотела показать, что Юля не вольется в наш круг, но испортила собственный праздник. Хотела подружиться с коллегами в отделе, позвав их сюда, а как результат, поставила их в неловкое положение. Аня, простая обычная девушка, которая не знает, как подступиться ко всей той ерунде, что выставили на стол, назвав это едой. Сергей, зависающий весь праздник в планшете и Варя, мать-одиночка, договорилась с соседкой, чтобы та посидела с ее сыном, пока она позволит себе один вечер провести, как ей хочется, а вынуждена слушать про новые модные тенденции и сплетни “из спальни” местных бизнесменов, на которые ей глубоко плевать.

И это я еще молчу про друзей самой Арины.

Да, они знают, как подступиться к моллюскам и рыбе фугу, вот только подобные мероприятия в их жизни не самая приятная обязанность и очередной праздник, на котором они могли отбросить условности и перестать быть детьми богатых родителей, а стать просто

веселыми ребятами, стал для них вечером условностей и ограничений.

— Да что вы все в ней находите? — прихожу в себя от визга сестры.

Благо мы стоим в стороне от всех и нас никто не мог услышать. Она не слепая, прекрасно видит на кого я смотрю. Отрываюсь от Юли и перевожу взгляд на сестру. Надутая, с поджатыми губами, сжатыми кулаками. Арина ненавидит Юлю.

— Кто “все” Арина? — разговоры, подобные этому, ведутся с дня рождения Давы и уже откровенно поднадоели. Самое интересное “она мне не нравится” считается в таких разговорах весомым аргументом, но только не для меня. — Ты же не ждала, что я буду до старости жить один и исполнять только твои прихоти?

Разговор явно не к месту, но не я его начал, а отмалчиваться точно не собираюсь. Сестре придется либо принять мой выбор, либо смириться.

— Ничего я не ждала, — снова взвизгивает Арина. — Но почему она?

— Потому что я ее люблю, — пожимаю плечами.

Сам не ожидал, что произнести эти слова так просто. Как само собой разумеющееся. Как сказать, что Земля вращается вокруг Солнца. Это не оспоримый факт. То, что доказано. И Юля — мое солнце.

— Она... ты ее... неееет, — она смотрит на меня, будто я по меньшей мере, убил человека. Такого ужаса на ее лице мне не доводилось видеть никогда. — Ты любишь эту стерву, которая с моим Антоном...

— Замолчи, — обрубаю на корню, — она не виновата в вашем расставании с Антоном. Ты его бросила сама и когда они начали встречаться, оба были свободными людьми. Юля не виновата, что он выбрал ее. Как и не виновата в том, что ты ревнуешь его к ней.

Хватило пары необоснованных нападок на Юлю со стороны Антона и пары серьезных внушений Антону от меня, чтобы он пересмотрел свое к ней отношение. И то, что он открыто не показывает своей к ней неприязни сестру бесит. Только я точно знаю, что Юле до него нет больше дела.

— Она все еще хочет его вернуть. Я уверена, — на этот бред ревнивой женщины я даже отвечать не собираюсь. А Арина бесится еще больше — Я не могу поверить, ты бросил Кару ради этой вот... Я надеялась ты одумаешься, вы помиритесь, а ты...

Сам не понимаю откуда вдруг всплывает имя моей бывшей девушки Карина, а когда осознаю последнюю сказанную сестрой фразу, все встает на свои места.

— Что значит ты надеялась, что мы помиримся? Арина, — я буквально рычу. Наверное только сейчас в полной мере осознаю какую эгоистку, не способную слышать ничего и никого вокруг, мы с отцом вырастили.

Сестра бледнеет. Я никогда так с ней не говорил и ей не доводилось видеть меня таким. Отступает на шаг, но я хватаю ее за локоть и дергаю на себя.

— Я... я пригласила ее к себе на день рождения. — лепечет, а потом будто очнувшись, выдергивает локоть из моих рук и вздергивает подбородок. — Ты сам говоришь, что я взрослый человек и вольна делать, что захочу.

Усмехаюсь.

“Дожился, ожидаю любой подлости от собственной сестры. В доме, в котором родился и вырос, не могу расслабиться”

Пригласила на день рождения? Ерунда. Она с Кариной с самого начала были дружны и своим поступком Арина только потеряет еще одну свою подругу, потому что действовать по ее плану не собираюсь. Этот вечер я проведу с той женщиной, которую выбрал сам.

— Тебе придется выбрать — я или она? — кричит Арина, самодовольно задрав подбородок.

Замираю. В груди разливается горечь. Самое последнее чего я ожидал — это то, что мою любовь к себе, Арина будет использовать против меня. Это нож в спину.

Шантажировать, получать все, что хочешь, перешагивая через семью — в кого же превратилась моя сестренка-Ангел?

— Взрослый человек не только делает, что хочет, но и несет ответственность за свои поступки, — разворачиваюсь и ухожу к той, рядом с которой сейчас хочу быть.

Арина, пусть сама разбирается. Находиться больше в этом цирке не собираюсь, как и оставлять здесь Юлю. Для нас с ней этот “праздник” закончен.

Юля все так же стоит возле своих подопечных. К ним успел присоединиться Дава и сейчас веселит девчонок.

Подхожу к ней со спины, обнимаю ее за талию, притягивая к себе и опускаю подбородок на ее обнаженное плечо.

Она мой якорь, мой стопор. Та, которая удерживает меня на спокойной волне, та, которая может меня успокоить и усмирить бунтующие эмоции. С ней рядом спокойно и хоть на секунду, но отступают все беспокойства. Тихая гавань. Тот Дом, куда возвращаешься изо дня в день, потому что там уют и спокойствие. Потому что тебя там любят и ждут. Юля — Мечта. Та, от которой не готов отказаться.

Женское тело в моих руках замирает и мгновенно напрягается. Юля даже дыхание задерживает.

“Прости милая, но прятаться мы больше не будем”.

Тру о ее плечо подбородком и довольно усмехаюсь, видя как по нежной коже бегут мурашки.

— Пойдем со мной, — шепчу ей на ухо, прикусывая мочку.

По женское коже бегут мурашки.

Юля смущается. Пробегает нервным взглядом по собравшимся и рефлекторно отступает назад, прижимаясь еще сильнее — все понимающе улыбаются, смотря на нас.

— Вы идите, идите, я обещаю — девчонки со мной не заскучают, — машет рукой Дава.

Киваю другу и, подхватив тонкое запястье своей скромняшки, иду на выход.

Юля не сопротивляется. Все мои планы “не давить” и “дать время” летят в тартарары, но я все равно чувствую себя котом обожравшимся сметаны. Юля мой персональный деликатес. К черту все и всех, больше не хочу тянуть и терять время.

Оборачиваюсь бросая взгляд на девушку, идущую за мной. Во всем этом меня напрягает только одно — она все это время, с момента, как я подошел и обнял, молчит. И сейчас, придерживая подол платья, спешно перебирает ногами в туфлях на каблуках, смотря под ноги и молчит.

Торможу, резко разворачиваюсь и прижимаю к себе, растерянную от внезапной остановки, девушку.

— Юля, — обхватываю ладонями родное лицо, заставляя посмотреть на меня. С румянцем на щеках, блестящими глазами, она великолепна. Не удержавшись, касаюсь манящих губ. — Я краду тебя, слышишь? Больше не могу ждать. Ты мне нравишься и я принял решение. Знаю, что и ты уже приняла, но боишься, — провожу большими пальцами по нежным женским скулам и прислонился своим лбом к ее. Глаза в глаза. Душа в душу. — Тебе придется принимать решение уже рядом со мной, — шепчу в самые губы и снова

целую.

Нежная, буйная, такая разная и... родная.

— Юля, котенок мой ершистый, скажи уже что-нибудь, — шепчу

Пульс сбивается, сердце долбит, будто пробежал кросс. Хваленая выдержка, которая мне всегда помогала, дает сбой от предвкушения или от ожидания провала. С ней всегда так, не знаешь какой шаг и к чему приведет. Чувствую себя сумасшедшим, но мне это нравится.

— С чего ты взял, что я против? — фраз, способных свести с ума мало. Юля произносит одну из них.

Радуйтесь недруги, теперь я самый счастливый сумасшедший!

Александр.

За ворота выношу Юлю на руках. Моя, она такая моя. Вот теперь это точно и однозначно “да”. Без недомолвок, недоговоренностей, без ее активных тараканов в голове.

Единственное о чем думаю, как бы не навернуться — смотреть под ноги нет возможности.

Юля обхватывает меня за шею, поглаживает, сводя меня с ума своими руками.

А нам еще ехать...

— Саша, — улыбаюсь. В голове туман, даже не сразу понимаю, что это не Юля меня зовет. — Саш...

Торможу не дойдя до машины пары метров. Оборачиваюсь и тут же жалею об этом.

Карина.

Юля тоже видит, дергается и приходится поставить ее на ноги. Только далеко отпустить от себя ее не собираюсь. Прижимаю к себе.

— Привет, — тихо говорит Карина, подходя ближе и опуская глаза на мою руку, которой я обнимаю Юлю.

— Привет, Карина, — меньше всего мне сейчас хочется выяснять отношения с бывшей.

Смотрю на Юлю. Она стоит, прижимаясь ко мне и переводит взгляд с меня на Карину и обратно, и явно удивлена.

Почему я сейчас трачу время на что и кого угодно, кроме Юли?

— Карина, ты хотела что-то? Прости, мы просто спешим, — это грубо? Наверное. Но меня сейчас это мало волнует.

Бывшая удивлена и недовольна:

— У тебя найдется для меня пары минут? — скорее утверждение, чем вопрос. В этом вся она.

— Нет, не найдется, — качаю головой.

Мягко разворачиваю Юлю, увожу ее в машину, усаживаю на переднее пассажирское и занимаю водительское место.

Нам больше нечего здесь делать.

— Спрашивай, — завожу мотор, обращаясь к Юле. Вижу в ее глазах прыгающие знаки вопроса и это не то, что хочу видеть в ее взгляде.

Как же ты не вовремя, Карина!

— Можно? — Юля кивает.

Я не понимаю, что она хочет, но киваю, а она...

Скидывает туфли, разворачивается ко мне и подгибает ноги под себя на сиденье. Ну вот кто еще будет так делать? Не красуется же, просто делает так, как ей удобно.

— Она твоя девушка, да?

Совсем не то, о чем я хочу с ней сегодня говорить. Тяжело выдыхаю:

— Бывшая девушка. Да, мы с ней встречались несколько лет и расстались незадолго до того, как приехал сюда.

— Как ее вообще можно было бросить? — всплескивает руками Юля, в шоке. — Она же... она...

Ангел. Да. Я знаю, какое впечатление производит Карина. Так же, как и Арина. Такой

была и наша мама. Миловидные, аккуратные черты лица, сумасшедше красивые. Вот только ангельская внешность, еще не значит, что душа ангельская. Из троих только наша с Ариной мама была такая — Ангел и внешне, и внутри. Я в свое время повелся на схожую внешность у Карины и ошибся.

— Хочешь скажу, почему я выбрал тебя? — на секунду отрываюсь от дороги, кинув взгляд на притихшую девушку. Беру ее руку и целую пальчики. Каждый, по очереди, кайфуя от ее мягкой кожи. И ей нравится, пальцы на секунду дергаются, а потом краем глаза вижу, как на ее лице появляется легкая, смущенная, слегка удивленная улыбка, которую она тут же пытается спрятать. Я кайфую от ее эмоций. — Ты безумно красивая, но не пользуешься своей внешностью. Ты интересная и яркая, но не пытаешься нравится всем вокруг. Искренняя в своих эмоциях — если злишься, то до крика, если радуешься, то до счастливого визга. А еще я знаю, что еслипустишь меня в свое сердечко, то места там больше никому, кроме меня, не будет.

Оставшуюся часть пути мы молчим. Юля склонив голову набок рассматривает меня, не сводя глаз. Хмурится, вздыхает, приоткрывала рот и пробегая по губам кончиком языка, прикусывает нижнюю губу, а я сжимаю оплетку руля до хруста и призывая всю свою выдержку, чтобы не остановиться и не залюбить ее здесь и сейчас.

Нельзя так смотреть на мужчину, особенно когда он за рулем. До конца пути я выдержу, но ей придется за это поплатиться.

Сорвать одежду и взять ее быстро до громких стонов, всхлипов, вскриков... Может быть, через несколько лет, когда мы будем ехать к отцу за нашими детьми, я остановлю машину где-нибудь по-дороге, в лесочке, и осуществлю эту задумку и точно знаю, Юля будет совсем не против.

Сегодня же все делаю тягуче-медленно. Расстегивая молнию на платье, глажу бархатную кожу вдоль позвоночника и смотрю, как разбегаются табуны мурашек по ее великолепному телу. Глажу шею и плечи, оставляя россыпь мелких поцелуев, одними губами прихватываю трепещущую артерию, ловя Юлин первый стон.

Сегодня я изучаю ее сантиметр за сантиметром. Нахмуренный носик, скулы, приоткрытые припухшие губы, снова шея и грудь. Юля прогибается в спине, подставляя бледно розовые соски под мой алчно жаждущий рот. Накрываю упругие холмики руками и сжимаю их вместе. Обвожу по кругу ареолы сосков и снова тянусь к искусанным губам.

— Моя сладкая девочка...

Юля плавится в моих руках, извивается. Ее тело натянуто, как струна и дрожит, словно в лихорадке. Прогибается, стонет, цепляясь за плечи. Сажусь между ее разведенных ног, раздвигаю влажные складочки, выписывая круги вокруг сочащегося клитора.

— Саша... пожалуйста.

Изгибается, подаваясь бедрами вперед и сладко надрывно стонет, когда я погружаюсь в нее. С этого момента мы оба больше не принадлежим себе.

Юля.

— Я знаю, что ты не спишь, — уже знакомые губы прихватывает мочку уха, а горячая мужская рука скользит по моему бедру.

А я... я сильнее втягиваю голову в плечи, надеюсь, что так стану незаметнее.

Я переспала со своим начальником. Хотя сейчас даже язык не поворачивается его назвать шефом или боссом. Он же Саша, просто Саша... Мой Саша?!

После всего случившегося, если все хорошо обдумать, включить логику и выстроить причинно-следственные, то... аааа... какая тут может быть логика и причинно-следственные? Кто-то от нервов грызет ногти, кто-то заламывает руки или кусает губы, а у меня в голове происходит взрыв и мозг начинает работать в авральном режиме, выдавая какой-то бред, который заставляет кипеть.

Хочется накрыться одеялом с головой, но тогда Саша точно поймет, что я не сплю. (По тому, как я вжала голову в плечи и зажмурилась, ну вот совсем не понятно, что я не сплю, ага).

Чувствую легкое шевеление пледа, под которым лежу и тут же обжигающе жаркий поцелуй между лопаток, прикосновение колючего от утренней щетины подбородка — будто трется об меня.

Не будто, а так и есть. Поцелуй. Поглаживание носом, подбородком и снова поцелуй. Руки уже путешествуют по всему телу, выписывая узоры на животе, груди, бедрах.

Не смотря на то, что и я и Саша, лежащий у меня за спиной, абсолютно голые, в его действиях нет ничего пошлого или соблазняющего, он просто будто не может не прикасаться, будто для него жизненно важно чувствовать меня в своих руках и он все для этого делает — гладит, сжимает, притягивает ближе, целует. А я плавлюсь и таю, еще никто и никогда не относился ко мне с такой нежностью и трепетом. Еще никто и никогда не давал мне столько.

Еще несколько таких поцелуев и прикосновений, и смущение... нет, не испаряется, просто отходит на второй план, уступая место другому — желанию дарить такую же нежность в ответ. Словно зуд — когда не можешь совладать с собой, хочешь сделать ЕМУ так же хорошо, как и мне сейчас. Чтобы чувствовал тоже, что и я, чтобы так же плавился и таял.

Получать нежность безумно приятно, но самой дарить эту нежность, это что-то из разряда космического, нереального блаженства.

Когда нежно пробегаешь пальцами по подбородку, ощущая покалыванья щетины, лохматишь волосы, запуская в них руки, вырисовываешь на его теле рельефы мышц, легко, почти невесомо прикасаясь губами к его губам, подбородку, целуешь мужскую шею, ключицы, грудь и жмешься ближе к сильному телу.

Главное не заиграться. Не перейти ту тонкую грань между нежностью и страстью — так легко одна переливается в другую и обратно. Я перехожу. Просто вскидываю глаза и вижу, как Саша запрокидывает голову и прикрывает веки, пряча расширенные зрачки, просто чувствую, как его грудная клетка чаще вздымается, помогая проталкивать кислород, через плотно сжатые зубы, просто ощущаю его руки запутавшиеся в моих волосах и его возбуждение, недвусмысленно упирающееся в меня где-то под грудью.

Я перехожу грань от простой нежности и Саша не может остаться безучастным.

— Юля, что же ты со мной делаешь, моя девочка...

Я замираю и канаты, удерживающие сердце в груди, обрываются, потому что на самом кончике языка путается и только каким-то неведомым образом не срывается простое, но сносящее подобно урагану “просто люблю...”

А Саша... как я хочу, чтобы он это почувствовал и понял без слов, потому что я в ближайшее время вряд ли решусь произнести это вслух.

Он воспринимает мою заминку по своему — подхватывает и утаскивает к себе наверх, захватывая мои губы в плен самого разрывающего поцелуя. Томление и тепло в груди. Будто конец света и новое сотворение мира, рождение сверхновой.

И я просто оплетаю его, вжимаясь, кажется на физическом уровне пытаюсь просочиться в него, стать его частью, неотделимой.

“Ну услышь же... чувствуешь, как люблю?”

И жмусь теснее... Обхватывая его лицо руками и целую. Глаза в глаза — смотри!

“Видишь? Ты сделал это. Ты вклинился, в плелся. Ты появился, когда я была разочарована и озлоблена, когда мозги плавилась от гнева, боли и обиды, ты пришел, как исцеление. Пробил брешь в стене, которую я выстроила, пробрался внутрь и забрал меня, ослабленную, умирающую и отогрел. Спас своей заботой. Каждый день понемногу, по капле, заполняя меня жизнью, заполняя собой. И я готова отдать себя в твои руки. Знаю, что не отпустишь, удержишь. Я люблю тебя. Видишь?”

Я не знаю видит ли, но чувствую, как большое мужское тело колотит. Он нависает надо мной и его трясет, так же как и меня. Будто оба в горячке. Но это то, от чего не ищешь лекарства, то, чем наслаждаешься.

Он заполняет меня и это не только физическая наполненность, душа открывается и впускает в себя.

Держит в ладонях мое лицо, смотрит прямо в глаз. “Читай, там сердце все написало для тебя, только читай”.

Подается вперед, прижимаясь теснее и тоже пытается раствориться во мне и... читает. По сбившемуся дыханию и сумасшедшей улыбке понимаю — видит, читает и понимает.

Всем нежности хватило? Очень на это надеюсь, потому что пора на взлет. Вдыхаем и...

Александр.

Поглаживаю тело разомлевшей девушки, которая посапывает у меня на груди и улыбаюсь.

Я чертов счастливчик.

Юля, как наваждение, от которого не хочется избавляться. Искренняя, нежная, взрывная и... настоящая. Она мой якорь, мой заземлитель. Вплетает свои тонкие пальчики мне в волосы и все вокруг перестает иметь значение.

И вот сейчас она лежит рядом, сонно смахивая с лица прядку волос, морщит свой маленький аккуратный носик, трется щекой о мою грудь, устраиваясь поудобнее и все мысли вылетают в трубу.

Все, как и должно быть. Утро, квартира, постель, я и Юля рядом. Все правильно. По другому и быть не может.

Это он — Дом. Вот так с большой буквы. Не просто помещение, в котором спишь и ешь, а женщина, к которой хочется возвращаться. С которой хочется быть.

Провожу рукой по обнаженной женской груди, скидывая плед, которым укрыл нас. По светлой бархатной коже тут же бегут мурашки и Юля смешно ежится, прижимаясь теснее.

Потрясающее чувство, когда тепло ищут в тебе. Могла поискать одеяло, но неосознанно прильнула ко мне.

Я сволочь, потому что прохладно ей стало из-за меня, но как же чертовски приятно чувствовать ее так рядом.

Переворачиваюсь на бок, аккуратно перекладывая ее голову на свою руку и притягиваю ее ближе, хотя казалось бы куда еще то. Снова хмурится и трется носом о мою грудь... вздыхает... Вот и как тут удержаться? Я не атлант, у меня нет столько выдержки, а эта девочка каждую минуту испытывает ее на прочность.

Запускаю руку в ее волосы, наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее скулам, виску и, наконец, губам.

Ее судорожный вздох и секундная оторопь — проснулась. Опрокидываю ее на спину и впиваюсь в нежные губки моей девочки. Не мешкает больше, отвечает, со всем пылом и страстью, на которые она способна. Чувствую, как ее пальчики нежно пробегают по моим плечам и зарываются в волосы на затылке.

Черт. Мозг уплывает и я разрываю поцелуй, откидываясь головой на ее руку, подставляясь под такую незатейливую ласку. Не припомню, чтобы кайфовал от такого...

Юля тоже замечает мою реакцию, слегка царапает кожу головы ногтями и у меня окончательно сносит планку. Сажусь, обхватываю женские бедра, притягиваю к себе и заполняю одним стремительным толчком. Только пару часов назад был в ней, но тут просто не выдерживаю.

Она же какая-то не реальная. Как ожившая фантазия, моя ожившая Мечта.

Юля напрягается, но уже через секунду постанывает, подаваясь бедрами навстречу. Прикусывает нижнюю губку, выгибается и цепляется за плечи, выкрикивая мое имя. Крепче сжимаю бедра и ускоряюсь. Меня никогда так от кайфа не разрывало. Сдохну если остановлюсь и, если не остановлюсь, тоже.

— Моя горячая девочка... — шепчу ей сквозь затуманенный разум, чувствую, как она

начинает дрожать, сжимает меня своими стройными ножками и, выгнувшись мне навстречу, кончает громко и ярко с моим именем на губах, унося меня с собой в нирвану.

А ведь собирался только пожелать доброго утра...

*****

— После последних четырнадцати часов ты все еще продолжаешь стесняться? — насмешливо смотрю, как Юля натягивает на себя плед, как можно выше, пытаюсь спрятаться.

— Именно из-за последних четырнадцати часов и стесняюсь, — шепчет и утыкается лицом мне в грудь, прячась от моего прямого взгляда.

Волосы растрепались, глаза лихорадочно сверкают, а щеки покрылись румянцем. Сейчас она прекрасна, как никогда.

— Даже не вздумай стесняться и жалеть о том, что сейчас произошло, — самое последнее, чего хочется после проведенной ночи с любимой женщиной, это слышать ее сожаления. И Юле я точно не позволю жалеть. Нас тянет друг к другу, мы друг другу нравимся и я готов пойти дальше, судя по тому, как она отзывалась на мои ласки, она тоже — так что к черту сожаления.

— Я не жалею, — шепчет, так и прячась у меня на груди, — просто все как-то не правильно.

Беру мягко за подбородок, поворачивая ее лицо к себе.

— Что именно не правильно? — шепчу в припухшие после поцелуев губы.

— Ну... мужчина и женщина узнают друг друга, потом знакомятся с семьей...

— Мою семью ты знаешь, — говорю очевидную вещь, — и скоро я намерен им представить тебя в качестве моей девушки. Твою семью, пусть и частично, знаю. С остальными тоже не против познакомиться.

— В том то и дело. Я знаю твою семью, но совсем не знаю тебя. — а вот это уже аргумент. Не поспоришь.

— Что ты хочешь знать? — спрашиваю и вижу, как в ее глазах загораются искорки любопытства.

Тут же подбирается, устраиваясь удобнее. Переворачивается на живот, опускает голову на сложенные в замок руки и с энтузиазмом смотрит на меня. И я не могу сдержать смеха. Она сейчас похожа на лисенка, такого маленького и любопытного лисенка.

— Все, что угодно. — отзывается с энтузиазмом. — Что ты любишь делать? Где ты учился? Чем занимался до прихода в фирму?...

Моя сладкая “почемучка”. Тянусь и касаюсь ее нежных губ:

— Ну, а ты? Ты мне расскажешь о себе?

— Да у меня ничего особо интересного. Мою сестру и племянников ты знаешь. С папой не ладим, ну и с мамой тоже. Школу окончила в родном городе, потом перебралась сюда и училась уже в местном университете на менеджменте и управлении. После универа меня в фирму пристроила зав. кафедрой, вот собственно и все.

Еще никогда не видел, чтобы о своей жизни рассказывали так сухо. Вместо того, чтобы самой болтать, как любая другая девушка, она наострила ушки, чтобы самой слушать и я снова не смог сдержать улыбки.

Потрясающая.

Притягиваю ее ближе, вынуждая улечься мне на грудь.

Я хочу ей рассказать. Я хочу, чтобы она знала обо мне. Готов все выложить.

Только сказать ничего не успеваю. Тишину квартиры разрывает звонок и громкие стуки в дверь. Кто-то там явно обделен терпением.

— Кто это? Что случилось? — Юля всполошилась. Испуганно вздрагивает, вскакивает на ноги, кутаясь в плед.

— Успокойся, — усмехаюсь, поднимаясь с постели. — Сейчас посмотрим, кто там пришел.

Мне тоже интересно кто... Я сегодня никого не жду.

Юля торопливо собирает свои вещи.

Нехотя натягиваю штаны, подхватываю футболку и иду к входной двери — тот, кто стоит за ней, ни на секунду не прекращает экзекуцию над звонком и дверью.

Натягиваю на ходу футболку, щелкаю замком и открываю. Кто бы там ни был — должно было произойти что-то из ряда вон выходящее, чтобы так ломиться.

— Карина?

Александр.

Не только Карина, но и Арина. Вторая долбилась в дверь, пока первая звонила, поэтому, когда открываю в глаза сразу бросается подружка сестры, а не сама сестра.

И если здесь Арина, значит случиться должно было действительно что-то серьезное. После вчерашнего она должна была, как минимум, пару дней дуться, а потом сказать за какой подарочек готова меня простить, но вот так с утра, первая после ссоры...

— Что произошло? — отступаю, впуская их внутрь квартиры.

Взволнованные, запыхавшиеся. Девушки сами на себя не похожи. Вваливаются в прихожую, Арина тут же выхватывает из сумочки телефон и кому-то звонит.

— До тебя Давид не может все утро дозвониться, — торопливо говорит Карина, — там что-то в офисе произошло.

Арина уже видимо дозванивается и протягивает мне свой телефон.

Что еще произошло?

— Саня, — на том конце провода орет Давид. — какого х*я я не могу до тебя дозвониться?

Дава переходит на русский матерный и это значит только одно — у нас больше проблемы.

— Дава, что?

— Наши системы разнесли...

Сука!

*****

— Мне надо уехать, — возвращаюсь в комнату, торопливо хватая телефон, ключи.

Сука. Чертовы системы. Кто эта сволочь? Найду, своими руками придушу! Уже столько недель без продыха ищем и нифига. К черту просьбы отца сделать все по-тихому, прижму всех. Хватит нянчиться. Аккуратно больше не будет.

— Да, я уже готова, — Юля полностью собранная стоит у кровати.

Черт, как же все не вовремя-то. Должны были вместе встать, позавтракать и целый день только друг для друга, а сейчас...

— Послушай меня пожалуйста, — подхожу и обнимаю ее за плечи, — тебе сегодня нечего делать в офисе. Приезжай завтра с утра и еще... я хочу чтобы ты осталась сейчас здесь. Насовсем. Понимаешь?

Бл*дь, не так, не на ходу должен был состояться этот разговор! Но и уйти и бросить, как есть, тоже нельзя.

— Саш, мне лучше поехать домой, — лепечет, заглядывая мне в глаза.

Бл*дь, это совсем не вовремя. Сжимаю кулаки. Нет времени сейчас с этим разбираться. Сука!

— Юля... — стискиваю ее плечи, заглядывая в глаза.

Мне сейчас просто нужно, чтобы она не спорила, чтобы не пришлось сейчас парить голову о том, что творится в моем доме. На работе полнейшая ж*па, мне нужно чтобы в доме был спокойно. Крепкий тыл. Для кого-то ерунда — только не для меня. Можно спокойно работать, когда знаешь, что дома все спокойно. А если и там, и там проблемы...

— Саша, Саш... — она обхватывает мое лицо руками, — у меня нет здесь вещей. Мне

все равно нужно поехать к себе. А потом я приеду, как только захочешь, слышишь?

Выдыхаю. Это у меня мозги поплыли, а она все понимает и не спорит. Согласилась.

Быстро целую и спешу на выход, на большее времени, увы, нет. Юля спешит за мной.

— А она что здесь здесь делает? — взвизгивает сестра, видя, теперь уже точно, мою девушку.

— Она здесь теперь живет и тебе лучше с этим смириться, — бросаю в ответ и больше не слушая ни чьих причитаний, быстро покидаем квартиру.

А дальше все, как на перемотке...

— Я уже созвонился с Прохором. Обматерил нас обоих. Подключили удалено наших айтишников. Это сука внутри офиса, Сань, — не отрываясь от своей батареи компов, говорит друг, когда я появляюсь в офисе.

— Я сейчас ему позвоню. — отзываюсь. — Пора подключать наших оперативников. Хватит, доигрались в секретность. Проверка и по полной.

*****

Отец, как, наверное, и любой на его месте, надеялся рано или поздно передать свою фирму, детище, которое создавал своими руками, мне и Арине.

В целом я был не против. Получил соответствующее образование — менеджмент и управление — стажировки за границей по защите интеллектуальных прав и IT — безопасности, разработал несколько проектов внутреннего управления бизнесом и инфраструктуры, шабашил, пытаюсь что-то из себя самого слепить, чтобы не быть просто сыном шефа и в целом готов уже был вливаться в дела, когда на меня вышел Прохоров.

Ничего сверхнового, еще один проект — налаживание внутренней логистики в отдельно взятой компании и в довесок, то чем еще не приходилось заниматься, поиск “крысы”, которая косячила так, что летела вся система работы.

Долго и муторно, но нашел и, оказалось, прошел проверку. В этом и состояла работа Геннадия Юрьевича Прохорова — а в народе просто Прохора — и его команды, поиск “крыс” в различных фирмах и компаниях, и первичка по восстановлению работы. Он меня заметил и решил заманить к себе. Я согласился.

У него встретились с Давой. Друг моего босоногого детства — учеба за одной партой в школе, потом в одном универе, но на разных направлениях. Я в управлении, он в IT-шниках. А после наши пути разошлись и, пока я мотался по стажировкам, Дава, успевший себя зарекомендовать, уже всю работу на Прохора и вот уже восемь лет на него работаю и я.

Два месяца назад мне позвонил отец и попросил о помощи.

Проверка его фирмы. Участвовавшие сбои в системе, потеря информации и как итог, большие убытки. Только было одно “но”, он не хотел поднимать шум, поэтому я взял отпуск за свой счет у Прохора и прикрывшись якобы отпуском отца, занял его место, а через какое-то время подтянул и Даву — если я больше по бумажкам и людям, то в компах лучший Дава.

Но “тихая” проверка затянулась. Помимо основной работы вклинились еще и личные проблемы сестры и внутренние проблемы самой компании, которыми я в целом не планировал заниматься, скинув все на тех, кого отец метил в управляющие звенья.

А сейчас произошел серьезный обвал систем. Больше прятаться нет смысла.

— Учишь, учишь вас балбесов... — гаркает Прохор, когда звоню ему и обрисовываю ситуацию еще раз. — Почему я, по вашему никогда не иду сам помогать друзьям или родственникам? Потому что глаза зашорены. Не смотришь объективно. А ты поперся в фирму отца. Жди, во вторник у тебя будет группа. Время, так понимаю, теперь уже точно

есть...

И отключается.

Время действительно есть. Обвал систем — убытки колоссальные и теперь уже придется постараться, чтобы здесь и сейчас все не загнулось окончательно. Шанс спасти фирму хоть и существует, но мизерный. И кроме, как себя со своей самонадеянностью, винить некого.

Проход прав. Глаза зашорены и я не увидел очевидного. В обычной ситуации, проверяешь всех досконально и не приходится действовать тайно. А вся эта “аккуратная” проверка, создает дополнительные проблемы и отнимает ценное время. И на кого-то я не посмотрел.

Дава выстроил сложную внешнюю защиту и пока помогал мне с “разбором полетов” внутри система осталась уязвима, а я упустили из вида “крысу”, которая работала под самым носом. А это мог быть кто угодно, как новенькие, работающие по два-три года, так и те, кого я знаю практически с детства, кто был с отцом с самого основания. Кого-то упустил...

В понедельник, с приходом в фирму сотрудников, начинаю масштабные внутренние проверки работников. Больше уже не скрываюсь.

Дава все еще колдует над системой, но сейчас уже не один и дела идут быстрее. Если не отследит вирус, то хоть данные какие-то спасет.

Сам я так и не ухожу из офиса, поэтому Юлю вижу только в понедельник, когда она приходит на работу.

Приходится скинуть на нее, как на зама, все переговоры, да и в целом всю административную работу. Она ничего не спрашивает, не спорит, только молча кивает на словах о проверке и уходит работать.

Что меня напрягает, это то, что она почти весь день торчит у Антона, но к сожалению разбираться с этим возможности у меня просто нет, а зря...

Во вторник в офисе появляется отец.

Заходит в свой кабинет, где я сижу обложившись бумагами. Давы нет, он разносит в пух и прах местных айтишников у них в отделе.

— Как дела сын? — спрашивает, устало опускаясь в кресло напротив.

В его голосе нет ни капли злобы или раздражения, только какая-то обреченность. Он будто в один миг постарел на десяток лет, что неудивительно, в один момент практически потерять дело всей жизни, не просто.

— Мы его найдем, не беспокойся. И все восстановим, — отзываюсь уверенно.

В голове уже даже наметил план восстановления. Много времени, много средств, но результат того стоит.

— Я уже нашел, — и в голосе, и в глазах отца мелькает сочувствие и мне это совсем не нравится. — Мне жаль, но это Юля.

— Это бред, — отвечаю спокойно на заявление отца.

Кричать и нервничать нет повода, я знаю, что это не она. Не слишком правильная и идеальная — может кричать и ругаться, накосячила с заказами — но не без моральных устоев и со своей точкой зрения. Нужно искать либо слишком идеального сотрудника, либо самого незаметного, но Юля, нет... Не пытается выслужиться, чтобы втереться в доверие, совершает ошибки и готова их признавать, спорит и отстаивает свое мнение. И для внутреннего шпионажа нужно быть хорошей актрисой, а чего-чего, этого в ней точно нет.

— Она хорошая девочка Саш, — так же устало откликается отец. — Я взял ее, когда моя старая знакомая из института попросила пристроить “хорошую девочку”. И я принял ее на работу. Молодая, амбициозная... Арина далеко, ты уже во мне не нуждался, а тут молодая девчонка, готовая работать, только направь... и я направил.

Отец замолкает, улыбнувшись краешком губ, а я напрягаюсь. Уж не мог он увлечься Юлей?

Отец видимо понимает мой взгляд, поэтому как-то по-доброму усмехается.

— Нет Саша, я не влюбился в нее. Просто возрастом она была почти, как Арина и я заглушил боль отъезда дочери за границу наставничеством над Юлей. И знаешь, ни разу не пожалел, что взял ее. Как видишь даже решил повысить...

*****

Огромное значение имеет подача информации. Почему в школе или универе одних преподавателей ты слушаешь взахлеб, а у других засыпаешь? Скучный предмет? Это вряд ли. Все зависит от этой самой подачи.

Вот и сейчас, если бы отец орал с пеной у рта, я развернулся и даже и слова не слушал из того, что он говорит. Но он переживал и сам. Я видел это отчетливо и отчетливо слышал, а еще помню, как он переживал в самом начале из-за Юлиного косяка.

— Откуда сейчас взялось, что она виновата? — зная отца, он не мог голословно ее обвинить, значит у него что-то есть.

— У меня было время обдумать все и посмотреть со стороны. — Уже серьезнее отвечает отец. — Когда ты отправил ее на две недели на стажировку, все атаки на систему прекратились.

— Это могло быть просто совпадением. — тут же отзываюсь. Дава тоже говорил про это, но мы оба пришли к выводу, что это совпадение.

— Могло быть, — кивает, соглашаясь отец, — если бы не много маленьких, но весомых “но”. Начнем с того, что у нее оказались выписки из договоров с vip клиентами, которых у нее быть не должно.

— Мы с тобой это тоже обсуждали. Это были не выписки, а обычные рабочие заметки, — возражаю, — к тому же она не аййтишник, чтобы разбираться во взломе системы, она продвинутый пользователь, но для хакерства этого мало.

Это самый весомый аргумент. Все таки основное — это взлом систем и крыть это нечем... как я думал.

— Она была не одна, — идет отец по тому пути, который может разбить все в пух и прах, — посмотри сюда. Вот за этим я ездил, — он протягивает мне плотный конверт, который принес с собой.

Еще до выходных отец уехал, сказав, что у него появились зацепки, даже день рождения Арины пропустил из-за этого, и видимо нашел то, что искал.

Разрываю плотную бумагу и на стол высыпаются какие-то бумажки. Сертификаты курсов по IT технологиям, уровнем не ниже, чем проходил я. Дальше идет копия диплома Московского университета по тому же направлению. Еще один сертификат по кибербезопасности. Протоколы выдачи гранта за победу в создании систем безопасности... и еще с десяток подобных бумажек и все, так или иначе, связанные с компьютерными системами.

Возвращаюсь к началу и смотрю имя — Алепьев Григорий.

— Это подопечный Юли в отделе, это ее Гриша. — говорит отец и я вспоминаю тихого парня из отдела, к которому Юля ездила домой, когда он сидел на больничном.

— Где ты это взял? Мы на него ничего не нашли, — спрашиваю.

Дава рыл на всех информацию и этой в деле Григория не было. Хотя если он так хорош, то не удивительно — мог все почистить.

— Съездил в его родной город и нашел бумажные копии документов.

— Ладно, — соглашаюсь. С таким послушным списком этот Сергей мог все проверить, — но с чего ты взял, что Юля в этом замешана? Она могла и не знать, кто сидел у нее в отделе. Это дела службы безопасности пробивать сотрудников, а не ее.

Я говорю спокойно, но внутри все воеет и выкручивает. Не могла это быть она. Не могла. Никак. Просто отказываюсь в это верить.

— Все так сын, если б не очередное “но”, - на этих словах у меня руки сжимаются в кулаки, я не хочу больше ничего слушать, но отцу есть что сказать, — почему тебе не могли дозвониться в воскресенье? Ты же был с ней так?

— Это не доказательство. — практически рычу. Отец переходит все границы. Он сейчас пытается сказать, что она в субботу уехала со мной, чтобы...

— Доказательство! — припечатывает отец, как и я повышая голос. — Пока ты был с ней, в воскресенье, ее напарник — а я считаю, что они с Григорием именно напарники — приехал сюда и подорвал систему. Я узнал у охраны, но я думаю и на камерах он засветился. А она тебя отвлекала, чтобы до тебя никто не смог дозвониться.

— Это бред, — я вскакиваю со стула и нависаю над столом, уперев кулаки в деревянную поверхность столешницы. Бумаги разлетаются, но я не обращаю внимания. Я сейчас, как бык на корриде, перед которым помахали красной тряпкой. — Ты следил за нами?

— Я следил за ней в числе прочих. — отец тоже поднимается с места. — И не зря. Посмотри вот это, — он швыряет на стол очередной конверт. Разрываю его и на стол падают фотографии. На них Юля и какой-то молодой мужчина. Они обнимаются, а потом сидят за столиком в кафе, мило беседуя. — Знаешь кто это? — отец выходит из-за стола и сейчас меряет шагами кабинет. — Это Долгов Василий, помощник руководителя в схожей с нашим профилем компании в Омске, которая с недавнего времени очень активно пытается пробиться на рынок в нашем городе. А еще этот Василий, университетская любовь твоей Юли, с которым она встречалась до Антона, до того, как прийти к нам работать. С ним она виделась сразу после того, как вы ушли из твоей квартиры.

В голове шумим. Все словно не со мной.

Юля, моя Юля счастливо улыбаясь, обнимала этого Василия...

Ревность, злость, обида, боль — вот, что я чувствовал сейчас.

Сжимаю в кулак снимки с скидываю их на пол.

— Я должен с ней поговорить.

Обхожу стол и выхожу вон из кабинета. К ней. Я хочу с ней поговорить. Она должна все объяснить. Все, что происходило между нами, не могло быть просто игрой! Она бы не поступила так.

— А что случилось? — подскакивает с места Лидия Васильевна, когда я выхожу, едва не сорвав дверь с петель.

Отец идет за мной и что-то говорит ей в ответ, я не вникаю, мне сейчас нужно попасть к Юле. Дергаю дверь в соседний кабинет, отведенный помощнику, но он пуст.

— Она к Антону ушла, — лепечет секретарь и я, развернувшись, иду в их отдел.

— Эй, друг, что случилось? — откуда-то навстречу выскакивает Дава, но я отмахиваюсь от него.

Просто иду из пункта А в пункт Б, не разбирая дороги.

Подхожу к отделу с твердым намерением узнать у Юли все. Даже если она виновата, разберемся и все решим. Пока не знаю как, но точно что-нибудь придумаю.

Открываю до конца едва прикрытую дверь и будто в бетонную стену врезаюсь. Юля стоит спиной ко мне и что — то высказывает Антону, а когда до меня доходит, что именно...

— Бросай свою обожаемую Аришу Антон, и возвращайся ко мне. Ну, а что?

Вот оно чувство, когда вырывают сердце из груди без анестезии.

Юля.

Это какой-то бред, абсурд, сюр...

Ну, не может так быть. Просто не должно.

— Мне жаль Сань, — опускает голову Антон.

Что он сказал? Что Антон сейчас такое сказал?! Он сошел с ума?

Зажимаю рот рукой, чтобы сдержать крик — боль, словно получила мощный удар. У Саши в глазах отразилось такое... все его мысли, все, что он думает в этот момент, пролетает бегущей строкой.

— Саша, — кричу вслед уходящему мужчине и меня захлестывает паника.

Он не слышит. Точнее слышит, но не слушает, просто уходит.

Я дура. Какая я идиотка! Кто тянул меня за язык?

Сердце в груди рвется на части от осознания, что сейчас произошло. Что я сама сейчас натворила! Воздух в груди сперло, не давая сделать ни вдох ни выдох. Он уходит, а я просто задыхаюсь.

Срываюсь с места и бегу по коридорам за ним, не видя ничего и никого вокруг. Из кабинетов высовываются сотрудники, но мне плевать.

Это же бред. Поговорю и объясню. Я представляю, что подумал Саша, но это же ерунда. Он не мог в это поверить, просто не мог. Не после всего, что было в субботу и воскресенье.

Было же все хорошо. Еще в воскресенье все было хорошо. Да, даже сегодня утром.

А потом обеденный перерыв, пустой кабинет и этот идиотский разговор...

Ариша настроила Антона поговорить со мной — сестренка хочет другую пару для своего любимого брата. Уверена, что это была она — при всех недостатках Антона, он бы не стал в это лезть — я уверена.

— Юля он не для тебя, — заявил мне бывший любовник.

Именно так, не бывший парень или мужчина, а любовник — у нас был только секс, разницу я поняла. Саша показал мне разницу. Показал, что такое забота. Показал, каково это быть ЗА мужчиной. Показал до того, как получил что-то от меня. Я ведь ничего ему не давала, даже ответной улыбки не получал, а сейчас, когда я больше всего желала именно отдавать. Подарить ему все то, чего он по настоящему достоин...

— А кто для меня?

На мой вопрос никто не собирался отвечать.

— Я люблю Арину и сделаю все для нее. Поэтому я и предлагаю — брось его. Пока предлагаю, — даже особо не беспокоясь, сдал ту, которая на самом деле этого хотела.

Я так на него в этот момент разозлилась. Так была обижена. Он любит, а на все остальное плевать. Так хочет ей угодить, что остальных можно втаптывать в грязь и плевать на их желания.

Он уже один раз выбрал себя и свои отношения, и я даже его понимаю, сейчас понимаю. Но решать за меня он не может. В наших отношениях с Сашей он третий лишний, как и Ариша, как и любой другой — есть только мы и только нам решать, как жить и что делать дальше. Как раньше он выбрал себя и свои чувства, так и сейчас я выбирала себя.

Но я была так зла. Мне глупо и по — детски эгоистично захотелось отыграться. Мне

вдруг захотелось проверить, на что он готов ради своей бесподобной Арины и эта фраза...

— Бросай свою обожаемую Аришу Антон, и возвращайся ко мне. Ну, а что?

Я бы рассмеялась ему в лицо, если б он согласился. Это не было правдой, это были слова обиженной когда-то девушки, с чувствами которой не считались раньше и не считаются сейчас.

Это была отместка. Месть. Которая ударила больше всего по Саше и мне самой.

Я просто идиотка, дура!

Бегу через весь офис в кабинет начальника.

— Давай поговорим Саша. То, что ты там услышал... это все не так... дай объяснить... — мямлю, замерев у двери.

И самой же было противно от этих слов. Это как застать своего парня в постели с девушкой и услышать “это не то, о чем ты думаешь”. Я сейчас, чувствую себя той самой изменницей, но сделать ничего не могу — это действительно не то, что он подумал и я действительно должна объяснить.

Саша на меня не смотрит, будто и не замечает моего появления, рывками скидывает пиджак, отбрасывает его в сторону, срывает галстук, расстегивает манжеты рукавов и одним движением сдвигает их гармошкой. Подходит к закрытому шкафу, достает оттуда бутылку коньяка и бокал, наливает, выпивает и только после этого поднимает взгляд на меня — стеклянный, отсутствующий. Ощущение будто он сейчас не здесь, будто передо мной кукла, а не Саша, с которым я провела выходные.

Смотрит, наливает еще и снова поднимает взгляд на меня — и теперь уже глаза в глаза. Это раздрающе, будто раскаленным металлом по нервам, будто хлыстом по коже, а не глаза в глаза.

Меня натурально трясет и наворачиваются слезы. Страшно, но я боюсь не его, только не Сашу, я боюсь того, что написано на его лице, а написано там — конец.

— Саш, давай поговорим, я все могу объяснить, — шепчу.

— А если я не хочу тебя слушать? — хрипит в ответ.

Я ко всему была готова — к злости, раздражению, да даже отвращению — это все было ожидаемое, но оказалась не готова к обреченности, которая насквозь пропитала каждое его слово.

Он уже все решил и шанса не оставлял — он не говорил это словами, да ему это было и не нужно, он это транслировал на каком-то ментальном уровне, каждым своим жестом, каждым движением и взглядом говоря, что мои слова ничего не изменят и я невольно растеряла весь свой запал объясниться. Просто вдруг поняла — я не знаю, что ему сказать.

— Да и что ты мне можешь объяснить? — усмехается горько, опрокинув в себя новую порцию коньяка. — Что не ты там уговаривала Антона вернуться к тебе? Или что не пыталась потопить фирму, сливая информацию? — он вдруг наклоняется, поднимает с пола какие-то разбросанные листки, на которые я до этого даже не обратила внимания и швыряет их в мою сторону.

Ожидаемо, они не долетают, с тихим шелестом опадают на пол. Разглядеть с такого расстояния, что на них я не могу, но и подойти сил нет.

Он делает это сам — отставляет пустой стакан, наклоняется, сгребает в кулак остатки валяющихся листов и подходит ко мне вплотную.

Наклоняется ко мне близко-близко, почти касаясь своим лбом моего. От него пахнет коньяком и им, Сашей, тем мужчиной, с которым я провела самые лучшие в моей жизни

выходные — сейчас она долю секунду именно тот Саша, от которого замирало сердце и хотелось обнять весь мир. Сейчас же сердце воет от боли.

— Скажи, за какие грехи мне послали тебя? — выдыхает мне в губы. — Чем таким я провинился, что женщина, которую я полюбил, оказалась мерзкой ядовитой тварью? — это было больно. И самое больное оказалось то, что я толком даже не понимаю за что. Он ведь говорит не только о том, что он услышал внизу, но я совсем не понимаю, о чем.

На последних словах он пихает мне в руки мятые листки и я на автомате подхватываю их. Пошатываясь. Опускаю глаза и понимаю, что держу фотографии. Свои... и я на них с Васей. С парнем, которым познакомилась в институте и который помог, когда я была совсем одна в этом городе, который помог мне здесь встать на ноги, а потом уехал и я не поехала за ним. Мы встретились с ним в это воскресенье, он приехал в командировку и мы столкнулись в кафе...

— Скажи, та информация, которую ты продала ему, того стоила? Стоило передо мной раздвигать ноги ради нее? — Саша шипит в лицо и в этот момент я совсем его не узнаю. Он вдруг становится незнакомым и чужим, холодным и страшным. Хочется отшатнуться, спрятаться, но не могу — куда от него такого спрячешься?

Хлопок. Я сама не понимаю, как это произошло. Просто вдруг начинает гореть рука и, посмотрев на нее, понимаю, что я ей ударила. У Саши огнем разгорается щека. Я ударила его.

Для него это имеет другой эффект. Он вдруг будто приходит в себя — в глазах проясняется. Он отшатывается от меня, будто от мерзкого слизняка, и отходит на шаг.

Потер пострадавшую щеку, опускает глаза на злосчастные фото, валяющиеся в моих ногах и снова смотрит на меня:

— Я поговорю с отцом, он не будет заводить на тебя дело, но ты сейчас уходишь и больше не появляешься, даже близко больше не появляйся рядом со мной и моей семьей. — говорит тихо, но твердо. И этой его твердости хватает на то, что я немного прихожу в себя и могу переставлять ноги.

Приемная, секретарь за компьютером, толпа глазающих зевак во главе с Игорем Валентиновичем и другом Саши, разрывающийся телефон — все будто из другой реальности.

Телефон. Это оказывается мой звонил в кармане. Как сомнамбула, достаю, нажала “ответить” и вдруг понимаю, что больше не могу здесь. Не в офисе или в этом городе. Просто не могу одна. Не выведу. Столько лет... мой запас сил иссяк.

Я не знаю, как я выхожу из кабинета, не помню, как в руках появляется моя сумка и как я оказываюсь на улице.

Все тело наливается свинцом. Меня будто бросили с огромной высоты в асфальт и сейчас говорили — “вставай”.

Тело полностью перенимает на себя то, что творится в душе — голову разрывает на части, в грудь словно запустили колючками, которые колят, не давая нормально дышать, руки онемели, а ноги просто не способны меня нести.

На улице легче не становится, голова кружится, перед глазами все плывет и я просто падаю на асфальт перед зданием офиса и не могу встать. Утрированно? Актерство? Я сама не ожидала того, что тело меня предаст, но сейчас я не могу даже пальцем пошевелить.

Да больно, да плохо, но физически же не пострадала, но тело не слушается.

— Эй, эй, эй, красота, приходи в себя. — сквозь шум в ушах слышу слова, но не

понимаю, кто и что мне говорит. — Да очнись, — а потом я чувствую удар, из глаз льются слезы и я вдруг делаю вдох. — Очнулась?

На до мной стоит незнакомый мужчина и крепко держит меня в руках, оторвав от земли и не давая упасть.

Глубоко дышу — легкие обжигает огнем и я едва не кричу. Боль в легких, словно тону в воде, те же хрипы и режущие ножом спазмы. А я, оказывается, просто не дышала...

— Сейчас скорая приедет, — говорит все тот же мужчина. А меня лишь хватает на то, чтобы отрицательно помотать головой

Краем глаза цепляюсь за здание офиса, в котором проработала чуть больше двух лет, оборачиваюсь. Где-то там в этих стенах Саша.

Я так до конца и не поняла всей сути того, что он мне говорил, одно только ясно — сюда больше уже никогда не вернусь.

Обвинена, унижена и растоптана.

Я больше не хочу здесь...

Прохор.

— Ты уверена, что не нужна скорая? — еще раз спрашивает Прохор у девушки, которая так неожиданно свалилась ему под ноги.

Он смог привести ее в чувства, усадил на лавочку, напоил водой, а когда она немного пришла в себя, попросила отменить скорую и позвонила другу, которого они сейчас и дожидались.

— Да уверена... меня сейчас заберут, — лепечет, но Прохор хмурится.

Девушка все еще бледная, а щеки красные от шлепков ладонями самого Прохора. Никогда он не умел в чувства приводить. Черт знает сколько лет, а так и не научился. Но когда он увидел, как она буквально задыхается умирая на его глазах, ничего лучше не придумал, чем попробовать растормошить.

Сейчас она сидит потерянная, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Кажется, начнись конец света она и не отреагирует.

— Вася, — вдруг лепечет она и пытается встать навстречу мужчине, который выходит из только что припаркованной у обочины машины, но как и ожидал Прохор, девушка еще не до конца пришла в себя — у нее снова кружится голова.

— Сиди, подойдет сам, — Прохор ловит пошатнувшуюся девушку и садит ее обратно на лавочку.

Молодой мужчина и правда подскакивает почти мгновенно к ним.

— Юля, что случилось? — опускается на корточки и берет девушку за руки. — Юля...

Вот значит, как зовут неожиданную знакомую Прохора.

— Вась... ты кажется едешь домой? Забери меня, а? — торопливо говорит Юля, снова пытаюсь подскочить.

— Я отвезу тебя, не беспокойся, — тут же отзывается он, — никаких проблем.

— Нет, нет, ты не понял, мне нужно к нам в город, понимаешь?

— Ей плохо стало, она упала, от скорой отказалась, так что ее бы врачу показать, — говорит Прохор и друг Юли переводит взгляд на него.

— А вы...?

— А я мимо проходил, — пожимает плечами мужчина.

— Спасибо вам, — Василий протягивает руку и Прохор ее пожимает.

А потом Прохор смотрит, как мужчина, бережно поддерживая девушку, уводит ее в машину и как сорвавшись с места они уезжают. Он еще не знает, кого он встретил и кому именно сейчас помог.

Прохор наконец направляется в офисную высотку, в которую он и приехал, чтобы помочь двум своим архаровцам.

Краем сознания отмечает, что пропускной пункт работает не плохо — ни просто кивнули, а спросили фамилию и к кому пришел, записали по всем правилам, сверив документы — неплохо. Такие замечания, иногда даже незначительных деталей — это уже привычка на грани с проф. деформацией.

На этаже нужного офиса сталкивается с ругающейся парочкой.

— Арина, отойди я должен поговорить с твоим братом, — жестко выговаривает мужчина девушке.

— Зачем? Что ты собираешься ему сказать? — недовольно взвизгивает в ответ девушка.

— Что все было не так. Что он все не так понял, — отвечает мужчина.

— Антон, подожди. Ты мне обещал, что поможешь их развести! — беленится девушка, хватаясь за рубашку мужчины.

— Нет. Я обещал, что поговорю с ней, что попробую убедить, но подставлять... это не ко мне, — этот самый Антон, скидывает с себя руки девушки.

— Антон, не делай глупостей. Да, мы не планировали... но в итоге все получилось, как я и хотела.

Мужчина презрительно кривится и отступает на шаг назад.

— А если однажды я тебя чемнибудь не устрою, ты тоже вот так от меня избавишься? Максимально безболезненно для себя и плевать на остальных! Ладно на нее тебе плевать, но он же твой брат Арина, тебе его то не жалко?

Что ответила девушка Прохор уже не слышит.

Откровенно говоря, он спешит к своим парням, собирается пропесочить за самонадеянность, но картина, которую он застаёт в приемной заставляет его отложить “разбор полетов” на потом.

Давид, незнакомая ему женщина и отец Александра сидят на диванчиках в приемной, а за дверью с надписью “генеральный директор” периодически слышится шум.

— Геннадий Юрьевич, — Давид замечает своего начальника первым. Поднимается с места и протягивает ему руку.

— Что здесь Давид? — отвечает на рукопожатие Прохор.

— Там Саня, — кивает на многострадальный кабинет, из которого раздается звук разбитого стекла.

— Здравствуй Геннадий Юрьевич, — поднявшись с места приветствует Игорь Валентинович.

— Приветствую. — отвечает. Шапочно с отцом своего сотрудника Прохор знаком.

— Это Лидия Васильевна, мой секретарь. — представляет женщину директор. — Лидия — это начальник Саши, Геннадий Юрьевич.

Прохор кивает женщине и ловит на себе ее задумчивый взгляд.

— Мы отойдем с Давидом, — говорит Прохор и кивает подчиненному на выход, — идем.

— Можете занять зал для совещаний, — предлагает хозяин фирмы и снова устало опускается на диван. Чтобы тут не произошло, работа в фирме встала, но, кажется, это мало кого волнует в данный момент.

— Ну, рассказывай, — кивает Прохор, как только они рассаживаются в отведенном зале за столом.

Давид вздыхает и рассказывает все с самого начала. С момента, как Сане позвонил отец, попросив о помощи и до сегодняшнего дня.

— И где она сейчас? — интересуется Прохор, выслушав Давида.

— Ушла. — пожимает плечами мужчина. — Саня ее выгнал. Услышал ее разговор с бывшим и...

— Что она рассказала про слив информации?

— Да ничего не рассказала. Они толком и не поговорили...

Прохору в этот момент очень захотелось отвесить подзатыльники. И Давиду и уж тем более Александру. Увы, они уже не зеленые пацаны, для которых такая мера воздействия

имела бы хоть какое-то значение...

Накосячили. Оба. Знато. Именно из-за таких ситуаций, как сейчас, Прохор очень внимательно следит за тем, чтобы его сотрудники даже с просто знакомыми не пересекались в проверяемых организациях.

— Ну, а этот ее сотрудник... Григорий? Он где сейчас? Вы с ним поговорили?

— На своем рабочем месте. Но поговорить тоже еще не успели. Все стало известно меньше часа назад.

— Ну пойдём значит поговорим с ним. — поднимается с места Прохор. — А то поговорить нормально ни с кем не успели, а дел уже наворотили.

Давид молча ведет своего шефа по коридорам к нужному отделу.

Прохор привык опираться на факты, но чутье говорит, что Григорий, которого он еще даже не видел, не при чем. Почему? Потому что нужно быть отбитым на всю голову, чтобы в открытую прийти в офис, обвалить сервера, а на следующий день, как ни в чем не бывало, прийти на работу. Если б действовал скрытно, то еще можно понять — не захотел своим резким исчезновением привлечь внимание, а так... сделать все в открытую и прийти — надо быть идиотом или... невиновным.

Григорий на своем рабочем месте, как впрочем и все остальные сотрудники отдела — те самые девушка и парень, что ругались в коридоре и еще пять девушек.

Увидев Прохора все быстро опускают глаза в экраны компьютеров и что-то начинают там делать — уже были предупреждены о масштабных проверках. Большой вопрос правда в том, что они там пытаются сделать, если сервер “лежал”. Странно, что их вообще не распустили — они бы даже пасьянс не смогли сейчас разложить на этих компах, которые по функционалу, в данную минуту, не на много полезнее куска железа.

Единственный, кто действительно что-то делал — это тот самый Григорий. Он сидел с подключенным к своему компу планшетом и выписывал какую-то программу. Не таясь и не прячась. Нагло.

Прохор подходит, встает за спиной у парнишки и ждет, пока Давид выпроводит всех из отдела. Если проверка больше и не была секретом, то это совсем не означало, что разговоры с сотрудниками должны стать достояниями общественными, ну, а еще, меньше знают, больше нервничают и совершают ошибки, которые могут натолкнуть на того, кто провернул здесь такую хорошую комбинацию.

А Григорию будто все равно, он как сидел и выписывал программу, так и продолжал, пока все покидали отдел.

— Хм... а ты очень даже неплох, — хмыкает Давид, внаглую заглядывая в планшет к Григорию, — только что ты пытаешься этим сделать? Там уже работают спецы.

Айтишники — люди, которые особенно бережно относятся к личному пространству, но о личных границах других людей — знают лишь отдаленно.

— Одно другому не мешает. Только пока вы восстанавливаете систему, я пытаюсь выудить документы. — парирует мужчина.

— Это каким же макаром? Каким бы ты не был гением, доки не спасти.

— Это вам не спасти, а я еще как спасу, — внаглую ухмыляется Григорий.

— И как же? — Давид недоверчиво щурится.

— Ну ты ж вроде в теме, подумай.

— Ты что, все скопировал куда-то..? Насколько я знаю — это запрещено...

— Ну наругай меня...

— Так, хватит. — хлопает по столу Прохор. Как бы не было интересно слушать перепалку этих двоих, но сейчас не время. — Скажи-ка Григорий, твоя начальница, Юлия Андреевна, причастна к сливу информации?

Спрашивать про то сделал ли это сам Григорий в данной ситуации глупо, а вот вопросы такого формата Прохор очень любил. В нем столько подводных камней, главное позаботиться, чтобы ответ был чуть длиннее, чем “нет”.

— Юля — то? — Григорий даже отрывается от планшета и смотрит, наконец, на собеседников. — Ну не знаю, конечно, но если уж так разобраться, даже я более правдоподобный вариант, чем она. Она умная девушка, но не до такой степени, чтобы ломануть систему. Она пользователь, а для этого надо быть кем-то покруче...

— Таким как ты? — интересуется Прохор.

— Ага, — не стесняясь ухмыляется Григорий.

Через часа два Прохор покидает отдел, полностью удовлетворенный полученной информацией. Григорий не при чем. А значит обвинения против девушки Александра беспочвенны. Они строились на том, что она действовала заодно с Григорием, но это не подтвердилось, а мужчина прав — Юле не хватило бы знаний произвести такой грамотный взлом. Сам Григорий получил сигнал о взломе системы и рванул в офис ее восстанавливать. Он уже давно поставил “маячок” на свой комп, а еще именно он тот, кто, в обход тех. отдела, больше года занимается восстановлением систем, когда они ломаются.

Григория, конечно, еще проверят, но для Прохора он больше не представляет интереса, очевидно, не его рук дело, единственный вопрос — что забыл продвинутый айтишник в отделе оформления заказов, но с этим разберутся.

Давид остался проследить за восстановлением файлов, а Прохор пошел встречать своих парней, которых вызвал, помог им обустроиться в свободном кабинете и дал задание, а сам отправился в кабинет генерального — пора было поговорить с Александром.

Не удалось — Саня уже был в той кондиции, когда и двух слов связать толком не могут. “Помятый”, полулежал на диване, в компании с бутылкой коньяка и бокалом. Прохору еще не доводилось видеть своего подчиненного в таком виде.

Всегда собранный, ответственный. “Свой человек” со стальным стержнем и хорошей профессиональной хваткой — таким знал Прохор Сашу. Даже на отдыхе этот мужчина не позволял себе напиваться до такого состояния и вот сейчас...

Прохор прошел через кабинет и уселся напротив. Ни секретаря, ни отца этого балбеса на месте не было.

— Саня, я понимаю, у тебя тут личная драма, но мне нужно поговорить с твоей Юлей. — Прохор отобрал бутылку и стакан и уселся в кресло напротив.

— О, — Саня хохотнул, — я тоже хотел с ней поговорить... а она ту-ту... представляешь... уехала со своим этим... Ва-сей.

— Откуда знаешь? — поинтересовался Прохор, а у самого в голове пазл за пазлом складывалась картинка. Та девушка, которая упала на улице — Юля — и парень, который за ней приехал — Вася. Явно не совпадение. Это была она. Нужно, конечно, глянуть камеры на проходной и показать Давиду, чтобы убедиться, но Прохор почти уверен, что встретил именно эту девушку.

— Ребят к ней отправлял... а соседи сказали, что уехала... с ним...

— И когда только успел? — вздыхает Прохор.

Рассказать бы об этой встрече Сане, только он уже завалился на бок и спал, да и в целом

явно не в том состоянии, чтобы воспринимать информацию.

Минус один адекватный работник. Пусть только очухается, мало ему не покажется.

— Что с ним? Что такое? — в кабинет ни с того ни с сего влетает молодая девушка и сразу бросается к Саше.

Обхватила его лицо руками, наклоняясь к его лицу и тут же отпрянула, скривившись... Да, да, бухой мужик это совсем не красиво и не романтично — это неадекватная туша с вонью перегара.

— Фуууу... он что пьян? — возмущенная, она повернулась к Прохору.

— Да пьян. А вы кто юная леди? — спросил Прохор, но только для вида. Он знал, что это Карина, бывшая Саши.

— Это Карина, девушка моего брата, — раздался голос от двери. Прохор обернулся — там стояла та самая девушка, что ругалась с парнем в коридоре. Присмотрелся — это сестра Саши.

Прохор мысленно усмехнулся — теряет хватку, в коридоре сразу не обратил внимания на нее, не рассмотрел, а сейчас слова мужчины, с которым она ругалась обрели новый интересный смысл.

— Вы можете нам помочь донести его до машины? — обратилась к Прохору Арина. — Моему брату необходимо отдохнуть, Карина позаботится о нем.

Брови Прохора взлетели вверх. Такого он еще не видел. Разваливается фирма, а сестра пытается устроить личную жизнь брата. С чего это Прохор так решил? С того, что много всего повидал и вызывать бывшую девушку, чтобы помочь с братом, когда Арина могла вполне сама поехать с ним домой... женская логика отдельных представительниц этого славного рода, непостижима.

Вместо того, чтобы помочь Саше, ему в данный момент пытаются подкинуть еще больше проблем. Завтра Саше предстоит решить очень много проблем.

В пиджаке на кресле возле рабочего стола зазвонил телефон. Девушки оторвались от Саши и Карина пошла к креслу. Подняла пиджак и выудив телефон из кармана, ответила на вызов.

А ведь это пиджак и очевидно телефон Сани...

— Алло... Нет, он не может подойти к телефону, — между тем говорила Карина в трубку, — Нет, Юля и вам больше не стоит сюда звонить, — и сбросила вызов.

Хах... У Сани завтра будет совсем не доброе утро.

Все видели тег "встреча через время"? Вот мы и подошли к нему. Встретимся через... три года...

Три года спустя.

Юля.

Что я чувствую из-за того, что меня дернули на работу в мой законный отпуск, о котором я предупредила заранее и сказала, что на эти две недели я окончательно и бесповоротно “умерла”? Раздражение или злость, а может досаду? Нееет — страх. Такой затягивающий, необъяснимый, с мурашками по коже и замиранием сердца. Почему? Потому что в этот самый момент, дома без присмотра остались два маленьких чертенка — Миша и Маша. И я вот совсем не уверена, что вернувшись домой, я обнаружу свою квартиру в том виде, в котором ее оставила. Точнее уверена, что таковой она не останется.

Племянникам по восемь, они уже второклассники. Выросли — и проказы выросли вместе с ними. Классный руководитель молится, чтобы начальная школа быстрее закончилась — мечтательница. Учителя старшей школы крестятся в надежде, что они перейдут в другую школу — наивные. Алиске, которую пришлось сейчас брать с собой, хоть всего и два года, но она уже под стать старшим брату и сестре.

— *Юлия Андреевна, вы же знаете, у фирмы проблемы, и идут проверки, поэтому будьте добры приехать. Это просто разговор, вас надолго не задержат.*

Конечно, не задержат. Щас приеду с Алиской, максимум пятнадцать минут и они выпроводят меня сами, лишь бы я увезла ее.

Проблемы были вчера и, я уверена, будут завтра. Подождали бы еще недельку и я бы вернулась сама. Все рассказала, показала и даже бы доброжелательно улыбалась, сейчас же смогу только рычать и пилить мрачным взглядом.

Все потому, что после вчерашнего дня, проведенного в парке аттракционов, я и Алиска вырубилась, а Мишка и Машка только притворились спящими, а сами решили вызвать клоуна. Откуда они взяли, что его можно вызывать, а делать это нужно непременно ночью, при свечах, перед зеркалом и с жутко нарисованными на лицах гримасами, без понятия. Знаю одно, что когда я пошла ночью за водой для Алиски и заглянула к ним, от моего ора проснулись даже соседи.

Через час снова уложив спать Алиску, отпоилхфа коньяком соседей, отмыла Мишку и Машку, прочитала им лекцию о том, что нельзя баловаться свечами и тоже уложила их в постели. Что тут скажешь — спасибо, что ничего не загорелось от свечей. А сама до утра пила кофе с валерьянкой. Странное комбо, но видит Бог, так страшно мне еще никогда не было. Как вспомню бледные лица племянников с нарисованными улыбками, как у этих жутких Хаги-Ваги и Киси-Миси, так дрожь по телу. Чувствую к выходу на работу я буду седая, так что раз уж я еду к ним, пусть запомнят меня такой — выйду из отпуска постарев лет на двадцать.

Такси высаживает нас прямо напротив входа в офиса. Сумка через плечо, Алиска на руки и вперед. Набегаться эта деловая колбаса еще успеет, поэтому сейчас пусть сидит тихонечко на руках, а я пока наслажусь последними секундами спокойствия. Маленький ребенок плюс незнакомое помещение с разными неизученными еще местами и предметами — мечта для дитя и головная боль для взрослого.

— Оу, — озвучивает мое появление Алена, секретарь нашего директора. Мы с ней неплохо общались и она имела честь быть знакомой со всеми троими моими племянниками.

— Да, когда я говорила, что буду очень и очень занята, я имела в виду вот это. — дергаю вверх руки с племяншкой. Алиска хохочет — попрыгушки ей нравятся.

— Оу, — повторяет Аленка, но все таки отмирает и помогает мне.

Пока я скидываю с себя пальто, она помогает раздеться Алиске и заодно вводит меня в курс дела:

— Еще вчера приехали очень крутые мужики. Во всем офисе навели шухер. Бухгалтера чуть до инфаркта не довели, а нач. без. заработал нервный тик. Наши девчонки в ноги им падают, правда непонятно от чего, от того, что они красавчики или от того, что пипец как страшно. Говорят, где они появляются везде шмон по всем фронтам и увольнения. Уж не знаю, как наш Маркуша их сумел к нам притащить, но они за сутки сделали больше, чем служба безопасности за полгода.

— Давно пора, — бурчу в ответ. — Меня то чего дернули? Или уже и до рядовых сотрудников дошли?

— Неее, тебя вызвали, как зама начальника отдела, — тянет Аленка.

— Я не зам, — скидываю всю верхнюю одежду в кресло для посетителей и снова поднимаю Алиску на руки. — С чего я то?

— Да, но все знают, кто в отделе выполняет всю основную работу и, как только спросили, Маркуша всю правду и выложил. Прости. — сочувственно говорит девушка.

— Зашибись. Вот и помогай после этого.

Вот и нафиг мне это надо? Загибался отдел, ну и пусть дальше загибался бы. Только нам “тонко намекнули”, что скорее сменят нас всех, чем начальника отдела — протеже, какого-то делового партнера, вот и стали мы выгребать из того болота, куда нас планомерно загоняли. У меня оказалось чуть больше организационных навыков, вот и получилось, что у меня чуть больше обязанностей.

Да, мне в замы предлагали идти, только ну его нафиг, хватит с меня повышений — оказалось так здорово быть рядовым сотрудником, одним из тысяч. Меньше ответственности, меньше спрос, меньше проблем. Только и тут не получилось...

— Посидишь с Алиской, пока я схожу к этим крутым мужикам? — спрашиваю с надеждой.

— Ой, не не не, Юль, я не справлюсь, — испуганно тараторит Аленка. Я же говорила, да, что с моим племянниками она уже знакома? Так вот, с их проделками она тоже знакома, — возьми с собой, может сжалятся и отпустят быстрее?

— Скорее испугаются и попытаются быстрее избавиться. — усмехаюсь. — Ладно, докладывай. — киваю ей на селектор, удобнее перехватывая Алиску.

— Марк Сергеевич, Юлия Андреевна пришла. — докладывает Аленка и шепчет уже мне. — Удачи.

А удача мне ох, как нужна. Прямо здесь и сейчас, в эту минуту. Варианта "пришла и не сразу увидела" или "пришла и посетители сидели спиной, а я не узнала", не было.

Пришла, сразу увидела и сразу узнала. По другому и быть не могло. Двоих из троих посетителей Маркуши знала великолепно, но только на одном застаиваю глазами и не могу перевести взгляд. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять от кого я не могу отвести взгляд — Саша.

Очередная моя работа, очередные проблемы и снова он.

Ну, здравствуй, мой ад. Давно не виделись.

Ну вот где справедливость? Три года прошло! Почему он не мог за это время потолстеть, облысеть и растерять все свои зубы. Стоит весь такой... шикарный, будто было мало его харизмы три года назад и решили добавить еще чуток. Тот случай, когда годы пошли на пользу. Строгий взгляд, поджатые губы — он будто стал матерее.

И я такая — помятая после бессонной ночи, уставшая, недовольная... А так мечтаешь при встрече с прошлым выглядеть на миллион, чтобы увидел и кусал локти... Мечты, мечты...

Саша стоит, засунув руки в карманы темных строгих брюк, в рубашке с привычно собранными в гармошку рукавами и смотрит на меня с Алиской. Внимательно, цепко, будто пытается запечатлеть каждую деталь. Он впивается глазами в Алиску и замирает мраморной статуей, пораженно нас рассматривая.

Да, зрелище то еще, когда племянка уменьшенная копия своей мамы, которая очень похожа с тетей.

Я тоже частенько смотрю на Алису и думаю о том, что у меня у самой уже могла бы быть такая малышка, похожая на меня. Три года назад я почти неделю даже жила с мыслью, что у меня будет ребенок и, не смотря ни на что, даже успела порадоваться этому, но... это был всего лишь сбой цикла из-за нервного перенапряжения и ложно-положительный тест.

Так что не смотри Саша, это не наша дочь.

Плевать! Какая вообще разница, как я выгляжу и что он думает? Мне не перед кем тут красоваться. Да и не хочется, чтобы он кусал локти. Ничего не хочу от него. Только чтобы ушел. Я наладила свою жизнь продолжила жить дальше, а его нахождение здесь... будто ржавым гвоздем расковыривают старую рану.

Я же оправилась — я же смогла... А точнее просто не дала себе шанса убиваться и жалеть себя. Да и возможности для этого было не много, если уж совсем по-честному — разрыв с Сашей, мое возвращение домой, а потом мечты о беременности и малыше, которые в итоге рассыпались, как карточный домик, и еще больше внимания сестре и племянникам.

Я просто забила все свое свободное время делами, чтобы не было ни секунды остановиться и передохнуть, потому что именно в такие моменты в голову лезут никому не нужные мысли и чувства. А вечером, заваливаясь уставшая домой, либо падала и сразу отключалась, либо таблетка снотворного и без сновидений до утра — лишь бы не было времени чувствовать.

Потом... как то само все наладилось — успокоилась, нашла другую работу и окончательно перечеркнула все, что меня связывало с той, другой жизнью.

Алиска завозилась на руках, напоминая нерадивой тетке, что тут вообще-то есть кое-кто поважнее, чем никому не нужные воспоминания.

— Прости милая, сейчас, — опускаю Алиску на пол. Она пытается тут же удрать, но я хватаю ее за руку, — если можно, давайте быстрее? — обращаюсь к своему шефу. К единственному из здесь присутствующих, с кем могу относительно спокойно разговаривать.

Минут пять уходит на то, чтобы обустроить Алиску. Усаживаю ее рядом с собой за стол, в наглуую беру у шефа для нее листы бумаги, ручку и маркеры, выкладываю привезенные с собой любимые игрушки маленькой непоседы и только потом присаживаюсь сама.

Этих минут, которые я безбожно растягиваю, хватает на то, чтобы собрать себя в кучку

и хотя бы внешне не выглядеть полной размазней. Внутри же раздрай — оказывается больно вот так столкнуться с прошлым. Я же надеялась, что отболело, а тут вдруг... В груди колет, словно острым шипом, а взгляд против воли возвращается к нему.

Это, как навязчивая идея, незакрытый гештальт, когда появился и остался висеть “в воздухе” вопрос “Почему?”. Все закончено, уже все произошло, но не отпускает — потому что для себя так и не разложил все по полочкам, потому что так и не поговорил и не расставил все точки над “і”. Вот и у меня так — точка не была поставлена и мозг стремится исправить незаконченность, продолжая мучить и без того потасканную душу.

— Юлия Андреевна, познакомьтесь это Александр Игоревич и Давид Германович и Геннадий Юрьевич Прохоров, их начальник, — Маркуша проявляет себя образцовым шефом и представляет мне мужчину, которого я не знаю и еще двоих, которых не хотела бы знать. Никто и не дергается. С горечью осознаю, что Саша предпочитает сделать вид, что не знает меня. — Они были приглашены нашим генеральным директором для помощи в расследовании случаев утечки информации.

— Ну, а я тут причем? — я тоже включаюсь в игру. Я тоже умею делать вид, что все нормально.

Все хорошо и не важно, что все внутри кровоточит, жжется и болит. Все равно, что взгляд, то и дело ускользает к человеку, которого я когда-то пустила в свою жизнь и душу. Совершенно неважно, что мужчина, которого я когда-то полюбила, сейчас делает вид, что я просто пустое место. Что ж, мне не привыкать.

Третий лишний — всегда и везде. Это, как клеймо, от которого никак не избавиться. Ненужный элемент, мешающий фактор, путающийся под ногами.

Я обожглась. Чего уж там, почти сгорела — с головой нырнула в “Сашу”, обнажила себя перед ним и отдалась в его руки без всяких “но”, недомолвок и сомнений. Считала, так правильно — если любить то на все сто, на полную отдачу, без оглядки.

Где-то читала, что любовь это как вода, пока ходишь по берегу, только и делаешь, что злишься, потому что мокнут ноги, тебе холодно и никакого удовольствия, чтобы почувствовать прелесть воды, насладиться, согреться, нужно нырнуть — вот я и нырнула. И потонула.

Открылась, вывернула себя наизнанку, но кроме боли ничего не почувствовала — хватит. Эта ракушка больше не откроется. Больше не позволю даже малейшую брешь пробить. Слишком дорого мне это обходится.

Все можно пережить и выдержать. И появление Саши здесь выдержу. Главное здесь и сейчас все это перенести, а потом я уеду домой, запрусь с племянниками в комнате и выброшу все, что меня мучает, за порог. Главное пережить здесь и сейчас... Если ему все равно, я тоже заставлю себя не чувствовать.

— Юлия Андреевна, — снова говорит Маркуша, — все дело в том, что информация стала пропадать после вашего прихода. До этого ничего такого не было. И мне достоверно известно, — он бросает выразительный взгляд в сторону мужчин, — что вы уже и раньше промышляли промышленным шпионажем, поэтому мы считаем, что это сделали Вы...

Не таясь смотрю на Сашу и сталкиваюсь с его внимательным взглядом. Строгий, серьезный, безэмоциональный...

Да чтоб ты провалился Александр Игоревич!

*****

— Вот же сволочь, — гневается Леська размахивая руками, — и как только язык

повернулся такое сказать?

— Ну вот как то так...

— А ты чего?

— Сказала, что все дальнейшие разговоры будут проходить через моего адвоката, — поймаю плечами, отхлебывая чай.

После последних слов Маркуши, в офисе я больше не оставалась ни минуты. Тут же собрала все Алисины игрушки и ушла, не желая больше слушать этого бреда. К счастью, меня никто не остановил.

И Саша... он просто проводил меня своим цепким внимательным взглядом и все. А я, я только искоса смотрела на него, сдерживая ком обиды, застрявший в горле, и в любую минуту готовый вылиться слезами. Но я не позволила себе заплакать. Только не здесь и не при нем. Хватило того, как я на него пялилась, не смея отвести глаз, когда только пришла.

А вот придя домой, уложив Алису на дневной сон и усадив старших за раскраски-мандалы, позволила себе позвонить по видеосвязи сестре и "поплакаться" ей.

— А вот это правильно. Ибо нефиг... Так, я сейчас закажу билет и вернусь. И давай позвоним папе, он быстренько все решит.

Папа да, папа может, но...

— Нет, Лесь, приезжать не нужно, занимайся своим здоровьем, это сейчас важнее. И папе позвоним только в самом крайнем случае — ты же его знаешь, всем влетит за то, что посмели обидеть его принцессу, даже разбираться не станет.

Да, за три года моя жизнь круто изменилась — мало того, что я переехала и сменила работу, я ещё и с отцом и мамой наладила отношения. Не скажу, что все отлично, диктаторские замашки у папы никуда не делись, но мы по крайней мере общаемся и эту работу мне подкинул именно он, а подставлять его не хочется. Хотя... и так, и так подставляю. Он же получается за меня поручился, а сейчас меня обвиняют в шпионаже.

— Юля, але! — еще громче вопит сестра — Ты тоже вообще-то важна! Это твоя работа, твоя карьера, твоя жизнь в конце концов!

— Это уже не так важно, все равно увольняться придется, — вздыхаю, только сейчас окончательно осознав всю патовость ситуации.

— С какого это баяна, ты увольняться собралась? Ты ни в чем не виновата! — Леська сегодня решает побить все рекорды громкости.

— Знаю, но и оставаться в этой фирме больше тоже не смогу. Ходить и делать вид, что не было этих обвинений в шпионаже, у меня не получится. Маркуша откуда-то узнал о моем прошлом и тут же скинул всю вину на меня, не разбираясь. Думается мне, что теперь при любой проблеме будет также — первые подозрения сразу будут падать на меня. Не хочу.

— Юль, может все таки позвоним папе? — воинственный настрой с Леськи слетает и вот теперь она по настоящему взволнованна. За меня переживает и оценивает всю сложность ситуации.

А ситуация действительно не ахти.

— Нет, не стоит, — мотаю головой, снова отхлебывая почти остывший напиток и поморщившись. Для меня зеленый чай насколько обалденный горячим, настолько же отвратителен остывшим. У меня уже второй вариант. Приходится отставить сей чудесный напиток в сторону. — Я обращусь к юристу, как и советовал мне Вася. Надо было в прошлый раз это сделать, но... теперь точно обращусь. На судьбу уповать не стану.

Да, да, я таки узнала, за что в прошлый раз меня выперли взащей. Не помню уже зачем,

я позвонила Ане через пару дней после своего отъезда, наверное, чисто женское, хотела хоть обходными путями узнать про Сашу, а узнала то, чего точно не ожидала — меня обвинили в шпионаже и все слова Саши, там в кабинете, встали на свои места и стало еще больше — не только не дал оправдаться, но и решил, что я могла так поступить.

Тогда был рядом Вася и я, позорно ему пожаловалась. Если водопад, который я устроила у него на плече, вообще можно так назвать. Он тогда и предложил обратиться к юристу, чтобы защитить мои права, но я отказалась. Меня так раздавила вся эта ситуация — мне не захотелось бороться. Я тогда просто опустила руки, загрузилась делами и плыла по течению.

Наверное, и сейчас поступила бы так же, если б это не грозило задеть отца.

— Ты почему такая спокойная? — снова прикрикивает сестренка. — Какой-то армагеддон происходит, а ты сидишь, как ни в чем не бывало, чаек попиваешь.

Да, я спокойна. Все, что приходит мне в голову в такой ситуации, это попробовать объясниться, рассказать, что я не виновата, вот только один вопрос, а кто поверит-то? Маркуша? Да он же первый и заговорил обо мне, как о преступнице. Давид или их начальник? С чего бы им верить абсолютно незнакомому человеку. Саша? Он уже три года назад доказал, что не верит.

А значит это только одно. Снова другая работа и скорее всего даже в другом городе. Увы, но город, это большая деревня и об этих обвинениях уже скоро будет известно всем и каждому, по своим же каналам, по всем фирмам Маркуша распространит информацию, своеобразный черный список работников, а с такой характеристикой, если и возьмут уборщицей, то хорошо и то не стоит особо рассчитывать.

Ну ничего, Россия большая. Западную часть посмотрела, теперь можно в восточную перебираться. Что там у нас на другом краю страны? Владивосток? Отлично. Или можно не так далеко, например в Сибирь — Новосибирск.

Сама не заметила, как разговор с сестрой уже завершился, а карты страны так и остаются открыты на экране ноутбука.

— Привет, Вась? — набираю номер старого друга. — Можешь приехать?

— Привет, Юля-юленок, — обзывает меня таким же старым, еще университетским, прозвищем, заставляя улыбнуться, — хах, без проблем. Пять сек и я у тебя. Быстрее, чем супермен.

Проходит и правда секунд пять, когда в дверь звонят. Хотя бы теперь понятно, к чему было это Васино “хах” — он уже ехал ко мне. Тем лучше, успеем поговорить до того, как Алиска проснется.

— Ну ты прям метеор, — решаю поддержать его игру, открывая двери, — и правда круче суперме-на. — окончание слова я проговариваю после паузы. Просто за дверью стоит совсем не Вася.

Александр.

— Ну хватит уже дымить, — стонет Дава, сдвигаясь на противоположный край лавочки.

— Тебя никто не заставляет сидеть рядом, — отвечаю усмехнувшись, но сигарету выбрасываю.

Сейчас, когда Юля от меня на расстоянии нескольких лестничных пролетов не могу сидеть спокойно.

Обычный двор обычной многоэтажки, клумбы с уже засохшими цветами, старая лавочка, пользующаяся популярностью у местных бабушек, детская площадка напротив, явно новая, с логотипом предвыборной кампании местного мэра.

Вот значит, где ты пряталась от меня, Юля.

Три года. Чертовых три года. И вот сижу здесь, под ее подъездом и до конца не верю, что нашел ее.

— Да, — отвечаю очень настойчиво звонящему абоненту, обрывающему мой телефон.

— Ты разобрался? — звонивший, как и всегда, не обременяет себя приветствием.

— Разобрался в чем? — отвечаю в его же манере.

— Не морочь мне голову, мальчик, я спрашиваю, что там с моей дочерью? — нетерпеливо рявкает отец Юли.

Я уже привык к его манере общения. С этим человеком я знаком уже почти три года. Мы не виделись вживую, у нас были только телефонные разговоры. Много разговоров.

Тогда три года назад, когда я... прогнал Юлю... накосячил. Расклеился. Вместо того, чтобы разбираться и решать проблемы, заперся в ее кабинете и пил, не просыхая несколько дней.

Пока не пришел Дава и кулаком по челюсти привел меня в чувства.

— *Ладно я debil. Но ты ее знал, как ты то как мог в это поверить?* — орал он тогда.

О чем он говорил, я понял чуть позже — это не она сливала информацию. Мы узнали, кто. А дальше больше, ко мне прорвался Антон и рассказал, что на самом деле произошло там, в отделе. И в отличии от меня, идиота, он понимал, что Юлины последние слова были чем угодно — издевательством, насмешкой, но никак не правдой. Я, ревнивый придурок, этого не понял.

Ринулся ее искать. Тогда-то впервые и нарвался на ее отца. Стал пробивать ее семью, рыть глубже, пока не раздался телефонный звонок.

— *Я не люблю, мальчик, когда копаются в моем грязном белье,* — с усмешкой проговорил мужской голос на том конце провода. — *Не зарывайся.*

Тогда я понял, что идиот в квадрате. Юлин отец, Андрей Юрьевич, был далеко не последним человеком в своем городе. Серьезный бизнесмен со стальным характером. Мы с ним тогда “любезно” пообщались, он сетовал на то, как расстроен нашей размолвкой с его дочерью, а я поделился своими печальми, что она потерялась и не могу ее найти, а если проще, то обматерили мы друг друга тогда — он орал, что на пушечный выстрел больше не подпустит меня к дочери, а мне было глубоко наплевать на его мнение — я должен был ее найти и принялся рыть дальше.

На почве моих поисков у нас и возникали темы для “бесед”. Он то звонил издевался, играя в игру “тепло-холодно”, когда я рыл ни в том направлении, то орал, чтобы не лез к

нему и его семье, когда подбирался ближе.

Так продолжалось пару недель, к тому моменту уже стала известна вся схема слива информации в фирме отца, все крысы были выловлены и ждали наказания, а я собирался рвануть в Юлин родной город, потому что спряталась она на виду — у себя дома.

Не уехал.

В ночь перед отъездом мне позвонил отец — сестра попала в больницу. Выкидыш, оказывается она была беременна. В эти две недели и я и отец откровенно забили на сестру. Отец занимался фирмой, пытаясь наладить дела, а я в поисках Юли и вылавливания крыс помогал отцу. А у Арины участились скандалы с Антоном, ей не понравилось, что он мне все рассказал.

— *Да, что вы так все в нее вцепились? Пропала и слава богу, а вы носитесь с ней все. Как же меня бесит эта дура. Как же я ее ненавижу, — орала моя сестренка — "ангел" и я впервые с трудом себя сдерживал, чтобы не подойти и не тряхнуть ее.*

После этого я больше не разговаривал с ней, а через полторы недели узнал, что она в больнице с выкидышем. После очередного скандала с Антоном, он собрал свои вещи, съехал из их общего жилья. Арина решила проучить его, написала ему прощальное смс и наглоталась таблеток. Дозу рассчитала правильно — несколько таблеток снотворного, чтобы отключиться, но не умереть, не рассчитала одного, она была беременна и пока была в отключке у нее открылось кровотечение. Врачи ничего не успели сделать — ребенка она потеряла.

В этот раз обвинила Антона, меня, отца. Мы, эгоисты, которые думают только о себе.

Больница и психологи-психиатры для нее — это были условия отца.

Он лично отвез ее в реабилитационный центр за городом, сдавая на руки первоклассным врачам, а вечером, когда вернулся домой, его разбил инсульт. Вся правая сторона тела, рука, нога, правая часть лица перестали нормально функционировать. Но самое главное — выжил.

Через пару недель, после всего случившегося, поехал к сестре. Я собирался забрать отца из больницы домой, врачи давали добро, и нанять ему специалистов для ухода и реабилитации дома — он устал лежать в больнице. Угасал на глазах — морально угасал. Надеясь его взбодрить, хотел поговорить с Ариной, о ее возвращении — полагал, что присутствие и забота дочери поможет ему, но не учел возросшей ненависти сестры.

— *Вы стихнули меня в психушку. Да я вас ненавижу. — орала она, кидаясь и пытаясь впиться ногтями в лицо. — Из-за вас я потеряла ребенка. Убийцы.*

И я уехал. Просто не мог больше на нее смотреть.

Мы все, я, Арина, отец — три человека, которые когда-то были одной семьей, самыми близкими друг-другу людьми, сейчас ненавидели. Я ненавидел Арину за ее эгоизм, она ненавидела меня и отца, не понимая почему мы не спускаем ей все по прежнему с рук, а отец за что-то определенно ненавидел меня или просто не хотел видеть — его голова, повернутая в сторону стены, во время моих посещений, говорила красноречивее любых слов.

“Все развалилось без тебя мам” — тогда я отчетливо понимал, что все пошло прахом именно когда не стало ее. Она была тем, кто делал из нас семью, а не просто набор людей, вынужденных жить вместе. Будь она жива и с Ариной все было бы по другому. Без нее мы все разрушили.

Создать денежную подушку, обеспечивая семью — ничто. Сделать так, чтобы те, кого ты обеспечиваешь, были семьей, вот, что главное.

До дома в тот день я так и не доехал — не справился с управлением. Авария. Переломы и сотрясения. Больница. Только теперь пациентом был я.

А утром одно смс, которое окончательно расставило все по местам:

"Моей дочери нужен мужчина, готовый решать проблемы, а не мальчишка, делающий глупости. Не зрелому пацану нечего делать рядом с ней. Я надеялся ты поумнел, но увы..." — это было последнее смс от Юлиного отца.

Он был прав.

Вот эта точка, здесь и сейчас, была результатом наших действий. Все, что произошло, результат наших поступков.

Чего мы с отцом ждали от Арины, которая не знала отказа ни в чем и никогда? Только в фантазиях, человек, который с детства купался в абсолютная любви окружающих, не знающий ни в чем отказа или даже простого "нет", проблемы которого решались по щелчку пальцев, может вырасти добрым, отзывчивым и сострадательным.

Чего мы ждали от организма отца, который и так истощенный каждодневными нагрузками, столкнулся с моральной подоплекой в виде потери дела всей жизни, убивающей саму себя дочерью и бухающим сыном? У отца же были признаки. Боли. Но он закопался в работу, отмахиваясь и вот результат.

Ну и я. Злой до чертиков, не внимательный. Сел за руль в состоянии, в котором нельзя было этого делать.

Можно, конечно, сказать, что так сложились обстоятельства, но это не так.

Последние недели я точно забыл об одной важной черте, о рассудительности. Рубил с плеча, не включая мозг, не сбавляя оборотов, не разбираясь в ситуации.

Был ли я кому-то опорой и поддержкой? Тоже нет. Не обдумал, не осмыслил, не разобрался.

Так что, да, Юлин отец оказался прав... я вел себя, как незрелый мальчишка.

После этого я больше ее не искал.

— Ты там уснул, что ли? — снова рявкает ее отец, вырывая меня из воспоминаний.

— Да нет, вот просто думаю, неужели считаете, что я стал достоин вашей дочери, что вы позволили нам встретиться? — усмехаюсь.

Уверен, что ни один мужчина, по мнению Андрея Юрьевича, не подходит Юли и Олеси. Хотя, наверное, для отца, это нормально.

На том конце воцаряется тишина, что я даже отодвигаю телефон от уха, проверяя не прервалась ли связь.

— Не уверен, что ты будешь когда-либо достоин моей дочери. — усмехаюсь, потому что такого ответа я и ждал. — Но моя жена сказала бы, что это судьба. Я не подстраивал эту встречу и узнал о ней только сейчас. И раз уж ты там, то не оплошай в этот раз.

— Даете свое отцовское одобрение? — подначиваю.

— Не оплошай с расследованием. Лезть под юбку моей дочери я никогда одобрения не дам! — рычит отец Юли.

— Да я собственно вас и спрашивать не собираюсь, — усмехаюсь и пока сбрасываю вызов, отчетливо слышу в динамике "Наглец".

Юля.

Трое мужчин — Саша, Давид и, как представил его Маркуша, Геннадий Юрьевич.

Последний, уже в возрасте, но не дряхлый старик, а такой высокий, довольно подтянутый мужчина. Только лучики морщин вокруг глаз и посеребренные сединой виски выдают его возраст, а вот взгляд внимательный, пытливый.

Именно этим пытливым взглядом он и смотрит на меня, как и Саша с Давидом. Хочется поежиться под перекрестным огнем трех пар глаз, но я держусь.

— Я, кажется, уже сказала, что разговаривать буду только в присутствии адвоката, — знаю, грубо, но по другому сейчас не могу. Нервозность, вызванная их появлением, дает о себе знать.

Вся эта ситуация с моими обвинениями, бьет по нервам почище отбойного молотка, а присутствие при этом всем Саши только усугубляет положение.

Почему-то, когда разговаривала с Леськой, все казалось простым, а сейчас нервы все таки сдают. И еще становится до ужаса обидно.

Почему я? Или точнее — почему снова я?

Сестра точно верит, еще Вася, папа и мама, если я позвоню и расскажу им... если подумать, много, кто поверит в мою невиновность, а мне почему-то очень хочется такого же безоговорочного доверия от одного единственного человека, который стоит сейчас напротив меня. Вот такая вот шутка моего мозга. Именно он уже второй раз и обвиняет, а мне приходится оправдываться.

Это обидно и унижительно.

— В адвокате есть необходимость? — удивленно вскидывает брови Геннадий Юрьевич.

— Вы обвинили меня в шпионаже. В адвокате есть необходимость, — скрещиваю руки на груди, отгораживаюсь, но не сдвигаясь ни на шаг. Я так и держу их за порогом квартиры и впускать нет никакого желания.

Смотреть предпочитаю на их шефа — так проще, но...

— Юля, нужно поговорить, — вздрагиваю, услышав этот голос, а сердце бьется чаще.

Я так старалась внушить себе, что его нет, сосредоточившись на пришедшем с ним мужчине, что Сашин голос раздастся, как гром среди ясного неба.

Замираю. Вдох-выдох.

Я не слышала этот голос три года. Даже в кабинете он молчал. А вот сейчас... какого черта я так на него реагирую? Ведь не должна же!

— Удивительно, что это предлагаешь именно ты, — шиплю не хуже змеи, все таки поворачиваясь к нему и сталкиваясь с ним взглядом.

Всего один взгляд и словно шипом в сердце — больно.

Меня трясет. Чувствую себя, как мышь перед удавом. Мне не выстоять одной сейчас — духу не хватит. Уже горечь подступает к горлу, сердце заходится в сумасшедшем ритме, а к глазам подкатывают слезы обиды.

Хочется зайти в квартиру, захлопнуть дверь и никого не пускать, но оглядывая мужчин, понимаю, что меня не отпустят. Они твердо намерены поговорить.

— Вы не можете принудить меня разговаривать, — оборачиваюсь к Геннадию Юрьевичу.

— Мы ведем расследование и сотрудничаем с госструктурами. И мы либо разговариваем здесь, либо придется проехать в участок, — бесстрастно отзывается мужчина.

Задыхаюсь от нахлынувшего возмущения и страха. Госструктуры, участок — это уже чересчур. Хватаю ртом воздух и не знаю, что сказать. Неужели у них действительно есть такие полномочия? Вдруг уверенность в том, что я смогу просто развернуться и спокойно уехать из этого города и начать жизнь где-то в другом месте, начинает рассыпаться, как карточный домик.

Да, в прошлом была аналогичная ситуация, но она будто прошла мимо меня. Никто вот такой серьезный и холодный не приходил и не говорил, что я могу, а что нет. Я по сути в прошлый раз сбежала и меня никто не искал. Да, было обидно услышать от Ани в чем меня обвиняют, но была только обида, сейчас же поселился еще безотчетный страх.

Я ничего не делала, но я в ужасе.

И что мне делать?

Уже нервно оглядываю мужчин — бесстрастные, жесткие. Такие не идут на компромиссы, не слушают слов, а опираются на доказательства. Такими я их вижу сейчас. И мне страшно.

Даже моя уверенность в том, что я ничего не делала, начинает давать сбой. Нет, я по-прежнему уверена, что не краля никакой информации, но смогу ли я это доказать?

За спинами мужчин раздается звук прибывшего лифта. Я не вижу, но слышу, как двери лифта разъезжаются и голос:

— А что здесь происходит? Юля?! — ноги едва не подкашиваются от облегчения.

Ощущение, что в позвоночник был вставлен стальной стержень, а сейчас его вынули. Позволяю себе выдохнуть от облегчения и губы сами растягиваются в улыбке.

— Вася, — выдыхаю имя друга и ловлю на себе три удивленных взгляда.

Судя по всему, я сделала это очень явно. В каждом взгляде было примешано что-то свое — в глазах Геннадия Юрьевича, почему-то было веселье, в глазах Давида — шок, а Саша смотрит таким взглядом, который я никак не могу разобрать.

На них я особого внимания не обращаю. Я просто испытываю облегчение от того, что больше не одна.

Вася как-то ловко обходит мужчин и встает передо мной, загораживая меня от неожиданных гостей, словно стена. Друг скрещивает руки на груди и по очереди, демонстративно, оглядывает всех троих.

— Юленок, это кто? — спрашивает, не поворачиваясь.

Брови мужчин от удивления взлетают еще выше.

Когда не одна действительно легче. Я даже могу взять себя в руки и ответить с изрядной долей язвительности:

— Это то, из-за чего я тебе звонила. Ты три года назад предлагал мне адвоката, — на этих словах Саша наклоняет голову набок и прищуривается, — мне нужен адвокат сейчас. Александр Игоревич в очередной раз обвиняет меня в шпионаже.

— О как, — как-то уж слишком спокойно и размеренно говорит Вася и я физически ощущаю возникшее напряжение.

Воздух в тамбуре подъезда будто наэлектризовался и сейчас потрескивает — вот вот и посыпятся искры. Саша и Вася сверлят друг друга тяжелыми взглядами. Давид встает полубоком к Саше и закидывает руку ему на плечо, будто удерживая на месте. Геннадий Юрьевич в каком-то веселом изумлении переводит взгляд с меня на Сашу и друга.

По коже бегут мурашки — я волнуюсь еще больше, чем до этого. Но сейчас волнение другое — эти двое будто готовятся кинуться друг на друга. Но это же бред, с чего? Или нет, не так — Вася знает о том, что произошло со мной и может злиться на Сашу, но Саше то, с чего злиться? Что есть кому меня защитить?

— Вась... — зову тихо мужчину, но он даже не дергается.

— Юленок, зайди в квартиру. — говорит, все так же не оборачиваясь. — А я тут пока с этими господами поговорю.

— Юленок.... серьезно? — зло, сквозь зубы выдыхает Саша и сбрасывает руку друга с плеча.

В шоке открываю рот, но ответить ничего не успеваю.

— Да, Юленок, что-то не нравится? — с вызовом интересуется Вася. — Своим близким она позволяет себя так называть.

Я так и стою с открытым ртом. “Юленок” меня называет только Вася и я терпеть не могу это прозвище. Но у всех же есть друг, который придумал вам прозвище, которое вы терпеть не можете, а он упорно продолжает так называть? Вот такой у меня друг Вася с этим дурацким прозвищем.

— Для близких значит, да, Юль, — наклоняет набок голову Саша, заглядывая за плечо Васи, на меня.

О! Ну конечно, это же сейчас очень важно!

Уже тысячу раз пожалела о сложившейся ситуации. Знать бы заранее, что заявятся эти “гости”...

Вдох — выдох...

Хватит. Пора расставить все точки над "i".

Не хочу сейчас думать и разбираться, почему все сейчас ведут себя так. Не понимаю поведения Саши, понимаю, благодарна, но все же не одобряю поведения Васи и больше всего хочу остаться одна, потому что меня пугает собственная реакция на Сашу.

Три года прошло, а внутри все замирает, словно в сладком ожидании, стоило ему появиться и только сердце отбивает чечетку о ребра.

Но пора расставить все по местам, чтобы меня оставили уже в покое. Да и хватит уже соседям по лестничной площадке подкидывать темы для сплетения.

— Александр Игоревич, я уже сказала, разговаривать буду только через адвоката. — выхожу из-за спины Васи, становясь рядом. — У меня еще неделя отпуска, но я уже сегодня передам заявление на увольнение, надеюсь после отпуска мне не придется возвращаться в компанию. Можете передать Марку, что проблем я создавать не буду, но и навесить на меня обвинения не позволю.

— Снова сбежать решила? — с горечью усмехается Саша.

И этот вопрос... между нами будто стена. Три года, не три часа — передо мной абсолютно чужой человек. Вот только от этого становится горько.

Хочется психануть. Наорать. Узнать почему все так. Вытрясти из него ответы на все вопросы, которые мучают меня вот уже три года.

Я, черт возьми, хочу спокойно жить дальше, но будто застыла, застряла в какой-то липкой жиже и не могу выбраться и двигаться вперед.

Я вдруг осознаю, что все три года занимаюсь тем, что бегу сама от себя. Отворачивалась, погружалась в работу, племянников, во что угодно, лишь бы не думать.

Это же самое сложное, вот так, когда не поставлена точка, когда не объяснили "почему", ты раз за разом возвращаешься в тот момент, пытаешься найти ответ и не находишь — сама не замечаешь, как увязла в этом, кажется, что живешь дальше, и вот такие стычки с прошлым "открывают глаза" — ничего ты не пережила и ничего не в прошлом.

— Это никого не касается, — качаю головой, отгоняя дурные мысли. — Это только мое дело. — почему-то кажется, что я уговариваю сама себя.

— Юль, — теперь уже Вася поворачивается и прищурившись, осуждающе смотрит на меня.

Обвинения, встреча с прошлым, четыре пары сверлящих глаз, тарахтящий моторчик в груди, сюда же добавить недосып, разваливающееся настоящее и снова не понятно будущее.

Нервы сдают. Я психую.

Ну в самом деле, сколько можно то, ну?

— Да, что вы все от меня хотите? Что вам всем надо? Ты, — тыкаю в грудь Васи, — езжай домой. Я не готова сегодня ни с кем разговаривать, а ты, — это уже в сторону бывшего шефа, — надеюсь это была последняя встреча и мы больше никогда не увидимся. Это будет второй раз, когда после твоего появления мне придется собирать свою жизнь по кускам. Больше не хочу.

Захожу в квартиру и захлопываю дверь, оставляя мужчин за ней. Все. Точка.

Прислоняюсь спиной к двери и прикрываю глаза.

Вот теперь можно пореветь, уповать на судьбу, напиться и орать какие все мужики сволочи.

— Юля, Юля. — выскакивают из комнаты племянники. — Смотри, красиво? — в коридор у меня проникает мало света, поэтому приходится приглядеться, чтобы понять, что показывают Мишка с Машей.

Лица моих племянников раскрашены хлеще, чем их любимый мандалы. И черт побери **МАРКЕРАМИ!**

Вот она правда жизни. Нет времени сидеть и жалеть себя. Есть обязанности и хлопоты, которые всегда были и всегда будут, какие бы передрыги не происходили в жизни и чтобы не творилось в душе.

А самое главное, что делать ты все будешь сам. Свои проблемы будешь решать сам, этого никто не сделает за тебя. Кто-то появляется, но с бедами ты остаешься один на один, а если и поможет, то свою жизнь тебе все равно выстраивать самой. И это правильно, у каждого своя жизнь. Так может ну оно все — стоит ли тогда рвать сердце на части?

Истерически хохочу и у меня остается только один вопрос...

— А Алиска тоже такая красивая?

Оттерла лица племянников от маркера, сходила с ними погулять, отмыла их от грязи, приготовила ужин, отмыла всех троих от гуаши, которой они рисовали, пока я готовила, оттерла стол и пол в комнате от этой же краски, а потом и ванную, отправила Мишку и Машу читать сказки Алиске, а сама без сил упала на диван.

— Я готова поставить тебе памятник, — устало говорю в трубку сестре, вытягивая ноги.

Еще надо позвонить Васе и извиниться. Чего спрашивается на него сорвалась? Да и вообще за что? Чувствую себя сейчас эгоисткой неблагодарной.

— Что они опять натворили? — вздыхает сестра. — Они обещали вести себя прилично.

— Ну..., - тяну неуверенно, — если так разобраться, то ничего неприличного они не делали. Да ладно, — отмахиваюсь, — не обращай внимания. Просто следить за тремя детьми совсем не просто, не представляю, как ты справляешься.

— Если б не Петя, то я бы сошла с ума, — признается Леська и я по голосу слышу, что она сейчас улыбается.

— Да, да. Я в курсе, что он у тебя потрясающий, — сестра не устает мне об этом говорить.

У нее интересная логика, мне все уши прожужжала, какой офигенный, но его самого она хвалит крайне редко и каждый раз будто дразнит этим. Говорит, что много хвалить нельзя. У них будто снова медовый месяц. После стольких то лет и стольких проблем... разве такое бывает? Завидую белой завистью.

— У тебя тоже будет тот, кем будешь восхищаться, от взгляда на которого сердце будет пускаться вскачь и я с удовольствием буду слушать, как ты его нахваливаешь, — задорно говорит Леська, на что я моу лишь горько хмыкнуть.

Был уже такой, кем я восхищалась, который поразил меня — собранный, сильный, за которым, как за каменной стеной, рядом с которым можно было наконец расслабиться, не быть постоянно сильной, а просто быть собой. У меня был человек, который показал, что я не одна — ненавязчиво, но настойчиво, который сделал из “я” — “мы”. А итог? Где “мы” сейчас?

— Или такой уже есть? — спокойнее спрашивает сестра. — Слушай, я хотела оставить этот вопрос до беседы не по телефону, но... Вот он вернулся и что ты чувствуешь?

— Без понятия, — отвечаю честно, — у меня нет времени копаться в себе.

Но в груди тяжело, будто положили гирей придавили. Не вдохнуть, не выдохнуть.

— Юль, я уже говорила, но повторяюсь, мне не нравится, что ты все три года давишь в себе любые эмоции. Переживать это нормально, злиться, плакать, тоже нормально. Ты должна была пережить, то что произошло.

— Я и пережила.

— Нет. — отрезает жестко Леська. — Пережить — это приехать к родной сестренке, набухаться с ней, по пьяной лавочке забуриться в клуб и оттанцевать себе все ноги, а потом убегать от пристающих к тебе придурков, вернуться уставшей домой, а потом проплакать до утра и уже утром, болея с похмелья и содрагаясь от воспоминаний ночного кутежа, сказать “а пошло оно все”. Практически жить на работе и закидываться снотворным, чтобы спастись от бессонницы это не пережить, это полная хрень.

— Как только вернетесь, сразу сделаем все, как ты и сказала, — обещаю наигранно

торжественно и не сдерживаю улыбку. Леська, это Леська.

— Это надо было делать три года назад. Сейчас, когда он приехал, тебе надо пойти к нему и расставить все по местам. Задать, наконец, мучающие вопросы, высказать в лицо, какой он сволочь и гад, и отпустить.

— Да, и выставить себя еще большей дурой? — несдержанно рявкаю на Леську. Вся веселость испаряется. — Ты сама то слышишь, что говоришь? Он объявился через три года, обвиняет меня, а я такая приду и скажу “ты такая сволочь, что бросил и не стал меня слушать. Я тебя так любила, а ты просто выкинул меня из своей жизни. Мне было плохо, мне нужна была твоя поддержка, а ты утешался в объятиях бывшей”. Так надо Лесь? Ему есть до этого дело по твоему?

— Юль... — растерянно шепчет сестра.

— Что, Юль? Вот, что Юль?

— Ты плачешь что ли? — все так же тихо спрашивает Леська.

Прижимаю руки к щекам и понимаю, что, да и правда плачу и голос хрипит. И я такая идиотка. Сижусь и реву из-за мужчины, который три года назад поднял меня на облака, а потом от туда швырнул об землю. Я даже не задумывалась, не вспоминала о нем, не скучала, как я думала, а сейчас будто что-то прорвало. Было легче, пока он был на расстоянии от меня.

Все. Хватит. Расследование рано или поздно закончится, он уедет, и все будет по старому.

— Мне пора к детям, Лесь. Извини, — тороплюсь закончить разговор.

— Да, да. Юль, — торопливо говорит сестра, — я чуть не забыла сказать, я купила билет и завтра возвращаюсь. Я собираю вещи уже.

— Стоп. — торможу ее. — А как же терапия? Ее нельзя прерывать.

— Я не прерву ничего значимого. Это всего лишь терапия, а не какое-то лечение. Это просто профилактика и я не в больнице, а в санатории. У врачей уже отпросилась.

Мне не нравится, что Леська из-за меня собирается сорваться посередине курса:

— Ты уверена? Тебе нужно там быть.

— Может и нужно, — вздыхает Леська, — но у тебя проблемы. Я благодарна, что ты даешь возможность мне отдохнуть, но сейчас ты же знаешь, уже нет таких проблем и такие курсы это просто про отдых.

— Ладно, раз ты решила, — не спорю.

Отключаюсь и плетусь к племянникам.

Следующие полчаса собираю бумажки. Как у них чтение книг переросло в аппликацию, я так и не поняла, но спасибо, что не из книжки ее сделали.

Ладно, на самом деле они бы этого не сделали. И маркерами они разрисовали лица тоже не просто. Рисовали маски, увидели ролик, где маркерами рисовали на лицах маски животных, только в чудо ролике не указывали, что маркеры должны быть специальные.

До постели добираюсь уже к полуночи. Вот только кто б мне дал поспать спокойно. Во втором часу ночи подскакиваю от звонка в дверь. Спотыкаясь бегу скорее открывать — не дай бог от звонка дети проснутся, а открыв, застываю — пьяное в хламину нечто стоит на пороге и пытается не упасть.

Зашибись. Кажется, я сегодня снова не посплю.

— Доброе утро, милый, — провожу кончиками пальцев по обнаженной мужской груди, удобнее устраиваясь рядом: ножки вместе, грудь вперед. Сюрприз, когда проснется, обеспечен.

Вася, не открывая глаз, лениво улыбается. Потягивается, еще объятый сонной негой, и резко замирает. Диссонанс между его не до конца проснувшимся мозгом и тактильными ощущениями тела заставляет молниеносно распахнуть глаза.

Увидев меня, ошалело проходится взглядом по фигуре и болезненно бледнеет. Не раздумывая, дергается в сторону, врезается в стену, у которой стоит кровать, кубарем с нее скатывается и феерично матерится.

— Юля... — столько удивления вперемешку с шоком в одном только моем имени.

— Я так ужасно выгляжу с утра? — иронично интересуюсь.

— Нет... нет... просто... — Вася снова обводит глазами мое тело, прикрытое шелковым розовым халатиком, опускает взгляд вниз на себя и поняв, что на нем надеты одни трусы, зеленеет. — Юля мы что... переспали? — дрожит его голос.

Кто б мне сказал, что секс мужчину может так напугать, ни за что бы не поверила! Но вот он стоит — живой пример.

— Не понимаю ужаса в твоём голосе, вчера тебе все понравилось, — подпираю рукой щеку.

— Боже, — стонет, вцепляясь пальцами в волосы и даже будто бы сжимается в размере, — мы не могли, я... Что я натворил?... Лиля...

Ладно, это уже было слишком.

— Твоя жена звонила вчера, я ответила. Сказала ей, что ты у меня и даже показала по видео связи. — вот теперь на его лице отражаются все грани неподдельного ужаса, и я — таки сжалилась. — Показала твое бездыханное тело и при ее видео-поддержке сняла с тебя учуханные в хлам джинсы и рубашку. Сама спала у Алиски. Так что расслабься. А это маленькая месть за то, что разбудил меня посреди ночи и напугал Мишку с Машей. Твоя жена, кстати, эту мстю одобрила, — победно улыбаюсь.

— У нас ничего не было? — вскидывает голову Вася и смотрит на меня глазами полными надежды.

— Само собой нет, — хмыкаю, поднимаясь с постели и скидываю халат. Непрозрачная ткань надежно прятала под собой домашние шорты и майку. — Тебя притащил к моей двери водитель такси. Отправлять твое брэнное тело в отель не рискнула, пришлось оставить у себя. И еще — я собиралась перед тобой извиниться за вчерашнее свое поведение. Ты-то точно ни в чем не виноват, и я не должна была на тебе срываться, но... после сегодняшней ночи извиняться не буду. Одевайся, твои вещи высохли. Они вон там на стуле. А потом приходи завтракать, — киваю в сторону предмета мебели и выхожу.

Через пятнадцать минут мы сидим в кухне и завтракаем в блаженной тишине. Не знаю, как Вася, но я наслаждаюсь ею, хотя ему, скорее всего, меня не понять — у него нет трех шкодливых племянников.

— Расскажи мне, дорогой мой друг, что случилось с твоим лицом? — интересуюсь ссадиной, которую заметила еще вчера. Вот только, когда он уходил от меня, ее точно не было, сейчас же на левой скуле “красуется” синяк.

— Это так... — не понятно почему, весело усмехается Вася, — ерунда. Есть более важная тема, — он отодвигает от себя опустевшую тарелку и откидывается на спинку стула, серьезно глядя на меня. От былой легкости за столом не остается ни следа, будто он и не улыбался меньше минуты назад. Непроизвольно ежусь и тоже облакачиваюсь о спинку, ожидая рассказа. Отчего-то я уверена, мне не понравится то, что он хочет мне сказать. — Тебе надо поговорить с Сашей, Юль.

— Что? — смотрю на него и не могу поверить — это мне говорит он? — Ты сейчас серьезно? — Вася молчаливо смотрит. Значит, не шутит. — Мне не о чем с ним разговаривать, — нервно бросаю, чувствуя, как холод пробирает до костей. Обхватываю себя руками и отхожу к окну.

В противовес моему состоянию улица нежится в солнечных лучах, возможно, последних теплых в этом году. Природа готовится к зиме, но сегодня расщедрилась и решила порадовать нас теплом. Редкие, для такого часа, прохожие наслаждаются погодой, а я мерзну и не могу никак согреться.

На душе, словно в укор солнцу, бушует ураган.

— Вам надо поговорить, — Вася встает рядом, — он придет ближе к обеду.

— А ты не подумал, что я могу не хотеть с ним разговаривать, нет? — разворачиваюсь к мужчине, скрещивая руки на груди, будто это может спасти от произнесенных ранее слов и от встречи с прошлым одним махом.

— Это по делу, Юль. О вашем прошлом я не заставляю говорить, хотя по- хорошему, вам давно пора в этом разобраться.

— А вот это точно не надо...

— Рано или поздно вам все равно придется об этом поговорить, — бескомпромиссно заявляет мне друг.

Спор на этом не заканчивается, отнюдь, но и не длится долго. Ребяшня все- таки проснулась и меня затянуло, словно воронкой, в повседневные дела, а за ними и время летело со скоростью ветра. Завтрак, прогулка, в такую погоду- грех сидеть дома, и вот уже пора обедать и укладывать Алису спать.

Оттягивай, не оттягивай, встреча неизбежна. Вася с какого-то перепугу решил, что она нужна, ну а мне просто необходим покой — обычная серая бытовуха, от которой все так ноют: работа-дом, без передряг и эмоциональных качелей.

И вот он — час икс: Алиса спит, Миша и Маша залипают в мультиках, а я стою на кухне у окна и прислушиваюсь к тому, что происходит у меня за спиной. Слышу, как Вася идет к входной двери и щелкает замками. Тихий обмен репликами и едва слышные шаги в направлении кухни заставляют сжаться в комочек.

Саша не один, скорее всего с Давидом и своим шефом. Даже среди множества звуков, я без труда различаю его шаги. Я не планировала, но каким-то невероятным образом все мои органы чувств настраиваются на него, отказываясь слушать доводы разума.

Мужчины проходят в кухню и все вокруг сужается до одного маленького пятна на стекле, которое я разглядываю пристальнее, чем экспонаты в музее.

— Привет, Юль, — плетью по нервам звучит его голос.

Набираю в грудь побольше воздуха и оборачиваюсь. Если этот разговор должен состояться, так тому и быть — поговорим.

Мерные постукивания чайной ложечки о стенки кружки только сгущают напряжение, которое витает на кухне.

Бам, бам, бам...

Я сижу в углу между столом и стеной, на противоположной стороне от собравшихся, и невольно сжимаюсь на стуле, как зверь загнанный в угол. Некогда удобная сидуха, с мягкой подушечкой, которые я выбирала среди десятков пестрого разнообразия, сейчас приносят дискомфорт и я никак не могу усесться удобнее. Ерзаю и смотрю, как веревочка пакетика заварки закручивается вокруг ложечки.

Вася выступает в роли эдакого парламентаря между мной и мужчинами. Гостеприимно усаживает всех за стол, готовит чай-кофе, достает конфеты, печенье, которые готовила сегодня для племянников, словом делает все то, что должна была делать хозяйка в доме, то есть я, но не смогла. Я пыталась взять себя в руки, включить невозмутимость — ведь точно знаю, что ничего не делала, но страх вылился в мандраж, пробирающий до костей и заставляющий руки трястись нервной дрожью. Обвинение в шпионаже — это все, начиная от штрафа и пинком на выход с черным билетом, до реального срока. И к этому сложно относиться невозмутимо, тяжело не реагировать и не беспокоиться, когда дело касается твоей жизни, будущего, всего.

— Юля, я думаю сахар уже растворился, — Вася аккуратно обхватывает мое запястье и отбирает ложечку.

— Почему здесь нет адвоката? — вскидываю взгляд на мужчину, хватаясь за рукав его кофты.

Он первый, за последние минут десять, на кого я смотрю. Окно, пол, стол, кружка — куда угодно, лишь бы не на Сашу. Уверена, глаза-предатели кинулись бы первым выискивать именно его.

— Он вам не понадобится Юля, — уверенно, без заминки, так, что Вася не успевает даже рта раскрыть, отвечает на мой вопрос Геннадий Юрьевич, — позвольте прояснить, вас никто не обвиняет. Более того, мы уверены, что это сделали не вы.

Поворачиваюсь на голос. Мужчина сидит расслабленно откинувшись на стуле и даже улыбается одними уголками губ, по-доброму, без тени издевки, злости или пренебрежения. Не сдержавшись, мажу взглядом по Давиду и Саше — а ведь так старалась этого не делать — и вижу у них аналогичные выражения на лицах.

И что это значит? Что значит, знают, что сделала это не я? А что тогда все это было? В кабинете у Маркуши они ничего подобного не говорили.

— И почему же это не я? У меня было время и возможность. — противоречу сама себе. Не понимаю, что со мной происходит, вроде нужно радоваться, но не получается. — Да и я уже такое делала, почему бы не повторить? — не сдержавшись, озвучиваю мысль, ядом крутящуюся в голове с момента, как снова увидела Сашу в кабинете нового шефа.

Саша выдерживает мой колючий взгляд, который я бросила на него, только губы поджимает, переставая улыбаться:

— Это не ты. Не сейчас, не три года назад. Я знаю.

От его глубокого голоса по телу бегут предательские мурашки.

Нервно хохотнув, качаю головой — три года назад бы услышать эти слова. Вместо его

холодного взгляда, в котором бегущей строкой было написано “предательница”, увидеть бы то, что я вижу сейчас: грусть, теплоту, нежность. И сидеть бы вот так за столом, обсуждая, что же на самом деле произошло. Тогда, а не сейчас. И все бы было по другому. Сейчас, ничего кроме горечи не чувствую. Ни радости от того, что он мне верит, ни облегчения, от того, что знает о моей невинности — ничего.

— О прошлом вы поговорите позже, — прерывает наши гляделки Геннадий Юрьевич.

— Не о чем говорить, — бросаю резко в ответ.

Тогда, три года назад, было сказано достаточно. Сейчас уже слова все излишне. Да и что они дадут? Ничего.

— Юль, давай ты меня отпустишь, мы все сядем и спокойно поговорим. — это уже Вася аккуратно отцепляет мои пальце от своей кофты.

Только сейчас понимаю, что держу его все это время. Друг отходит от меня лишь на пару секунд, закидывает чайную ложку в раковину и возвращается обратно, устраиваясь рядом со мной. Ловит мои беспокойно стучащие по коленке пальцы и сжимает в своей большой руке. Становится легче — выдыхаю. Вижу, как губы Саши дергаются в горькой усмешке.

— Юля, — его голос звучит глухо, — мы с самого начала знали “кто?”, “зачем?” и “как?”. Увы, тот, кто это сделал, решил подставить тебя и нам пришлось принять условия его игры, иначе он просто бы сбежал. Как только вещественные доказательства на него будут собраны, правда будет обнародована. Ты ничего не делала и мы это докажем, дай только время...

Удивительный орган сердце. Каждую минуту каждого дня работает без отдыха, стойко переживая каждый катаклизм, который происходит с его хозяином. Мое сегодня работает на износ — больше часа, пока сидели и обсуждали все в мельчайших подробностях, билось тахикардией и только, когда уже уходили, замерло, замедлилось и даже будто стало медленней гонять кровь пенам, после хлопка двери.

И даже после этого перед глазами стоит картинка, как Саша не сводил с меня взгляда, пока я трясущимися руками закрывала дверь, а в груди разрасталась пустота.

Только уткнуться в подушку и поплакать не вышло — Мишке и Машке стало скучно и нужно было придумывать новое развлечение. А этим же вечером встречаю Леську, которая, как ураган, набрасывается с расспросами и отпускает нас обеих спать только под утро.

И если я надеялась, что на этом “приключения” закончились, то зря. Дальше начался ад длиной в неделю. Оскорбления от недовольных коллег, с которыми раньше неплохо общались, угрозы Маркуши, который “сокрушался” от моей подлости — мое имя “прогремело” на весь этот городок.

Смотрела на вакханалию, развернувшуюся вокруг меня и радовалась только тому, что это не мой родной город, где жила вся моя семья. Как же хорошо, что я все же перебралась в соседний. Да, четыреста километров, это далеко, шесть часов пути, но нам это не мешало, а в этой ситуации так и вообще на руку. Они все далеко и не участвуют в этой грязи. Даже Леську получилось убедить уехать — она порывалась остаться тут, со мной, но я уговорила этого не делать. Со мной все это время оставался Вася.

— Мы со всем разобрались, ты оправдана, — единственный разговор за эту неделю с Сашей, после встречи у меня дома и тот по телефону.

От Васи знала, что он все это время почти безвылазно проторчал на фирме, перепроверя все бумажки, в поисках прокола Маркуши.

Да, это он все замутил. Маркушин отец, наш ген. директор, а обиженный за что-то сынок решил подгадить папе — вначале это был вывод небольших сумм денег, а уже потом слив информации, ну а я очень удачно подвернулась под руку в качестве “козла отпущения”.

— Понятно, спасибо, — поблагодарила из вежливости, но радости не чувствовала.

Он молчал и я тоже не знала, что еще сказать, поэтому пересилив себя, сбросила вызов и пошла следить за погрузкой.

Газель для грузоперевозок, забита вещами и мебелью, которые я успела приобрести за эти три года. Они поедут к Леське, пока я не перееду и не обустроюсь на новом месте. Себе собрала только небольшой чемодан и сумку на первое время. Осталось решить в этом городе пару дел — сдать квартиру хозяйке и забрать трудовую, с генеральным я уже договорилась, что уйду без всяких отработок — и можно ехать дальше, билет на междугородний автобус уже тоже на руках.

Наверное, кто-то бы сказал, что можно и тут остаться, меня же оправдали, вот только доказать, что ты не виноват, намного сложнее, даже когда у тебя на руках неопровержимые доказательства. Скандал был грандиозный и никто просто не станет рисковать беря меня на работу, репутация, а остаться в фирме, где коллеги плевались тебе в спину, не желая даже выслушать, я не хочу. Поэтому другой город. Снова.

Стою на улице под холодными потоками ветра, провожая глазами машину, которая увозит три года моей жизни. Послезавтра и меня уже здесь не будет, в двенадцать автобус, который увезет меня в очередную “новую” жизнь.

Как перекасти поле честное слово. Нигде не задерживаюсь, нигде не приживаюсь, везде лишняя. Судьба у меня что ли такая? А так хотелось хоть где-то быть нужной, но видимо это не для меня...

Вечер и полночи я делаю уборку в квартире, перед сдачей ее хозяйке, поэтому утром благополучно не слышу будильника и появляюсь в офисе только ближе к обеду.

С документами проблем не возникает, чуть больше часа и я выхожу из офиса, в котором проработала три года, посторонним человеком. За это время даже с генеральным успеваю пообщаться — он не уговаривает остаться, прекрасно понимая, что я не соглашусь, к моему удивлению благодарит за работу и отдает рекомендательное письмо со списком трех организаций-партнеров в соседних городах, где меня встретят, по его заверениям, с распростертыми объятиями.

Приятно, но думать сейчас об этом не хочется, уехать бы спокойно. Одна из моих соседок по подъезду, оказалась мамой сотрудника фирмы и решила высказать мне все, что обо мне думает — о том, что меня обвинили, известно всем, а вот о том, что я оказалась не виновна, не знает никто — такая вот чехарда.

Вечером сижу на одном единственном оставшемся стуле посередине кухни и осматриваю опустевшее помещение. С окна снята занавеска, на столе больше нет красивой белой скатерти, с дверцы холодильника исчезли магниты, возле раковины не стоит сушилка для посуды, а крючки распрощались с кухонными полотенцами и прихватками. В остальных комнатах еще больше вывезено. Кошунством казалось снимать, забирать все, как будто я вор и обкрадываю эту квартиру.

Да, я выбирала жилье с необходимым набором мебели, но как не крути очень много всего приобрела сама и теперь невольно вспомнила, как заселялась в эту полупустую квартиру чуть меньше трех лет назад. Тогда все было сложно, непонятно и страшно. Начинать все с нуля без поддержки, рассчитывая только на себя, было не просто. Я это делала не в первый раз уже, но к этому невозможно привыкнуть. Да, родители и Леська поддерживали меня во всем, но это было не то, совсем не то... и вот снова. Опять сложно, но теперь еще и горько.

Три года назад не успела почувствовать эту горечь, все затмило ощущение пустоты, когда осознала, что Саша больше не придет, не заставит сесть в свою машину, чтобы точно быть уверенным, со мной ничего не случится по дороге. Сейчас, кажется, все хлынуло двойной волной — и за прошлое, и за настоящее. Все, что так тщательно хоронила глубоко внутри себя.

И Саша... Он же здесь, где-то в этом городе. Возможно катается сейчас по улицам на машине, или как и я сидит в отеле или квартире, где он там остановился, а может быть отдыхает где-то с Давидом.

Губы дергаются в болезненной усмешке. Да нет, его дело завершено — его уже нет здесь. Он уехал и в очередной раз забрал с собой что-то важное, что позволяло сердцу не биться в агонии, как это происходит сейчас.

Провожу руками по щекам, смахивая дорожки слез. Вот поэтому я ненавижу “пустые” вечера, когда нечем заняться, именно из-за этого я старалась придумать тысячу и одно дело, лишь бы выветрить ненужные мысли из головы.

— Пора брать себя в руки, — ножки звонко царапают по полу, когда я резко встаю со стула.

Завтра будет новый день, снова навалятся дела и заботы, и будет не до переживаний,

главное сейчас уснуть. Но сколько ни думаю, хоть убей, никак не могу вспомнить, куда я дела снотворное. Оно всегда лежало в тумбочке у кровати, а не с остальными лекарствами. Когда собиралась, убрала и его, только куда, не помню.

Очень надеюсь, что убрала таблетки в чемодан с необходимым минимумом вещей, который собрала с собой в дорогу и уже собираюсь потрошить его, когда звонит телефон.

— Да Вась, привет.

— Привет Юленок. Какие планы на вечер? — бодро проговорит друг.

— Собираюсь спать, — про то, что надо сначала найти снотворное, говорить не собираюсь. В прошлый раз, когда он узнал, что пью их, думала прибьет.

— Отлично! — радостно восклицает. — Одевайся и выходи.

Как между собой связан “сон” и “одевайся, выходи”, не понимаю.

— Куда и зачем? — вздыхаю. — Я спать хочу, Вась. Давай не сегодня, а?

— Юль Андреевна, совесть имей. — возмущается в ответ. — Когда мы в следующий раз встретимся? Ты завтра сваливаешь и я, наконец, еду к Лиле. К тому-же я здесь застрял больше чем нужно из-за тебя, так что ты мне должна.

Тут он прав. Он приехал по делам, но, когда началась вся эта ерунда, остался. Помогал, поддерживал, не знаю, что бы я без него делала.

— Ладно, ты прав. — сдаюсь. — Но куда ты хочешь, пойти? Может дома посидим, закажем чего-нибудь?

— То-то же, — усмехается, — но дома сидеть не будем. Моя душа требует праздника, а твоей просто нужно развеяться. Поэтому жду тебя внизу. Выходи. И оденься теплее.

И пока я не успеваю возмутиться и сказать, что мне нужно вообще-то собраться, отключается.

Зараза. Знает же, что я не из тех, кто считает будто порядочная женщина должна опаздывать, как минимум на полчаса. Неловко себя чувствую, когда меня ждут.

Но минут на пятнадцать все же приходится задержаться — большую часть этого время пытаюсь замаскировать покрасневшие от слез глаза.

— Наряжаться точно не буду, — говорю своему отражению в зеркале, залезая в джинсы и толстовку.

— Скажешь, куда едем? — спрашиваю, уже сидя в машине.

— Неа, сюрприз, — Вася говорит вроде и весело, но взгляд серьезный.

По тому, как он недовольно поджимает губы, понимаю, что даже под тонной макияжа, спрятаться не получилось. Он будто видит меня насквозь.

Молча заводит машину и вырывается из двора.

— Я по дресс-коду то пройду в то место, куда ты меня ведешь? — пытаюсь хоть немного разрядить обстановку.

— Пройдешь, — усмехается, но в подробности не вдается.

Через минут двадцать, к моему удивлению, мы останавливаемся на набережной и Вася, схватив меня за руку, едва ли не вприпрыжку тащит меня к реке.

Там нас ждал теплоход.

— Ты серьезно? — в шоке смотрю на друга.

— Последняя ночная навигация в этом году. Такое нельзя пропускать, — на буксире затаскивает на борт, где уже столпились люди и теплоход практически сразу отплывает, будто ждал только нас.

— Сверху вид будет лучше, — шепчет Вася, когда я останавливаюсь на краю палубы.

Смотрела на воду сияющую в лучах прожекторов теплохода.

— А нам туда можно? — поворачиваюсь к мужчине.

— А то, — усмехается, — идем.

Мы поднимаемся на верхнюю палубу. Вася, не давая осмотреться, провожает меня к одному из крайних столиков, которыми заставлена вся площадка.

Верхний свет отключен. Деревянные столешницы столов украшают полукруглый светильник. Его тусклый свет позволяет рассмотреть человека, сидящего напротив, но не отвлекает от видов города.

— Я схожу за пледами и вернусь, — Вася усаживает меня за столик и отправляется в сторону лестницы на нижнюю палубу, а я снова поворачиваюсь в сторону воды.

Мне никогда не доводилось видеть городские высоты с борта теплохода.

Огни из окон домов, фонарей, фар автомобилей сияют в водной глади, словно огни стетоскопа. Город продолжает жить, пока кажется, что все вокруг меня замерло. Удивительное спокойствие. Сюда практически не долетают звуки городской суеты, звуки машин, они такие далекие, будто из другой реальности.

Большой город, словно парень-проказник, пытается своей яркостью привлечь спокойную и умиротворенную строптивицу реку. А она не поддается, продолжая свой размеренный бег.

Вася прав, вытаскив меня сюда. Лучше места, для того, чтобы отдохнуть и отпустить все свои тревоги, просто не придумаешь.

На плечи опускается толстый плед. Хоть погода и радует теплом, от реки тянет прохладой. Хватаюсь за края мягкой ткани, с удовольствием укутываясь сильнее, и поворачиваюсь к Васе.

Вот только это совсем не он... На меня смотрят серьезные, но до боли знакомые и некогда родные глаза.

Он стоит рядом. Джинсы, толстовка с уже привычно собранными в гармошку рукавами, утепленный жилет, но главное не одежда, глаза — пронзительные, внимательные. Такой знакомый, близкий, родной. Тот, от кого сбивалось дыхание, а сердце заходило в бешеном ритме.

Его руки покоятся на моих плечах, а дыхание щекочет волосы на затылке. Кажется, даже через слои одежды и толстый плед ощущаю жар его тела, когда он прижимается ко мне сзади. Знаю, что это невозможно, но я чувствую его и это намного головокружительней, чем просто видеть. Даже не подозревала, что можно настолько соскучиться по объятиям, пусть и таким, которые и объятиями то не назовешь, простоегоруки намоихплечах. И настолько сложно оказывается подавить в себе желание прижаться к нему теснее и попросить держать крепче. Телу нет никакого дела до того, что происходит на душе, оно отзывается на прикосновения, не слушая доводов разума и сердца.

Но память не дремлет и удары наносит исподтишка, как сейчас. Пока млею под его теплым взглядом, в голове назревает буря из его слов и взглядов, которые он бросал в меня*тогда*, в тот день, который разделил все на “до” и “после”, и тело прошибает ознобом. Непроизвольно передергиваю плечами и Саша расценив мою реакцию, убирает руки и отступает.

Молча, под моим пристальным взглядом, обходит столик и садится напротив. А я все смотрю, потому что не могу оторваться, не получается отвести взгляд. Все эмоции, которые я давила в себе столько времени, выплескиваются наружу, требуя всего и сразу — смотреть, слышать, чувствовать. И совершенно не важно, что обида вносит в эти простые три слова свои значительные коррективы. Если “смотреть”, то на то, как ему плохо без меня, “слушать” его оправдания и то, каким был дураком, “чувствовать”, его горячую кожу под своей ладонью, когда несдержанно сорвется пощечина, потому что заслужил. За то, что не поверил, за то, что не захотел выслушать, за то, что не приходил все эти годы, а явился сейчас и разрушил ту жизнь, которую я здесь наладила, пусть это и была всего лишь видимость.

— Зачем ты здесь? — голос противно хрипит.

— Я пришел к тебе, Юля. К тебе и за тобой, — прямо смотрит мне в глаза.

Под ребрами вырастают колючие мурашки и ползут вверх, заставляя ежиться еще сильнее.

Вот зачем он так?

Зачем говорить так уверенно? Зачем смотреть прямо, не отводя глаз? Очевидно, чтобы поверила. Только знает ли он, как сложно это сделать?

Диссонанс между радостно колотящимся сердцем и отчаянно вопящим мозгом заставляют впасть в ступор. Я просто смотрю на Сашу и не знаю, что ему на это сказать. А он все смотрит, будто старается считать с лица мою реакцию. Только что там смотреть? Кроме шока, там больше ничего не может быть.

Из ступора выхожу только когда передо мной появляется огромная кружка чая. Опускаю глаза вниз и несколько секунд наблюдаю, как от горячего напитка поднимается облачко пара.

— Как ты себе это представляешь? — наконец удается прийти в себя и поднять глаза. —

Предлагаешь забыть все, что было три года назад?

— Забыть? — он все так же серьезно смотрит на меня. — Нужно не забывать, а делать выводы, учиться на ошибках. Если все забывать, так и будешь спотыкаться на каждом шагу.

— Ммм... — тяну. Во мне вдруг просыпается злобная язва. — Я и сделала вывод — больше близко не приближаться к вашей семье и к тебе в частности. Ты так уверенно говоришь, что “ко мне и за мной”, а ты не подумал, что я не хочу?

— Подумал, — кивает, — и если б ты сейчас не пыталась кусаться, я бы может и поверил, что тебе это не нужно. Но ты покатила по наклонной и я тебе нужен, ничуть не меньше, чем ты нужна мне.

Наверное предсказуемо для любого обиженного человека, окончание его речи я не слышу, зато прекрасно осознаю начало его славной речи и злуюсь. Просто потому, что он прав, вот только признавать этого не хочется.

— Что ты имеешь в виду? — вскидываюсь. — Что я тут подыхаю без тебя? Так это не правда, как видишь живу и в ус не дую, — раскидываю руки в стороны, едва не перевернув кружку с чаем.

"Вот, смотри, у меня все отлично." От обиды слезы к глазам подкатывают.

— Я говорю, что нам плохо друг без друга. — ни один мускул не дергается на его лице. — *Мне* плохо без тебя.

И весь мой запал потухает.

Это же нужно уметь так сказать, чтобы вся злость испарилась, как по мановению волшебной палочки. Я сижу и просто смотрю на него.

— И что ты предлагаешь?

— Ночь. Я прошу одну эту ночь. — и сердце пропускает удар.

— Для чего?

— Для свидания. Со мной. Для того, что бы ты, наконец, узнала меня.

На это мне нечего сказать. Я вообще сейчас себе напоминаю рыбу — только хлопаю глазами и молчу.

— Ты была права. Мы с тобой с самого начала все делали неправильно, — вздыхает он, — не зря придумали конфетно-букетный период. Это же не только про поухаживать, это и про узнать друг друга, попытаться понять характер, познакомиться с таракашками партнера. А мы занимались работой, родней, чем угодно, только не нами. На этот раз я хочу все сделать правильно.

Не знаю почему, но я соглашаюсь. Хотя почему не знаю? Хочу этого. Я скучала по нему. А сейчас, пусть и всего на несколько часов, у меня выдалась возможность побыть с ним рядом и я соглашаюсь. Снова почувствовать себя спокойно и уверенно, снова окунуться в его внимание и забыть о внешнем мире, хоть и на короткое время.

Дура? Да.

Чистый мазахизм хотеть общества мужчины, который обвинил тебя, не поверил, выгнал и за ребрами что-то больно давит и тянет, но я все равно хочу.

Притягиваю к себе кружку с остывшим чаем и поднимаю ее к лицу. Со стороны может показаться, что я наслаждалась запахом чая, на самом же деле просто прячусь. От внимательного взгляда Саши, от легкой, едва заметной, полуулыбки, которая проступает на его губах, когда я соглашаюсь. Потому что, как бы глупо это не было, но щеки полыхают жаром от такого его внимания. Вроде, с чего бы? Мы были вместе, во всех смыслах слова, но будто в другой реальности, такие недолгие, но в тоже время затяжные три года, создали глубокую пропасть между нами, что даже вот такое проявление внимание вызывает бурную реакцию.

Я не знаю сейчас ничего о его жизни и в моей многое изменилось. Два человека, не знающие друг друга в настоящем, но с общим прошлым. Знакомые незнакомцы.

Может было бы проще, не будь у нас этого прошлого. Как в обыкновенном чуде “Вы привлекательны. Я чертовски привлекателен. Чего зря терять время?”. Но наше время было потеряно задолго до этого момента.

— Зачем все это? — спрашиваю устало.

— Хочу с тобой быть.

Он говорит это так просто, что я теряюсь. Похоже это мое обычное состояние сегодня.

Вот интересно, когда я встретила Васю после нескольких лет, такого ступора не было — встретились, как старые знакомые, я даже рада была его видеть, сейчас же, что-то странное, даже описать не могу, что я чувствую.

— Я не уверена, что этого хочу, — страх, удушающе сжимает горло.

У него все так просто. Его слова “хочу с тобой быть” — это так легко что ли? Как будто вышел за хлебушком и вот вернулся. За хлебушком на три года, ага. Я так не смогу.

На скулах у Саши играют желваки. Он стискивает зубы, глаза отводит в сторону воды, а рука, лежащая на столе, сжимается в кулак. Недоволен. Но он же и не ждал, что я кинусь к нему в объятия?

“Свидание” явно не задалось. Одной фразой я разбомбила в пух и прах весь настрой Саши на вечер. Он же явно готовился, все придумал, Васю подговорил, явно не для того, чтобы сейчас глядеть на воду. Но мне не стыдно. Я тоже имею право на чувства и свое мнение. И оно такое.

“Я не хочу возврата назад”.

А вот уйти хочется и очень. Саша попросил всего одну ночь, я согласилась, но не уверена, что выдержу. Да и как тут выдержать, когда до зуда в ладонях жажду подойти к нему, обнять, разгладить складку между бровей, провести по побелевшим костяшкам на руке, а лучше, как раньше, когда он утыкался лицом мне в живот, а я зарывалась пальцами в его волосы.

Глупо все так...

Смотрю по сторонам, выискивая пути к отступлению. Я же даже не знаю, тут есть какие-то остановки, или где тут тормоз, чтобы остановить эту здоровую железную машину, пересекающую реки, и сойти на берег.

А вокруг “кипит жизнь”. За столиками вокруг сидят похожие на нас парочки и явно получают удовольствие от поездки, а не занимаются выяснениями отношений, как мы.

— Я пойду уже, наверное... — не вижу смысла сидеть здесь и дальше.

— Останься, — неожиданно твердо просит Саша, поворачиваясь ко мне, — даже, если ты уже все решила, просто побудь сегодня здесь со мной. Можем же мы пообщаться, как знакомые?

— Можем, — киваю, но далеко не сразу. Несколько минут требуется для того, чтобы понять, смогу или нет. Он все это время смотрит, не отводя взгляда. А я... просто решаю, что это неплохой шанс узнать, что же там произошло на самом деле, расставить все точки над “i”, - может расскажешь, что там на фирме было... тогда?

Александр.

Она согласилась. Прикусила нижнюю губку, зажмурилась и неуверенно кивнула, словно в омут с головой нырнула, будто боялась передумать. И я даже обрадоваться успел, когда она все вот так одним махом обломала — осталась, но дала понять, что он по сути ничего не изменит.

И вот я сидел, как идиот, неделю обдумывал как-же все это будет и все планы полетели коту под хвост. Надо было свои речи, которые в голове репетировал, на листочки записывать, потому что от одного взгляда на нее все из головы вылетело. Все стало каким-то глупым и не нужным.

Разменял четвертый десяток, а как достучаться до любимой женщины не знаю. И никто не сядет рядом, и не подскажет.

Думай сам, Саня. Сам косячил, самому и исправлять.

Вот только все, что приходит в голову, это посадить ее в машину, увезти к себе и не отпускать. Пусть злится, ругается, разнесет к черту квартиру, но главное рядом.

Сжимаю руку в кулак.

— Может расскажешь, что там на фирме было... тогда? — просит робко и я отрываю взгляд от воды, на которую смотрю так, будто она может дать ответы.

Ожидаемо. Да и давно пора было это сделать. Еще три года назад, приехать и рассказать. Имела право.

— Тогда... пожалуй начну сначала, — рука на автомате тянется за сигаретами — рот травит горечью — не о том я хотел с ней говорить, хотелось одну горечь заменить другой, никотиновой. Одергиваю сам себя, помня, как раньше Юля морщила свой носик от этого запаха, не нравилось.

Снова сжимаю пальцы в кулак, и начинаю свой недолгий рассказ, который она должна была услышать еще... тогда.

— Я не просто так появился в фирме. И отпуска у отца никакого не было. Я уже давно работаю в компании, занимающейся раскрытием коммерческого шпионажа. Давид работает там же. Прохоров, наш начальник. И пригласил отец меня именно для того, чтобы я нашел, кто сливает информацию.

Губы Юли складываются буквой “о”, а брови удивленно взлетают вверх, но она молчит. Отпивает из кружки остывший чай, будто пытаюсь чем-то занять рот, лишь бы не заговорить.

Подзываю бармена-официанта, чтобы обновил нам напитки, дожидаясь, когда он поставит кружки с горячим чаем, отойдет и тогда продолжаю говорить:

— Скрывать не буду, ты была под подозрением. Это одна из причин, почему я отправил тебя на стажировку в другую компанию. Вот только, когда ты вернулась, сомнений в твоей невинности, уже не было. — всматриваюсь в черты ее лица. Юля снова сидит опустив голову, но даже этого хватает, чтобы заметить, грустную улыбку, тронувшую ее губы.

Все верно. Куда девалась эта уверенность потом? Юля думает об этом. После, я сам часто об этом думал.

— Твою стажировку, кстати, сорвал тот же человек, что и сливал заказы. — продолжаю и Юля заинтересованно смотрит на меня. — Это была Лидия Васильевна. Секретарь отца.

На секунду хмурится, видимо пытаюсь сообразить о ком я говорю, а потом ее глаза

широко распахиваются.

— Кто? — от удивления Юля забывает о своем желании играть в молчанку, чему я только рад. Да, другой реакции и быть не могло. После того, как это имя назвал Прохор, и я, и отец еще долго сидели с такими же лицами, какое сейчас у Юли. — Ты же пошутил?

Мотаю отрицательно головой — ошибки нет. Еще несколько раз после Прохора все перепроверял. Не потому, что не доверял, а просто не мог поверить.

“А Юлю обвинил и вынес ей приговор сразу...” — проносится в голове.

Придуток.

— Она же столько лет проработала на Игоря Валентиновича, — Юля озвучивает сейчас все тоже самое, о чем и мы думали три года назад.

— Она проработала с ним даже больше, чем ты думаешь, — киваю, соглашаясь, — фактически она была с ним с основания фирмы. Они вместе переживали взлеты и падения, кризисы и конкурентов.

— И почему же тогда все так?

— Она рассчитывала на более перспективное место для себя, но выше личного помощника за столько лет так и не поднялась.

Фирма, полностью, “от” и “до” детище отца. Его финансовые вложения, силы и время. А Лидия Васильевна, женщина, с которой он был знаком с далекой юности. Она вызвалась помогать ему на первых парах, да так и осталась. Почему отец ей не презентовал, какую-нибудь весомую должность, не знаю. Может от того, что как такового образования для весомой должности не было, может еще какая-то причина.

— Плюс она, как оказалось, любила отца.

— Оу! — блестящие глаза Юли распахиваются еще шире, хотя казалось бы, куда еще то и так два блюда. — И что? Они... встречались?

За секунду она превращается в любопытную лисичку, как и многие девочки, обожающая красивые истории любви. В глазах светится неподдельный интерес, щечки вспыхивают, а зубки нервно закусывают нижнюю губку.

И я снова люблюсь... Как же я скучал по тебе моя девочка... и каким же я был идиотом.

— Нет, — отрицательно машу головой, и тут же исправляюсь, — по словам отца, нет, но кто там знает. Лидии Васильевны же сказала, что наша мама не оставляла ей шанса завоевать сердце отца.

— Ммм... ну вашей же мамы давно уже нет, — очень аккуратно и едва слышно говорит Юля, судя по всему боясь обидеть.

— Пояснять, что ей мешало после, она не стала, отец вообще это никак не прокомментировал, поэтому остается только гадать, — пожимаю плечами и с удовольствием наблюдаю, как Юля ерзает на месте от нетерпения.

Она будто забылась и сейчас с любопытством слушает интересную историю, а я очень бы хотел растянуть этот момент, как можно дольше, потому что рано или поздно, дойдем до того места, где я прогнал ее и она закроется от меня. Снова.

— Пф... — смешно фыркает, откинувшись на спинку стула, — я все равно ничего не понимаю. Зачем? Отомстить, через столько лет, за то, что он не обращал на нее внимание... ну как-то не очень...

— По ее словам, она вдруг осознала, что годы идут, а у нее ни мужа, ни ребенка. Она поняла, что ничего в своей жизни не видела, захотела путешествовать, повидать мир, пожить, наконец, для себя, а для этого нужно очень много денег.

— Допустим... Почему сейчас?

— А тут наложилось много обстоятельств. В фирме работали люди, готовые ей помочь, не за бесплатно, разумеется. Отец доверял ей информацию, благодаря которой она с легкостью могла это все провернуть, плюс мое назначение — Лидия Васильевна точно не знала, чем я занимаюсь, думала, это что-то вроде помощи в организации работы фирм и, когда отец оставил меня, а сам отстранился от дел, она ускорила процесс. Она и до этого сливала клиентов, зарабатывая на этом, и отец это заметил, но вычислить не мог. А тут мое появление, она решила, что это ее шанс — я же не работал с отцом и, как нового человека, меня вполне можно было облапошить.

— Кто еще ей помогал?

— Люба, из знаменитых Трех Л, оказалась какой-то дальней родственницей и парень из айти отдела, сын близкой подруги.

Это и было ошибкой моей и отца, этих двоих мы не проверяли тщательно, они пришли по протекции Лидии Васильевны, а ее за столько лет, мы считали членом семьи и не сомневались. Более того, именно на этого айтишника мы с Давидом полагались во время своего расследования. Два слепца. Хорошо, что еще не додумались рассказать, чем мы занимались в фирме на самом деле.

— Лидия Васильевна, — продолжаю, — являясь правой рукой отца, могла залезть во все документы, ее протеже прикрывал слив данных, сбоями в системе, а когда дело дошло до того, чтобы окончательно растоптать отца и разрушить компанию они воспользовались твоими заметками и добрались до vip заказчиков.

— Понятно, — Юля отворачивается к воде, кусая губы. О чем-то думает и эти мысли совсем не радужные.

— Ты ни в чем не виновата. — тянусь через стол и ловлю ее прохладные пальчики, которыми она мнет край пледа. Не надо быть гением чтобы понять, чем заняты ее мысли. — Не будь твоих записей, они нашли бы другой способ добраться до информации. Если уж так рассуждать, больше уж виноват отец, допустив этого человека до важных документов.

Как ни крути, никто не виноват и все одновременно. Лидия Васильевна по роду своей работы имела доступ к тем бумагам, которые использовала против отца. А Юлини записки, капля в море, в череде тех данных, которые были в руках троицы, провернувшей аферу.

К моему удивлению Юля не выдергивает руку, только сжимает пальчики обхватывая мою руку. Может я и ненормальный, но даже такое легкое действие с ее стороны, словно бальзам на душу.

Я смотрю на Юлю и больше всего на свете сейчас хочу подойти, прижать к себе и никогда больше не отпускать. Вот только такому самоуправству она вряд ли бы обрадовалась.

— Почему я? — она резко разворачивается ко мне, смотря немигающим взглядом. — Почему решили подставить меня?

Хороший вопрос...

— Ты не поверишь, — усмехаюсь, — но изначально Лидия Васильевна вообще пыталась тебя огородить.

Юля удивленно вскидывает брови и смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Не смотри так, ты ей нравилась. И она очень расстроилась, когда узнала, что тебя Антон бросил. По роду работы, она была знакома со многими людьми, в том числе и с той женщиной, которой поручили заниматься твоей стажировкой. Это она попросила изводить

тебя, надеясь, что ты точно не вернешься в фирму после такого. Я узнал об этом намного позже. Владелец той фирмы, мой друг, в то время был на лечении за границей и смог разобраться во всем только когда вернулся.

— Хорошо. — медленно говорит Юля, видимо пытаюсь переварить услышанное. Пускай обдумывает сколько нужно, а у меня пока есть возможность перебирать ее пальчики в своих руках, наслаждаясь такой невинной лаской. — Но, если я ей нравилась, почему по итогу крайне оставили меня?

— Потом что не уволилась. Потому что, как она выразилась, связалась со мной. “Сама дура, виновата” — так она объяснила, почему в итоге перевели все стрелки на тебя.

Юля запрокидывает голову и смеется. Не обиженно или истерично, а, на удивление, задорно и искренне, как будто я тут анекдоты рассказывал.

— Капец, — все, что она может сказать, на секунду прекращая смеяться.

А я люблюсь ею. Задорной, веселой. Столько времени не видел ее улыбку и сейчас залипаю, как пацан и не могу отвести глаз. Как же я по ней соскучился. Как же мне не хватало ее рядом. И каким же я был идиотом, что три года не искал ее.

— А что было... в тот день? — меня словно холодной водой окатывает. Я засмотрелся и пропустил из виду, как в ее глазах пропадает задорный огонек, а улыбка из радостной, становится натянутой.

Юля аккуратно высвобождает пальцы из моей руки, откидывается на спинку стула и плотнее закутывается в плед. Ей не холодно, просто она отгораживается. Я физически чувствую, как она кирпичик за кирпичиком выстраивает между нами стену. Снова. Глупо было надеяться, что эти минуты ее расслабленности и веселья продлятся долго, но я все же надеялся...

Опускаю руки под стол и стискиваю их в кулаки, пытаюсь хоть ненадолго сохранить тепло ее ладоней, которые держал еще пару секунд назад.

Как бы я не оттягивал этот момент, но он настал. Последняя точка в этой истории, которая вполне возможно поставит точку в наших, еще не успевших возродиться, отношениях.

Отпиваю успевший снова остыть чай и смотрю в глаза девушки, сидящей напротив...

“Юля... всю душу мне выворачиваешь... дай хоть шанс, не души в зародыше”. Но она смотрит, как броней, прикрываясь пледом и ждет.

— Отец принес в офис фотографии, на которых ты обнималась с Васей. — медленно, удар за ударом, загоняю гвозди в крышку гроба под названием “любовь”. — Ты же знаешь, что он работает в конкурирующей фирме?

— Работал, — Юля ошетиливается. Поджимает губы и скрещивает руки на груди. — В тот день мы виделись с ним первый раз после окончания универа. Случайно столкнулись. И уж точно он не выпрашивал у меня ничего.

Знаю. Уже знаю, но тогда...

— Серьезный сбой в системе, с которым не получалось справиться. Отец принес фотографии, на которых ты обнимаешь Васей, который, как оказалось, твой бывший парень и работает на конкурентов. Я... пошел найти тебя и все выяснить, но когда подошел к отделу, услышал, как говоришь Антону, чтобы он бросил сестру и ушел к тебе...

— И не стал ничего слушать, и не дал ничего объяснить. Просто вышвырнул, — перебиваю.

Юля горько усмехается. Всего секунда и в ее глазах вспыхивает обида пополам с болью.

— Видимо не настолько я была уж нужна тебе, что ты не стал ни в чем разбираться и слушать меня тоже не стал. Ушла и слава богу. Да и ты не долго расстраивался... что ж... — она говорит со злостью, но в глазах блестят слезы. Резко вскакивает со своего места, отбросив плед на спинку стула. — Спасибо... за содержательный рассказ... Было... познавательно. — ощущение, будто хотела заорать или пыталась не расплакаться, но взяла себя в руки и говорит спокойно. Только тяжело вздымающаяся грудь, выдает волнение. А по мне, лучше б орала, а так будто ножом, медленно, больно, убийственно. — Я обещала выслушать? Я выслушала. Больше прошу меня не беспокоить.

Разворачивается и бежит по палубе к лестнице и вниз. Как назло теплоход причаливает к берегу, возле очередной остановки. Когда я подрываюсь и бегу за Юлей, она уже находится у трапа, готовясь сойти на берег. Рядом уже стоял Вася.

Кивает и я отрицательно мотает головой. Пусть уезжает с ней. План не удался. Где-то я снова накосячил и сделал не то.

Конечно, этот разговор должен был состояться. Но я не так все планировал и представлял. Вроде сказал все правильно, но будто что-то упустил. Важное. Потому она и ушла.

— Ты идиот, — раздается грубое в динамике, когда я отвечаю на звонок, разрывающий мой телефон.

— Придумайте что-то новенькое, — хмыкаю в ответ.

Идиот, конечно, вот только пасовать перед отцом Юли не собираюсь. А это был он. Она еще не сошла на берег, а ее отец уже на связи.

— У тебя был такой шанс поговорить с моей дочерью, объясниться, но ты все просрал. — продолжает ругаться, не ожидая от меня ответов. — Наплел ей какой-то ерунды. Таких дураков в нашей семье еще не было...

— А как же я? — раздается второй мужской голос. Судя по всему, это муж старшей сестры, Петр.

— Еще немного и этот идиот тебя переплюнет. У тебя хоть хватило мозгов, не смотря ни на что, рядом был со своей женщиной, а этот... три года шлялся непонятно где.

— Андрей Юрьевич, из ваших уст это звучит, как комплимент, — отзывается Петр.

— Не дожدهшься! — рявкает отец женщин. — Поди манатки паковать собираешься и домой? — это уже мне. — И почему мои дочери выбирают таких...

— Папуль, дай трубочку, пожалуйста. — раздается елейный голос Олеси. — Мамуль, уведи папу, налей ему коньячку что ли...

— Пойдем дорогой, ты чего-то слишком раздухарился...

Это мне видимо повезло оказаться на таком импровизированном семейном совете, похоже, что они всем скопом у телефона сидели.

— Да да, друг, привыкай. Вместе с женщиной, получишь неусыпный контроль всей семьи, — решает “добить” Петр.

— Кому не нравится, я и выкинуть могу из семьи, — не успела, судя по всему, жена увести Андрея Юрьевича далеко.

— Пойдем уж, выкидыватель, — снова мама Юли.

Еще какие-то бубнения, шорохи, которые я пережидаю. Остается выслушать нападки от Юлиной сестры и думать, что делать дальше. Отступить от Юли я не собираюсь в любом случае.

— Эй, ты еще тут? — это Олеся.

— Да, — вздыхаю и все таки достаю сигареты.

— Знаешь, я согласна с отцом. Прости, но ты действительно идиот. Это, конечно, хорошо, что ты Юле все решил рассказать, но то, как ты это сделал...

Поперхнулся дымом и оглядываюсь. Я, конечно, чего-то такого ожидал, но как они умудрились услышать?

— У вас там что, прямой эфир?

— Ага, — хохочет девушка, — реалити шоу. Ты, конечно молодец, все правильно сделал, что рассказал, но я бы тоже после этого ушла.

— И почему же? — интересуюсь без особого энтузиазма.

— Потому что ты так и не сказал самого главного. С чего ты должен был начать этот разговор... А еще ты пропустил много всего, что происходило с Юлей за эти три года. Если она когданибудь узнает, что я тебе это рассказала, она меня убьет, а потом я убью тебя...

— Ты меня кинула.

Я в немом изумлении уставилась на Сашу, который стоит, прислонившись к дверному косяку и смотрит на меня... устало. Будто за то время, с теплохода, что мы не виделись, его изрядно помотало, хотя и часа не прошло.

Я просто уехала. Сошла на берег, Вася поймал такси и я отчалила в свою обитель. Хотя это скорее было похоже на побег, но спокойно слушать я не могла.

Саша рассказывал все так, будто это был поход в магазин за хлебушком.

Только для меня в тот момент мир перевернулся с ног на голову? Я одна скулила по ночам в подушку, как выброшенная на мороз собака? Только я сквозь слезы и истерики глотала снотворные лишь бы быстрее уснуть? Глупые вопросы. Это действительно происходило только со мной. Он ничего такого не испытывал, просто продолжил жить. Зачем только сейчас появился? Совесть замучила из-за ложного обвинения? Видимо так.

Вася порывался ехать со мной, не хотел оставлять одну, но... это как раз то, что мне было нужно. Побывать одной и наконец не грузить себя делами и не забываться сном, а подумать. Обо всем. О том, что произошло тогда, что происходит сейчас и как жить дальше. Ясно было только, так как сейчас продолжаться больше не может. Я замуровала себя заживо в доме и на работе. Но дом и работа это же еще далеко не все. И это точно не полноценная и насыщенная жизнь. Это просто бессмысленное существование.

Не вышло. Успеваю только смыть с себя сегодняшний день под струями прохладной воды, облачиться в махровый халат и приготовить чай... будто его сегодня было не достаточно, а потом в дверь звонят. Откровенно говоря, меньше всех я ожидала увидеть Сашу, думала все таки Вася не выдержал и рванул следом.

И вот он стоит напротив и видимо решает выбить почву из под ног.

“Ты меня кинула”- я едва не падаю.

— Мы вроде все обсудили. Я тебя выслушала... — говорю медленно, с расстановкой, но по коже бегут предательские мурашки от закравшегося подозрения, что говорит он сейчас не о побеге с теплохода.

— Три года назад, ты меня кинула. Сбежала, хотя знала, что у меня большие проблемы. Ни помощи, ни поддержки от тебя, — выговаривает, загоняя меня в шоковое состояние.

— Что? — пораженно выдыхаю, во все глаза глядя на него.

Он что вообще несет? Он сбрендил? С ума сошел? Или у него вдруг отшибло память и он забыл, что сам выгнал меня?

— Или я тебе нужен был только пока у меня все было хорошо, а к проблемам оказалась не готова?

Хватаю ртом воздух, как рыба выброшенная на берег и облакачиваюсь о стену, чтобы не упасть.

Саша отклеивается от косяка и, сложив руки на груди, нависает надо мной внимательно вглядываясь в глаза. А я пытаюсь понять, это сон или нет? Даже царапаю ногтями бедро, чтобы убедиться не уснула ли я в ванной, разомлев от звуков воды — больно, а значит я не сплю. Получается Саша действительно сейчас стоит передо мной и обвиняет в черт знает чем.

— Ты... чего вообще говоришь то? — все еще продолжаю мямлить, не отойдя от шока и

абсурдных обвинений.

Это же бред. Полнейший. То, о чем он сейчас говорит. Это я то его кинула? Да это я... я пыталась пробиться и поговорить, бежала за ним по коридорам фирмы, наплевав на то, что подумают коллеги, лишь бы объясниться.

Да такого ужаса, как в тот момент, я наверное никогда в жизни не испытывала и молитва готова была только об одном — “лишь бы дал сказать”. Только он не дал, в довесок обвинив в том, о чем я даже слышать не слышала.

— А скажи, за три года ты вообще хоть раз вспомнила обо мне? — прищуривается и шагает через порог, заставляя меня отступить, и закрывает входную дверь. — Или с глаз долой, из сердца вон?

К шоку примешивается злость. Всего одной фразы хватает, чтобы она разгорелась ярким пламенем, словно горящую спичку поднесли к куче соломы.

— А ты обо мне вспоминал эти три года? — теперь в наступление перехожу я.

Подхожу вплотную и упираюсь пальцем ему в грудь. Только он не отступает, просто некуда, за спиной закрытая дверь, поэтому он просто стоит на месте и сверлит меня своим тяжелым взглядом.

А у меня в груди клокочет, все бурлит и кипит от гнева.

Как он может мне такое говорить?

Ладонь нестерпимо чешется от желания залепить пощечину. Таковую, чтобы прям горела рука, а у него на щеке красовалась моя пятерня, но я сдерживаюсь. Хватит и того, что я сейчас выскажу ему все, что я о нем думаю.

— Ах, да, прости, что это я глупости говорю, — театрально всплескиваю руками, — какой там три года, даже суток не прошло, как ты с превеликим удовольствием забыл меня. Сразу кинулся к своей Карине за утешением. Мне вот только интересно, почему вы все, влюбленные в своих бывших, ко мне то идете? У меня что, на лбу написано “временная замена?”

Да, может я и дура, но больше всего меня задело именно это. Глупо? Для кого-то да, только не для меня.

Обвинения в шпионаже? На тот момент у него были факты, но насколько я поняла, он во всем в итоге разобрался, да и мой разговор с Антоном был мягко говоря не однозначным. Кто б на его месте подумал по другому?.. скажем так, в этих вопросах я Сашу понимаю, но... У всего есть свое “но” — он не стал меня даже слушать, не дал объясниться и тут же поперся к своей бывшей. Вот это обидно и больно, а еще мысль щелкнула, словно щелбан по лбу, неожиданно и больно...

— А может ты просто от меня так решил избавиться? — голос хрипит и в горле застревают колючий комок, не давая не вдохнуть, не выдохнуть. — Может понял, что снова любишь свою Карину и просто не знал, как послать меня, — истеричный смешок пробивается сам собой, — обалдеть...

И это так очевидно, что удивляюсь, как раньше то до этого не додумалась. Все то, что он говорил на теплоходе было бредом. Закрутил со мной роман в отместку бывшей, а когда понял, что нафиг не нужна не стал разбираться и выпер вон.

— А я ведь тебе поверила, — щеки обжигают слезами, — после Антона и его предательства решила, что страх не должен быть сильнее меня, убедила, что ты меня не предашь и доверилась, а ты растоптал и выкинул, как только перестала быть нужна. За что ты так со мной? Чем я такое заслужила?

— Может просто не любила?

По ощущениям, словно меня ударили в солнечное сплетение. Задохнулась и никак не могла начать дышать.

— Да я с ума по тебе сходила, — ору, как ненормальная, выплескивая все, что болело, — как идиотка счастливая летала. Это ненормальное желание постоянно рядом быть, слушать тебя, обнимать. Да я все вокруг перестала замечать, только тебя видела. Все никак не могла поверить, что это не сон, а если и сон, то не хотела просыпаться никогда. А в тот день, да, смалодушничала, захотелось уязвить Антона, но отказываться от тебя не собиралась, если б я только знала, как оно все обернется... и уже после была готова в ногах валяться, лишь бы выслушал. Да даже когда выгнал и я с дуру рванула из города, я по дороге звонила, хотела тебя услышать, один твой голос мог помочь пережить тот ад, что начался вокруг, но только отвечала на твои звонки уже Карина... а ты говоришь не любила...

“Все, Юля, молодец. Призналась какой тряпкой ты стала из-за любви к нему. Как готова была послать совесть и гордость к чертовой бабушке, лишь за секунду его внимания. Потешила его эго. Просто, браво”.

И сейчас тряпка. Потому что так не орут на людей, которые безразличны, потому что три года ничего не изменили в моем сердце, потому что видимо все еще люблю...

Плевать, пусть так... зато я честна. А теперь он может проваливать, больше мне нечего ему сказать...

Александр.

Подхватываю, закидывая ее ноги себе на бедра, прижимаю к стене и ловлю ее губы своими.

“Моя хорошая. Как же я скучал. Я подышал без тебя родная”

Оттягиваю, практически вгрызаюсь в ее рот, лишая воздуха и сам не могу дышать кислородом. Я дышу ей. Прекрасной и такой живой девушкой с грустными глазами и сильной волей, которую увидел однажды в клубе.

Моя Юля.

Тогда не смог пройти мимо и сейчас не могу. Увидел ее и без вариантов, без возможности к отступлению, полная капитуляция по всем фронтам. Женщина, превращающая меня в домашнего котенка, который утыкается ей в живот, а она гладит и хоть конец света в этот момент.

“Моя девочка...”

Руками лихорадочно вожу по ее телу, чтобы снова почувствовать, чтобы снова ощутить ее своей. Глажу, стискиваю, прижимаю и снова по кругу. Зацеловываю ее лицо, но надолго меня не хватает, все равно возвращаюсь к припухшим жарким губам.

А она заставляет мои мозги уплыть в неизвестной направлении, потому что отвечает... Отвечает, черт побери! С таким пылом и страстью, что устоять перед ней нет никакой возможности. Притягивает к себе, трется, стонет. Я и не могу устоять, пробираюсь под халат, развязав пояс и с жадностью ощупываю, каждый миллиметр желанного женского тела.

С нас обоих сейчас слетают барьеры, слетает то невысказанное, что стоит между нами бетонной стеной. Никакого прошлого, никаких ошибок, никаких препятствия, только я и она.

Прихожу в себя только когда ее проворные руки, проскользнув между нашими телами, возьмется с ремнем на моих брюках. Остальная одежда, кофта и футболка, уже сгнули в неравном бою, впрочем, как и Юлин халат.

На секунду рассеивается дурман и я осознаю, надо остановиться. Готов биться головой об стену, но надо. Не должно было зайти так далеко сейчас, просто не предполагал, что она подпустит. Думает, унизилась передо мной, признавшись в своих чувствах, только это не так. Совсем не так.

Она сейчас сделала меня самым счастливым на Земле. Если б она это сказала три года назад, если б это тогда сказал я...

— Я люблю тебя, — задыхаясь, шепчу ей в губы, перехватывая проворные руки.

Еще немного и никакого разговора не получится.

— Тогда почему тормозишь? — запускает руку в мои волосы и сама целует.

Не поговорили...

*****

Я беру ее там, у стены. Просто не могу оторваться, чтобы дойти до кровати. Первый раз с ней в постели старался быть нежным, а тут не сдержался. Дергаю ремень, приспускаю штаны вместе с боксерами, отодвигаю вбок ее трусики и вхожу в нее. Просто срываюсь, вколачиваюсь, как одержимый и не могу остановиться.

Как же мне ее не хватает, черт возьми.

Юля стонет, запрокинув голову и распаласовывает ногтями мою спину, но меня даже эта боль не может отрезвить. Держу ее крепко, за бедра притягивая к паху. Ловлю ртом грудь и не отпускаю, покусывая и облизывая, пока Юля не вздрагивает закричав и не дрожит в моих руках, стискивая меня внутренними мышцами. Тогда я улетаю вслед за ней.

Утыкаюсь лбом ей в ключицы, стараясь выровнять дыхание, чувствую, как нежные женские пальчики вплетаются в мои волосы и не могу сдержать улыбки.

Провожу языком по ключицам и смотрю на россыпь мурашек пробежавшим по женскому телу. Снова не сдерживаюсь и двигаюсь поцелуями вверх по шее.

Я гребанный счастливчик. Сдохну, но не отпущу. Как умудрился продержаться без нее три года?

Вжимаюсь в нее и вдавливаю ее в себя. Ближе. Дышу и не могу надышаться ею. Срастись. Доказать, что она не фантом и не видение, она точно здесь и я настоящий и никуда не денусь.

— Саша, Саш... стой. — Юля легко тянет меня за волосы, заставляя оторваться от ее нежной кожи. — Отпусти, пожалуйста...

— Юль... — напряженно вглядываюсь в ее глаза. Неужели собирается отступить? Сейчас?

— Спину больно, — выдавливает из себя.

Черт, спина.

Поправляю штаны, перехватываю удобнее и захожу со своей ношей в ближайшую комнату, спальню, судя по кровати, и сажу ее на край.

— Дай я посмотрю, — присаживаюсь перед ней на корточки.

— Нет, не нужно, просто это было... не очень удобно, — подтягивает плед с кровати и закутывается в него.

— Я сделал тебе больно? Не смог сдержаться, извини. — глажу ее бедра, сквозь мягкую тонкую ткань пледа. — Давай к врачу съездим...

Меньше всего я хочу причинить ей боль физическую. Для полного счастья только этого еще не хватает.

— Ой, нет, — перебивает поспешно, — это просто неудобно и я ударила спину, но больно не было.

Выдыхаю, опуская голову ей на колени. Постоянная тяга прижаться к ней и я не собираюсь с этим бороться.

— Юль, я люблю тебя.

— Странно сейчас слышать об этом, — отвечает спокойно.

— Почему? После всего, что произошло только что в коридоре, наоборот нормально, как по мне, — поднимаю на нее глаза, но по ее лицу сложно что-либо было понять. Что чувствует? Волнуется ли? Видно, что усиленно думает, но о чем?

— О нет, — усмехается, — если вспомнить, что произошло чуть раньше этого, то странно. Кажется, ты обвинил меня в том, что я тебя кинула, а еще не любила и вообще была меркантильной дрянью, которой от тебя нужны только деньги. — чуть отодвигается назад, отстраняясь.

— Это не так и я это знаю. — поддаюсь вперед, аккуратно поглаживая бедра, все еще укрытые пледом. — Ты все прячешь в себе, не откровенничаешь ни с кем. Я просто хотел, чтобы ты высказалась, выплеснула то, как тебе было больно. Ты имела на это право. Для

этого разозлил тебя, извиняться не стану, еще бы долго клещами тянул из тебя все, если б не сделал этого. Я просил тебя всегда разговаривать и прошу снова.

Да, приехал и наплел ей бред. Потому что надо, чтобы наконец в лицо кому-то сказала, что она живой человек и с ней так нельзя. Но она же привыкла прятаться в ракушку. Не устраивает скандалов, сглаживает острые углы, предпочитает развернуться и уйти. Могла в клубе устроить скандал Антону, но не стала. Молча выслушивала все нападки бывшего и только в крайнем случае послала его. В этом вся она. Со стороны кажется ведьмой с дрянным характером, на самом деле нежная девушка, которая умеет любить и дарить свою любовь. Только не напоказ, а для тебя единственного. Ей не нужна публика, ей нужен только ты.

— Я однажды пыталась с тобой поговорить, ты даже слушать не стал.

— Знаю, извини... я приревновал и меня понесло. — что ж, пришло время каяться, — Но я никогда бы не стал тебя оскорблять и не причинил бы боль. Я не идеальный Юль и тут только дело в том, примешь ты меня такого или нет.

Поговорить надо. Сейчас. Потом пусть решает, что будет, но уже зная, что я тоже без нее подыхал.

Думал с ума сойду, когда узнал, что с ней творилось эти три года. Мразью себя последней почувствовал. Я же ее практически растоптал. Никогда бы не подумал, что она будет настолько тяжело переживать наш разрыв.

Да выжила, да справилась и внешне держалась достойно, но то, что у нее творилось внутри... даже близким не показывала. И все мои планы по планомерному ее завоеванию полетели в тартарары. Завоевывают принцы своих принцесс, а я человек растоптавший ее... Тут не завоевывать, тут лечить ее сердечко нужно, помочь затянуться ранам и забыться обидам... тут бы снова научить верить людям.

— А по твоему мне идеальный нужен был? Я сама не ангел с нимбом над головой и, если ревность я еще как то могу понять, то забеги к бывшей — нет. Да и ревность, тоже знаешь ли, ревности рознь. Три года назад ты выкинул меня на улицу приревновав. И это скажу тебе не самая веселая забава.

Аргументов на это нет. Можно, конечно, сказать, что такого больше не повторится, вот только это слова и только. Слова от меня она уже слышала.

— Юль...

— Саша, ты извини уже поздно, а мне рано вставать.

— Ты же понимаешь, что нам надо поговорить? — сдаваться не собираюсь.

Никогда не был дураком. Все прекрасно понимаю, на что-то обиделась, что-то додумала сама. Развенчивать мифы, которые она сложила у себя в голове придется долго. И доверие из воздуха не берется. Но для этого еще б заставить ее слушать и слышать. А тут вот так, переспали и “до свидания”.

— А если я не хочу?

— Юль, что за детский сад? — психую, вставая на ноги. Я же не последний мерзавец, в конце концов. — В постель со мной можно, а поговорить — нет?

Юля.

Эта ночь переворачивает все с ног на голову. Начиная с встречи на теплоходе, заканчивая тем, что произошло в коридоре меньше часа назад.

До сих пор не пойму, что на меня нашло. О чем я думала, когда набросилась на Сашу, как изголодавшаяся кошка на кусок мяса? Ответ очевиден — я просто не думала. Соскучилась. До одурения. Как бы не злилась, но увидела его и бабочки в животе сошли с ума, а сердце было готово выпрыгнуть ему в руки. Осталась на теплоходе и не остановила в коридоре поэтому. Истосковалась. Глупое сердце, глупое тело. Только мозги не предали, напомнив, чем все может обернуться.

Я хоть и не старуха из сказки о рыбаке и рыбке, но видимо прошу слишком много. Видимо быть счастливой, чтобы я любила и любили меня — это больше, чем я заслужила. Не скажу, что мне этого не хочется. И сердце дрогнуло, когда Саша сказал, что любит меня. Шутка ли услышать это от человека, к которому чувствуешь тоже самое. Чуть с ума от радости не сошла. Как удалось сдержать счастливую улыбку, не представляю.

А может и надо было плюнуть на все, на прошлое и попросить его остаться? Конечно можно, если бы мы были на необитаемом острове и завтра не пришлось бы столкнуться с реальностью. А в ней есть Карина, с которой ничего не ясно, есть сестра Саша, Алина, которая не будет в восторге от меня и сам Саша, который однажды что-то услышит и не так поймет. А я слишком тяжело собирала себя по частям в прошлый раз, чтобы допустить это снова.

Поэтому и попросила Сашу уйти.

Как почувствовала себя после его ухода? Одиноко. Как будто он снова успел стать частью моей жизни и сейчас я не знала, как жить одной. Но это же бред.

Почему ж я размазня то такая?

Но чувство одиночества давило. Поэтому утром, сдав квартиру хозяйке, я села в другой автобус, который повез меня домой — к папе, маме, Леське с мужем и племянникам. Там, где я не буду одна, а в кругу близких и любящих меня людей.

Не хочу больше топить свое состояние в работе. Хочу отдохнуть. Перезагрузиться. Лучше, чем в отчем доме, я нигде не смогу этого сделать. Поэтому поехала туда, где всю свою юность прожила и, не смотря на гиперопеку отца, была счастлива.

Знакомый город, привычная, хоть и преобразившаяся улица коттеджного поселка и все тот же дом, в котором я не была десять лет. Даже когда приезжала три года назад, останавливалась не здесь.

Я приехала и больше не получится прикрываться делами, не выйдет развернуться и уйти, нужно заглянуть в глаза прошлому. Чуть меньше десяти лет и вот я снова здесь.

— Привет, пап.

Сильный мужчина, лучше всех знающий, как правильно. Глава семьи, опекающий всех. Человек, не приемлющий возражений. Отец, из под надзора которого я сбежала в другой город и не возвращалась до сих.

— С возвращением дочь.

*****

Живу у родителей уже две недели.

Рядом Леська с семьей, папа, мама, но что-то не то. Здорово и обалденно снова оказаться за общим столом, болтать по пол ночи с Леськой, возиться на кухне с мамой, играть с племянниками. Наблюдать за цепко следящим за тобой отцом вообще отдельный вид удовольствия. Но это не то... все изменилось. Полное ощущение, что я здесь гость. Не потому что как то не так себя ведут родители, даже комната моя осталась почти в неизменном виде, это за столько лет-то, и тем не менее все по другому.

Чувствую это.

То зачем я приехала, получила сполна. Любовь и тепло. Будто за все годы моего отсутствия. Так, наверное, и бывает в родительском доме. Вот только это больше не мой дом. Просто потому, что нельзя прогуливаться в нижнем белье, нельзя завалиться с целым тортом на диван и смотреть весь вечер фильмы — родители ничего на это не скажут, а может и поддержат, но я не могу этого сделать здесь — извечная проблема тех, кто пожил своей жизнью.

Леська с Петей съехали уже с неделю как. И, признаться, я подумываю об этом же несколько дней к ряду.

Есть только одно “но” — мне вдруг захотелось чего-то постоянного. Где-то осесть. Так, чтобы жалко было срываться с места и куда-то уезжать. Я ж как лягушка-путешественница. Выгнали с одного места, поехала в другое, там выгнали, а и ладно, снова перееду — это не жизнь. Для меня — нет.

Но для ускоренного поиска жилья есть и еще одна причина, сегодня утром в красивой плетеной корзине с ярким бантом и словами “паршивец, вообще-то у меня аллергия”, папа вручил мне щенка.

Маленький пушистый с глазами бусинками и задорным лаем был подарком от Саши. Как и цветы каждое утро, и пирожные к кофе, которое я заходила выпить в местное кафе после прогулок. Мне это передавалось через курьеров, официантов, родителей, без попыток подойти самому.

И без записок. Была всего одна в первом букете — “Это не извинения, “прости” я скажу лично, когда будешь готова. Просто хочу, чтобы улыбнулась”.

И я улыбаюсь. В груди давит и щемит, слезы рвутся, но улыбаюсь. До безумия приятно, но и больно...

— Ну и что ты планируешь делать дальше? — интересуется папа за ужином.

А вот этого вопроса я боялась больше всего. Две недели у меня никто ничего не спрашивал, а ограничиться “не знаю” не получится, потому что иначе в моей жизни начнет распоряжаться отец.

— Подыщу себе жилье, найду работу. Сама, — не могла сдержать улыбки, глядя в прищуренные глаза отца.

— Не плохой план. Хотя ты прекрасно знаешь, что и тем и другим тебя обеспечить могу и я. — миролюбиво говорит, после того, как мама погладила его по руке. — Вот только я спрашиваю про Сашу.

Вот даже не удивил. Конечно он все знает. Только к чему он завел этот разговор? Странно правда, что целые две недели ждал.

— А что Саша?

— Когда поговоришь с ним, Юль?

— А должна?

Надо. Сама это прекрасно осознаю. Давно пора точки над і, но не решаюсь. За эти

недели, как Саша ворвался снова в мою жизнь, передумала многое. За все три года столько не копалась в прошлом, как за эти три недели. И то, что я надумала, мне не нравилось от слова “совсем”.

— А должна ты, дочь, если уж спросила, перестать маяться ерундой и вернуться к нему. Жить и рожать нам с матерью внуков. Помнится ты жаловалась, что я тебя воспитываю, а как не воспитывать, если ты ведешь себя, как маленький ребенок? — хлопает по столу.

Даже не вздрагиваю. Папа всегда был вспыльчивым и хлопнуть по столу, его излюбленный прием. Он говорил, что представляет наши с сестрой задницы, когда бьет по столешнице.

А вот его слова звоном в ушах, словно упала на скользком льду и приложилась головой об этот самый лед. От папы, который трясся над нами с сестрой, как над хрустальными статуэтками, я такого точно не ожидала.

— Ты сейчас серьезно? — шепчу ошарашенно.

— Да. Ты его любишь, он тебя. Что тебе еще нужно? Кажется когда-то ты кричала мне именно это? Так в чем проблема-то? — иронично тянет и сейчас я не могу понять, он серьезно это говорит или издевается.

— Пап, я сама в своей жизни разберусь.

— О, — поднимается с места и облокачивается на стол кулаками, — я вижу, как ты разбираешься. Три года убиваешься по мужику и чего-то не разобралась до сих пор.

Зря я приехала в этот дом. Точно зря. Папа неисправим. Поддержать дочь, выслушать — это не про него.

— С чего ты взял, что я по нему убиваюсь?

— У тебя три года мужика не было, если не заметила. В работу окунулась и нифига не видишь и тут два варианта, либо ты точку не поставила, потому что сделал слишком больно, либо любишь до сих пор. А у тебя два в одном.

— А может просто мужиков нормальных нет вокруг? — ехидство у меня от папы.

— Ой, действительно, — театрально всплескивает руками отец, — с Васей рассталась, нашелся Антон. Антон уплыл в туман, нашелся Саша, а после Саши все мужики вымерли. Вот просто подчистую. А хочешь я прямо сейчас тебе с десятков парней приведу, красивых, обходительных? Все, как вы девочки любите, хочешь? Вот только готов на все свое состояние поспорить, что даже не взглянешь на них, потому что прохерила свое сердце у одного... и забирать его не собираешься и с ним тоже быть не хочешь. А меня задолбал тот бесчувственный робот, который на месте моей принцессы ходит.

У меня просто нет слов. Медленно выдыхаю, поднимаясь со своего места — надо выйти. Находиться, сейчас здесь невыносимо.

— Дорогой, выпей-ка коньячку, а? — неожиданно говорит мама, про которую в этой перепалке и я и отец успели благополучно забыть.

Подходит к своему мужу, мягко проводит рукой от шеи по плечу и к кистям рук. Одну руку разжимает из кулака и вкладывает в нее бутылку папиного коллекционного. Когда успела за бутылкой сходить, не представляю.

— Это все твоё воспитание. Избаловала их, — выговаривает маме, в очередной раз хлопнув по столу.

— Конечно дорогой, это все я виновата, — послушно кивает в ответ в спину уходящему отцу, вызывая во мне волну раздражения, злости и недоумения. Мне были непонятны их отношения. — Юля, присядь, родная. — зовет меня.

Вздыхаю, но сажусь. Откровенно, с маминым подходом к жизни и отношениям, я не представляю, что она может мне сказать.

Рассказать, что нужно быть послушной во всем и не перечить мужчине ни за что и никогда? Нет, я так не хочу и не буду.

Я люблю свою маму, очень, но вот такое идолопоклонное отношение к отцу, с его-то деспотичным характером, для меня не понятно.

— Юля, я согласна с твоим папой, — вот об этом я и говорила, всегда и во всем на его стороне, не важно прав он или нет, — вам необходимо с Сашей поговорить и все решить между собой. Хотя бы просто выскажи ему свои претензии, скажи, что он тебе больше не нужен, иначе он не отступит.

Я сейчас согласна с ней в части претензий, но интересует меня другое.

— А ты бы так и поступила мама? На моем месте, простила бы папу? Хотя можешь не отвечать — по какой-то невероятной причине ты прощаешь ему абсолютно все. — знаю, что говорю сейчас обидные вещи, но это такая защитная реакция на слова отца.

Тоже очередная несправедливость — за слова отца я грублю маме.

— Я многое прощала и прощаю твоему отцу, это нормально, — миролюбиво улыбается женщина.

Великолепно!

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на маму внимательнее. Она ведь действительно великолепна и это не моя оценка, как дочери, а как женщины. Маме уже за пятьдесят, но даже морщинки в уголках глаз, который появились, не испортили ее. Она по прежнему хорошо выглядит и ухаживает за собой. Ухоженное лицо, качественно покрашенные от седины волосы в стильной стрижке, отполированные ногти идеальной формы, хорошо подобранная одежда, которая скрывает, даже если и есть, недостатки тела, и это относится, в том числе, и к домашней одежде.

Почему же она вот так?

— Что нормально мама? Когда не считаются с твоим мнением? Когда решают все без тебя и за тебя? Мама, я сбежала из дома в восемнадцать, чтобы меня насильно не отправили туда, куда я не хотела поступать, или того хуже не выдали замуж. Тебе это ни о чем не говорит?

— Дочь, “семья” — это не так просто и ты много не понимаешь....

Слушать дальше нет сил и я встаю намереваясь уйти:

— Оставь эти речи для кого-нибудь другого...

— Сядь, — звучит резко и твердо. И я бы даже подумала, что вернулся папа, если б не голос. Голос точно был мамин, а вот тон... мне не приходилось такого слышать. Никогда.

От неожиданности почти падаю обратно на стул.

— Проясним один момент, — непривычно серьезно говорит мама, — твой отъезд всегда был и будет нашей с отцом самой большой болью. Но мы не первые и, увы, не последние родители, которые решили, что знают, как лучше. Ты убедительно показала, как мы ошибались.

— Но ты была на стороне отца...

— Милая, не знаю, как помнишь ты тот период, а я помню, как ты сомневалась и не знала, куда идти и как быть. Мы с папой подумали, что поможем, подтолкнем, чтобы ты не теряла год.

— А о чем вы думали, когда на глазах у гостей выкинули моего парня с моего дня

рождения, или когда папа приволок мне анкеты парней и сказал выбирать?

И такое было в моей юности.

— Выкинул, потому что папа застал твоего, как ты его назвала парня в обнимкой с твоей подружкой. В нашем доме. Погорячился, не сделал это по тихому, но... — мама разводит руки в стороны. — А фотографии парней... Он же не замуж тебя за них выдавал, а хотел познакомить с достойными, по его мнению, парнями, но решать то тебе.

Это надо было переварить. Давалось это с трудом.

— Хочешь сказать, что он не собирался выдать меня за них замуж? И... почему вы мне не рассказали тогда, что видели?

— Да, дочь, за всех сразу бы выдал замуж, — смеется мама, — твой папа хотел чтобы ты была счастлива и надумал познакомить с сыновьями своих друзей, которые, как он думал, носили бы тебя на руках. А про парня не рассказал... он не хотел тебя травмировать. Знать, что твой возлюбленный тебе изменяет, такое себе...

Многолетняя, построенная мной стена из претензий и недовольств дала ощутимую трещину.

— Милая, — продолжает мама, взяв меня за руки, — я не стану говорить, что твой папа ангел. Это не так, он далеко не идеален. Но все же не такой монстр, каким ты его считала. Просто из нас двоих, он “плохой полицейский”. Сказать “нет”, что-то запретить, ругать — я оказалась для этого слишком мягкотелой. Говорят, дети крутят веревки из отцов — ты и Леська крутили из меня. Признаю, мы поторопились, отдав твои документы в университет, но, если б ты тогда с нами поговорила...

Вдруг воспоминания в голове приобретают другой оттенок. Ошибки — да кто их не совершает. А я обрубил, не задумываясь и даже не пытаюсь все выяснить. Разговором сложно назвать ту истерику, которую я восемнадцатилетняя, закатила родителям, когда все узнала.

— А вот это его “Это все твое воспитание”? — нет, я не пытаюсь демонизировать отца, но вопросы и сомнения в голове есть. Когда рушатся выстроенные тобой замки, сложно сразу смириться и поверить. — Я просто пытаюсь сложить все в своей голове... я помню столько всего — как он отправлял тебя переодеваться, потому что ему не нравился твой внешний вид, хотя ты была в тот момент шикарна, как не отпускал тебя гулять с подружками позже одиннадцати, да много всего...

— Я все понимаю, Юль, — снова улыбается мама на этот раз, как то по девичьи задорно и проказливо, — но видишь ты все не так, как я. Одежда та была откровенней, чем нужно, я так... дразнила твоего отца. В таком виде я бы и сама не вышла в люди, поэтому всегда готовила два комплекта. Мы с ним столько лет вместе, что я, скажем, держала его так в тонусе. То, что он запрещает мне засиживаться позднее одиннадцати, тут дело и вовсе во мне. Особенность организма, мне нельзя ложиться позже двенадцати ночи спать, сколько бы я потом не проспала, состояние, как после похмелья — жуткие мигрени. И мне, откровенно говоря, проще было сказать, что муж у меня тиран, который не отпускает до поздна, чем объяснять, как плохо мне будет утром. Андрей был не против.

Я в шоке от таких откровений. Насколько по-другому все видела я.

— Ну и ругаться и спорить с отцом мы всегда старались за закрытыми дверями. Считала, что дети на такое не должны смотреть. Знала бы, что вы посчитаете меня из-за этого бесхребетной размазней, устраивала бы показательные выступления перед вами, — и опять улыбается.

Какая же все таки у меня мама... а я была малолетней идиоткой, и столько лет потеряла из-за надуманного мной же.

— Прости, — шепчу и опускаю взгляд. Глаза щиплет от подкативших слез. Вроде взрослая уже женщина, а разревусь сейчас, как девчонка.

— Ну, ну. — притягивает меня к себе в объятия мама и гладит по волосам. — Я, вдруг осознала, что мы с папой накосячили больше, чем думали. Мне надо было объяснить вам такие моменты, а не строить из себя страдальцу.

— Это мне надо было поговорить и быть чуть терпимее.

— Это у тебя не выйдет, — вздыхает мама и ярываю объятия, — увы, у вас папин характер. И ты и Леська привыкли рубить с плеча, не давая себе остыть и подумать. Но сейчас о другом, я хочу, чтобы ты подумала о Саше..

Говорит и молчит, вглядываясь мне в глаза.

— Мам... — я же почти забыла. Отвлеклась.

— Нет. Послушай меня. Семейная жизнь, не может быть идеальной, как в сказке. Мы с твоим папой больше тридцати лет вместе, и у нас до сих такие войны бывают, что соседи Леську вызванивают, думая, что мы тут друг друга убиваем. А все потому, что мы не идеальны. Да и никто не идеален. Та же вспыльчивость твоего отца и эти его “это твое воспитание” чего только стоят. Но если б я обращала на все косяки внимание, даже вас бы с Олесей не было.

— Мам ты ничего не знаешь...

— Не спорю, я не знаю всего, но тем не менее, кое что и мне известно.

— Папа наводил справки? — вздыхаю.

— Естественно, — фыркает мама, — одно из того, за что готова его прибить. Но... я знаю о том, что он не стал тебя слушать, обвинил и вот, что я тебе скажу, если б ты не рванула сюда, ты была бы у него в тот же вечер. Он хотел с тобой поговорить, был немного не в состоянии, но за тобой послал буквально через несколько часов, только ты уже уехала. К тому же, он долго тебя искал, чем позабавил твоего отца, он немного поиграл и “повставлял палки в колеса” твоему Саше.

Внутри что-то дрогнуло. Уже не первый раз за сегодняшний вечер.

— Ты не все знаешь, мам. — про Карину видимо не в курсе. Это и к лучшему.

— Всего, кроме вас, знать никто не может, — соглашается, — но и ты не знаешь всего. Судишь со своей стороны. Саша услышал вас разговор с Антоном и не стал слушать тебя, сейчас его не слушаешь ты. Это, в какой-то степени справедливо, один-один, если мы говорим о каких-нибудь соревнованиях, но, если мы говорим об отношениях, то сейчас одному из вас придется быть мудрее. И дальше так же, где-то уступаешь ты, где-то он. И разговаривать, разговаривать, разговаривать, только так сможете что-то построить и сохранить. Я не заставляю тебя его простить и мирится со всеми заскоками, но выслушать-то можешь...

— И выслушает, — жестко, печатая шаг словно на плацу, говорит вернувшийся папа, — завтра благотворительный вечер, пойдешь с нами туда и там поговорите.

— Андрей, — строго пытается одернуть мама отца.

Узнаю папу, правда отношение к этому приказу теперь немного другое.

— Неужели тебе настолько понравился Саша? — улыбаюсь, на недовольные сжатые губы мужчины.

Папа такой папа.

Шикарно оформленный зал одного из лучших ресторанов города. Я вся начищенная и натертая на многочисленных косметических процедурах, куда с самого утра утащила меня мама, стою в потрясающем платье с шикарной прической у входа в зал под руку с отцом. С другой стороны, подхватив его под вторую руку, прильнула мама.

Самый большой благотворительный вечер в этом году в защиту амурских тигров.

Где-то здесь, в зале, Александр, наверняка, в смокинге, накрахмаленной рубашке с золотыми запонками и галстуке в цвет глаз, с зажимом.

Мы, как два метеорита, которые пытаются столкнуть всеми возможными способами силы извне, чтобы мы создали сверхновую. И это самое малое, что мы должны создать, если учесть сколько усилий вложено в это посторонними людьми.

Эта встреча полностью спланирована и подстроена.

Не нами. Моими родителями.

Сейчас мы через весь зал встретимся глазами, в животе запорхают бабочки, нас, как магнитом будет тянуть и мы буквально поплывем навстречу нашей любви. В центре зала мы замрем на мгновение напротив друг друга, всего один короткий вдох и наши уста сольются в страстном поцелуе и мы будем счастливы вместе до конца наших дней.

Дешевый спектакль, на одном из самых дорогих сборищ этого города. Почему-то в этот момент мне показалось именно так. Много пафоса и “ноль” души.

Не хочу так. Даже не смотря на то, что это все полет моей фантазии и то, что выдала моя примитивная фантазия не произойдет — не хочу.

Нет.

Хотела. Но передумала. Не здесь.

Благотворительный вечер и бизнесмены распивающие дорожущее шампанское, явно не располагают к беседа. В моем понимании — нет, поэтому не хочу тут оставаться.

Мы же хотели поговорить. У него было, что еще мне сказать, и на теплоходе и у меня дома, но я струсила. Я не знала, что именно он хочет мне объяснить, поэтому в сотни раз страшнее.

Я успешно убегала от прошлого столько месяцев и вот сейчас оно настигло.

— Пап, позволь я уйду? — знаю, как важно для него быть здесь, но если в моем присутствии нет жизненно важной необходимости, то...

— Опять решила сбежать? — прищуривается отец. — Александр где-то здесь. Сейчас встретитесь и все решите. Уже не дети, в конце концов.

Увы, мы стоим в зале и рядом нет чего-то хотя бы относительно похожего на стол, иначе папа обязательно бы по нему стукнул. Вижу, как ему этого хочется.

Но я не собираюсь бежать. Разговору быть. Давно пора. Глупо, по-детски сбежала от него дважды. Пора исправлять.

— Зачем же ты тогда со мной нянчишься, как с маленькой? — улыбаюсь.

— Потому что ты моя дочь, — припечатывает.

— Вот именно потому что я твоя дочь, я и прошу — дай мне уйти. Вот это все не для меня, — обвожу рукой сборище пришедших не столько ради благотворительности, сколько ради налаживания деловых контактов. Я ничего не имею против, просто я и правда к этому не привыкла, не смотря на то, что мой отец один из числа этих людей.

Просто это будто не моя жизнь.

Я с сентиментальной грустью и тоской вспоминаю сборища на корпоративах у Игоря Валентиновича и свою работу в офисе. Ошарашенные лица Трех Л, когда они узнали, что я не уволилась, поддержку Вари в каморке, мою маленькую войну с Антоном, и как кричал на нас потом Игорь Валентинович, любопытную лисичку Аню, в нужный момент принявшей весь удар на себя или еще раньше, когда я засиживалась допоздна в офисе или думала, как втемяшить в голову нашим королевишнам, что надо бы поработать, почему то сейчас эти воспоминания вызывали только улыбку. Я не мазахистка, просто там я чувствовала себя на своем месте. Там была моя жизнь. Здесь нет.

К глазам подступают слезы.

Вот Саша, за рабочим столом спит, закинув руку на голову, а на неудобном диванчике уютится Давид. А потом Дава наслаждается кофе, называя меня богиней, а я млею в руках своего мужчины, хотя на тот момент он еще не был таковым.

Или был? Будь на месте Саши кто-то другой я бы позволила ему тоже самое?

Ответ оказывается на поверхности — нет.

Даже от воспоминаний, что я когда-то была с Антоном на душе становится муторно.

Это просто Саша сумел подобрать ко мне ключик — где-то надавил, заставив ездить с ним домой, где-то поддержал, помогая с Леськой, где-то заставил задуматься — “готова ли ты разрушить свою жизнь ради Антона?” — он просто был рядом. Так мало оказалось мне нужно, чтобы влюбиться.

Сейчас же я понимаю, что в фирме все уже не так. Многих людей там уже нет и больше никогда не будет, включая меня. И от этого грустно и тоскливо. И что-то в груди словно по живому выкручивает, заставляя кусать губы, лишь бы не допустить соленым рекам побежать по щекам.

— Иди, Юль, — шепчет тихо мама, сжав мою руку.

Ее добрый и понимающий взгляд вместо сотни слов посылает волны поддержки, заботы и любви, что я в очередной раз понимаю, насколько ошибалась и не видела очевидных вещей — она меня поддержит, чтобы я не сделала и понимает, как никто другой.

— Спасибо, — шепчу в ответ.

Папа пытается возразить, но маме стоит лишь что-то тихо сказать ему на ухо, для его успокоения.

— Может хоть на такси?

— Андрей, наша дочь, я уверена, умеет его вызывать.

И это последнее, что я слышу.

Неспешным шагом пересекаю зал, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, на ходу накидываю полушубок, который забираю из гардероба и выхожу на воздух, “свежим” его язык не повернулся бы назвать. Хотя и не видны из-за высоких деревьев, зато отчетливо слышатся звуки проезжающих мимо машин, а за спиной музыка и гомон голосов, одна я словно в вакууме. И даже холодный ветер, пробирающийся под легкую ткань платья, не мог его разбить.

Отхожу в сторону от главного входа и облакачиваюсь на холодные металлические перила, невидяще уставившись вдаль.

Ничего не замечаю сейчас. Обжигаю руки о холодный металл и планомерно замерзаю. Просто голова занята мыслями, которые не дают ни на чем сосредоточиться и никак не хотят, чтобы я ухватила хоть одну. Поток сумбурной информации, воспоминаний,

сожалений, тревог, радостей и понимание о трех потерянных впустую годах.

— Ни один человек не заслуживает такого, — звучит за спиной до боли знакомый голос, — чтобы из-за него теряли три года своей жизни.

Я сказала это вслух?

Вздыхаю, прикрывая глаза, как на репите прогоняя в голове его слова, но не оборачиваюсь.

— Даже ты?

— Никто. И тут дело не в том из-за кого ты это делаешь, а в тебе. Нельзя так поступать с собой, — его слова отзываются во мне россыпью мурашек по коже.

Краем глаза вижу, как Саша встает сбоку от меня, так же смотря вдаль.

— Я постоянно все делаю неправильно, — зябко передергиваю плечами, — столько лет ни за что сердилась на родителей, теряя время на необоснованную обиду.

— Можно все исправить, — поворачивается ко мне.

— А если уже поздно?

— А поздно? — переспрашивает. И говорим мы сейчас уже не о моих родителях. — Пойдем в машину, Юль. Ты заболеешь.

— Будешь ухаживать, если заболелю? — резко оборачиваюсь, вскидывая взгляд. Глаза в глаза.

— Буду, — приподнимает краешек губ в мягкой и нежной полуулыбке.

— Почему?

— Потому что люблю тебя, — и снова просто, как само собой разумеющееся и неоспоримое. Снова говорит это именно так. Без заламывания рук, одухотворенного выражения лица или радостного возгласа, да плевать на все это, он это говорит так, как будто это просто набор слов, а не признание в любви.

— Почему? — повторяю упрямо.

“Скажи так, чтобы я поверила. Объясни, чтобы я не сомневалась. Сделай так, чтобы перестало все болеть и ныть.”

— Есть люди, которых ты любишь, просто потому что они есть. Твои родители, сестра, племянники — ты никогда не задумывалась над тем, любить их или нет. Они часть твоей жизни, — Саша делает шаг вперед. Одно движение руки и вот его горячие пальцы касаются моей щеки. Очерчивает скулу и спускается к губам. Мягко и нежно, почти невесомо, словно прикасается к хрупкой бесценной реликвии. — Для меня нет вопроса “почему”, ты просто часть моей жизни.

Александр.

Курю. Много. Одну за одной. Смотрю в окно, где ночь уже давно укрыла улицу темнотой, раскрасив в черно-белые цвета и так не особо радужную пору — листья на деревьях уже опали, снег выпал, растаял, устроив на дороге грязное месиво, и подморозило. Такое себе. Зато под стать состоянию.

И было же все отлично, когда вышел следом за Юлей на улицу.

“Добегалась” — ударила мысль в голову, едва увидел ее в тонком платье, туфельках, полушубке, сжимающей холодные перила. Сама решила или ей надоело убегать — не важно. Важно, что остановилась.

Давно для себя решил, что не позволю больше бегать. Поговорим и все решим. Пора. Давно пора. Но сначала тупил я, а сейчас спасовала она. Не подпускала, берегла себя.

“Правильно, береги, а я буду Нас беречь. Тебя и меня, как одно целое”.

Осталось только поговорить и уже объяснить, что мы связаны чем-то крепче, чем цепи. Пока не пообщался с ее сестрой еще думал о том, что могла зажить и ей может быть пофиг на меня и мое появление, но не после этого... не после того, что я узнал.

И, конечно, не после проведенной ночи в ее квартире, когда я напрочь забыл про все на свете. Да и как было устоять, когда с таким пылом и огнем в глазах кричала насколько сильно любит, насколько необходим.

И мне хотелось напиться, забить себя ею до краев и через край, лишь бы рядом.

Конечно, она говорила все в прошедшем времени, но что угодно готов был поставить на то, что и для настоящего времени ее слова актуальны.

Но она выгнала. Что-то снова у себя в голове решила и выгнала. Спряталась в свою скорлупу и сбежала. В очередной раз.

Три года назад, не хотел давить, чтобы сама выбрала, не хотел по принуждению, ждал пока сама решит и она решила. Окончательно и бесповоротно. Теперь уже решил я.

Убедить Юлиного отца, привести ее на благотворительный вечер не составило труда, всего лишь минут пятнадцать выслушивал предостережения и угрозы быть порванным на британский флаг, если обижу ее.

Обижать не собирался. Все исправить — вот и весь план действий.

Взял ее за руку и повел по лестнице вниз к подъездной дороге, где недалеко была припаркована моя машина.

Юля уже посинела на холоде, тряслась и дрожала, но при этом умудрялась еще болтать и сопротивляться. Вяло и неуверенно, но сопротивляться.

— Куда ты меня ведешь?

— В машину. Чтобы ты не подхватила воспаление легких. — чеканю жестко, потому что злюсь. На нее, за то, что так глупо гробит свое здоровье, на себя, за... за многое.

Юля оступается на скользких ступеньках, неловко взмахивая руками, одним рывком прижимает к себе, не давая упасть и подхватываю на руки, словив дежавю.

Такое уже было.

Она в шикарном платье и я уносил ее с подобного пафосного мероприятия на руках. Тогда все закончилось волшебным. И сейчас надеялся, будет не хуже. Все для этого готов сделать.

Ненадолго ставлю ее на ноги, не переставая прижимать к себе, щелкаю сигнализацией и усаживаю свою принцессу, которую я похитил с бала, на переднее сиденье железного коня.

“Ваша дочь не вернется сегодня домой”, - набираю смс на телефоне, пока обхожу машину и добавляю, прежде чем отправить, — “и завтра тоже”.

И увез ее сюда, где подготовил все для нас. Ужин, спокойная атмосфера, без лишних глаз, ушей и без связи с внешним миром. На два дня мы с ней для всех умерли.

И надеялся, что поедем, выпьем вкусного вина, она расслабится и доверится. Но прошлое повисло, бетонной плитой и грозило в любой момент сорваться и погрести под собой все, что я пытался тут возродить. И это напрягало.

Как ей доказать, что больше не повторится не представлял. Как достучаться? Есть конечно способ, который посоветовала Юлина сестра, но тут уже мои заморочки.

“Поделись с ней. Девочкам важно, когда с нами делятся своими переживаниями. Это не делает вас слабаками, это ваш акт доверия нам. Даже не имея возможности помочь, мы чувствуем себя родными и нужными. Как доверять, если не знаешь о том, что у человека в душе?”

Честно, сесть и изливать душу Юле я бы никогда не додумался. Да просто не к чему это.

“Проблемы женщины, это общие проблемы. Проблемы мужчины, только его забота” — это моя догма, моя аксиома, которой я придерживался и всех все устраивало. Никто не пытался пробиться через это... Никто до этого дня — Леся утверждает, что без этого я до Юли не достучусь. И говорит она это так уверенно, что уже и сам почти в это поверил.

Да и проблемы ли то, что меня гложет? Так, тараканы...

“... которые стоили мне Юли”, - тут же пролетело в голове.

Видимо все таки не такая уж это и мелочь, если из-за этого я угробил наши отношения.

Вот только словно выкручивало по живому, взять и изливать душу. Никогда таким не занимался, а тут... ей важно, что у меня внутри...

Поэтому сейчас, вместо ужина в компании с любимой женщиной, я пялился в окно и курил, пока Юля, за мой спиной, завернувшись в одеяло, согревалась горячим чаем.

“Одногпрости- мало, нужно еще ипочему. И прощение будет зависеть от того, готова ли она принять твоепочему” — говорила Олеся, на все мои сомнения.

Смех и грех, давно скакнул за тридцатник, а, как оказалось, разбираться в женщинах не научился.

Да, естественно Юля не первая, кто хотел знать о чем я думаю, но остальным вполне хватало “будь рядом и все получится”. Или не хватало? А Юле этого будет достаточно? Был шанс узнать, но этого я ей не предложил.

Запустил свободную пятерню в волосы и сжал. Не пацан ведь — нужно отвечать за свои поступки, тем более, что хочу ее вернуть.

— А как там все? — не успел заговорить, как раздается Юлин голос из-за спины.

Она оказалось решительнее, чем я, хоть и говорила не о том.

Усмехнулся, последний раз затянул в себя сигаретный дым, вжал окурок в стекло пепельницы и обернулся.

Родная...

Такими глаза на меня глядела сейчас, что не залипнуть было невозможно. А еще помечтать, что возвращаюсь с работы, а она вот такая завернутая в одеяло с кружкой чая ждет меня на диване.

Косметика и прическа только из образа выбиваются, а платье спрятано в пуховых

складках.

— Про кого тебе рассказать? — уточняю.

— Даже не знаю... — неуверенно дергает плечом и отводит взгляд в сторону.

Нет, не хочу так. Больше нравилось, когда на меня смотрела.

— Про Любу ты знаешь, — решаю начать хоть с чего-то, — Лена и Леля по прежнему работают в фирме, только, не поверишь, стали более ответственными, им даже подопечных поручают сейчас.

У Юли удивленно взлетают брови, а губы трогает едва заметная теплая улыбка.

Так уже лучше.

— Аня возглавила ваш отдел. Григорий ушел из фирмы отца, Дава забрал Григория к себе в отдел у Прохора в компании. Варя тоже ушла из фирмы, но у нее в целом сейчас что-то неясное происходит в жизни.

— Вау, неожиданно. А как Игорь Валентинович?

— Практически отошел от дел. Передал управление Антону, а сам навещает фирму больше от скуки, чем от необходимости. Врач ему прописал покой, но сидеть без дела совсем он не может.

— Врач? Что-то серьезное?

— Инсульт, — киваю.

— О, Господи, как он? Когда это произошло? — если раньше в ее глазах отражалось беспокойство, то сейчас неприкрытый страх.

— Нормально, не волнуйся, — подался вперед, пока она не соскочила со стула, — он уже восстановился. Но в таком вопросе слова “полностью” не бывает, поэтому врач настаивает на покое, но отцу не сидится...

А вот теперь час икс, как говорится.

— ... а случилось — через три недели после твоего отъезда.

И реакция пошла — удивление, шок, а потом, будто поиск решения сложной математической задачки, варианты прошлого...

Я не хотел на это смотреть. Отвернулся к окну, снова закурил и продолжил рассказывать, только теперь она молчала.

— После того, как... тебя выгнал, я пил в офисе. Я не чудовище, каким ты меня считаешь, и та ситуация не далась мне легко. Но проясним один момент, — обернулся, ловя ее взгляд. Я должен убедиться, что она мне верит, — с Кариной я тебе не изменял. Я валялся бухой в кабинете, когда по звонку сестры прилетела Карина и пыталась уволочь меня к себе и она же ответила на твой телефонный звонок. Увезти меня ей никто не дал и она просто уехала. И не смотри на меня так, — усмехнулся на ее прищуренный взгляд. Будто в голову пыталась пробраться, чтобы узнать соврал или нет, — я сам ничего не помню, мне все это поведал Прохор, а ему резона не было врать.

Ее взгляд прояснился — поверила. Только это было еще далеко не все. Снова отвернулся.

— После того, как ты ушла из фирмы... через час или два, я послал парней к тебе на адрес. Еще не знал виновата ты или нет, но хотел поговорить... узнал, что ты уехала с Васей. Просто думал, что ты с ним сбежала. Запил, сильно, на несколько дней. Когда очухался, понял, что натворил, помог закончить с расследованием и занялся твоими поисками. Но в больницу попала сначала сестра, потом отец, а потом и я.

И снова не повернулся — больше всего не хотел видеть в ее глазах жалость. И чтобы

вернулась из той же жалости тоже.

— Арина восстановилась быстро. Я через несколько месяцев, но отец еще был в плохом состоянии и нужно было спасать фирму... в общем завертелось все и потом я не рискнул даже справки о тебе наводить — увидеть, как ты счастлива с другим не смог бы, — только сейчас понял, какой был дурак, что не стал этого делать.

Да мы не были бы вместе год, полтора, но не три, как сейчас. Где вообще были мои мозги, когда посчитал, что она уже может быть с другим? Да все просто — я и представить не мог, что за столько времени никто не пробьется к ее сердечку и не сможет сделать ее счастливой.

— Ты считаешь, что я после тебя сразу должна была прыгнуть на кого-то другого? — раздался за спиной женский голос с явной обидой. — Ах, ну да, раз у меня с тобой так получилось...

Юля завелась и ее понесло, только не в ту сторону.

— У НАС так получилось, — развернулся, пресекая ее попытку напридумывать того, чего нет, — потому что я не смог пройти мимо тебя, а не то, что ты себе успела навоображать. И да, я искренне не понимаю, где были глаза мужчин вокруг, что они не стали добиваться тебя. И я уж точно не думал, что женщина, которой я сделал так плохо, будет столько страдать из-за меня.

— Ты слишком самоуверен, тебе не кажется? — фыркнула в ответ, отгораживаясь. Не понравилось, что снова полез к ней в душу. Не хочет подпускать. А я по другому не могу — без нее не могу.

Я и сам подышал без нее, так же, как и она закопался в работе, не давая себе и секунды продыха, и так же не видел ничего вокруг, пока снова не встретился с ней.

— Тогда скажи мне, что ты счастлива. — подошел ближе, оперевшись в подлокотники стула, на котором она сидела и склоняясь ближе к ее лицу. Не удержался, провел носом по щеке, вдыхая ее запах. — Скажи, что не упухивалась весь день на работе, чтобы вечером сразу заснуть от усталости. Скажи, что твоя подушка не страдала от одиноких вечеров. Потому что я готов был выть от тоски по тебе. Оглянулся и понял, что потерял единственную девушку, которую любил.

Наклонился к самому уху и отчетливо слышал насколько поверхностных и прерывистым стало ее дыхание. Будто задыхалась.

— Решил пожалеть меня? — шепнула зло, будто и не слышала моих последних слов.

— Себя я решил пожалеть, — прорычал в ответ. Она не слышит меня, будто со стеной говорю, — вот такая я эгоистичная сволочь. Понял, что схохну, если не верну тебя.

Заглянул в ее омуты, а там сомнения, страхи и нерешительность, и ничего живого или теплого от моих слов. Будто перед ней серийный маньяк-убийца с ножом наперевес клянется, что она не следующая его жертва.

Как же мне достучаться-то до тебя?

Сжал хрупкие женские плечи, вынуждая смотреть мне в глаза.

— Я люблю тебя, слышишь? Я ошибся. Облажался конкретно. Предал твое доверие, но я прошу всего один шанс.

Замер, вглядываясь в родные, до боли знакомые омуты.

— Извини...

Сел на пол у ее ног и с силой растер лицо, будто это могло помочь стереть все, что сейчас услышал, а хотелось прижаться к ней и чтобы своими пальчиками зарылась мне в волосы. Она и сама не догадывалась, как я в такие моменты кайфовал и готов был мурчать и подставляться под ее руки, как офигевший от ласки кот.

Вот только этого нет и я не представлял, что еще мне ей сказать? Словно долблюсь в наглухо закрытую дверь. Только было подумал, что появился просвет и вот снова плотное бесчувственное полотно перед носом.

— Ты выкинул, даже не дав тебе ничего объяснить. А сейчас говоришь, что любишь и любил, что не мог без меня, но тебя не было три года, — Юля встала из-за стола и заняла место у окна, где еще совсем недавно стоял я.

И говорила так тихо и спокойно, что... лучше б кричала.

— А тебе было бы легче, если б ты встретила мужчину, у вас бы все хорошо складывалось и тут я — “Здравствуй милая, я хочу тебя вернуть и плевать на то, что у тебя сейчас происходит в жизни”? — объясняться решил с последних ее претензий. — Так было бы честно по отношению к тебе, скажи?

Да, в итоге, ошибся, но Юля имела право попробовать жить и без меня. И сейчас уже не важно, как бы к этому отнесся я, важно, что она могла попытаться стать счастливой.

Юля не ответила. Так же молча смотрела в окно, только плечи опустились, будто на них свалили неподъемную ношу. И то, что било больнее всего — эту ношу скинул на нее я.

— Ну почему ты не мог тогда со мной поговорить? — простонала на грани крика. Подскочил к ней, обернул к себе, но было поздно, ее разбила истерика. — Выгнал. Не стал слушать. Кидался обвинениями в которых я ничего не понимала. Почему? Почему? Почему?

Она не плакала, она злилась. Одеяло слетело на пол, а Юля без разбора стучала по мне кулачками. Пыталась, чтобы я хотя бы физически ощутил ту боль, что была у нее на душе.

Мне это было знакомо... поэтому не сопротивлялся. Терпел удары и ждал, когда выдохнется. Ей это надо. По себе знаю, еще помню, как сам переносил это. Как едва выйдя из больницы пропадал то на работе, то возле боксерской груши. И отовсюду меня вытаскивал Дава, впрочем безрезультатно.

А Юля вообще позволяла себе выдохнуть? Подозреваю, что нет. Олеся хоть и рассказала мне многое, но далеко не все. Всю самую жуть, предчувствую, в своей душе Юля прятала и никому не показывала. А сможет ли мне когда-нибудь довериться и рассказать? Сложный вопрос. Доверие не простая штука, не строиться на пустом месте, легко разрушаема и сложно восстанавливаема.

Минута, пять, десять — не знаю сколько это продолжалось. Последний надсадный вздох и Юля уперлась лбом мне в плечо, уронив руки словно плети, а все тело обмякло. Прижал к себе, не давая упасть и зарылся лицом в ее волосы, на секунду позволяя себе насладиться ее близостью. Урвать хоть кусочек ее тепла.

Гладил ее спину, через гладкую ткань платья, пропускал через пальцы волосы давно растрепавшиеся из прически и просто дышал с ней одним на двоих воздухом.

— Ну почему ты со мной тогда не поговорил? — прошептала уже на грани слышимости.

А вот и час икс. Пора срывать замки и обнажать то, что за ними было спрятано. Думал, что вполне можно жить не выворачивая душу наизнанку, вот и поплатится. Тремя годами

вдали от любимой женщины поплатился.

— Потому что струсил...

— Очень смешно, — выдавила Юля со слабой грустной усмешкой, отталкиваясь от меня.

Отпустил только на полшага, но рук от нее не убрал, чтобы могла глаза мои видеть. Видеть и смотреть на всё, что собирался ей показать.

— Это правда.

Чертовски хотелось закурить, только не мог отойти. Не сейчас.

Подхватил Юлю, усаживая ее на подоконник, зажав между своих рук, расставленных по обе стороны от ее бедер.

— Я боялся, что ты не выдержишь рядом со мной. Развернешься и уйдешь. С самой первой минуты, как понял, что хочу тебя себе не мог отделаться от этой мысли.

— Что? — изумленно воскликнула Юля. — Что за ерунда? Согласилась быть с тобой, чтобы тут же уйти?

Из ее уст звучало, как бред, а в купе с потрясенным лицом а-ля “дурак что-ли?”... я просто не мог сдержать улыбки, хоть и повод был совсем не подходящий.

Почему-то то, что я собирался произнести вслух, в голове звучало куда более адекватно. И вот сейчас, я не знал, как это сказать.

Я тоже обжегся в прошлом, не так как Юля, но так же ощутимо. Вот только Юля пострадала уже дважды и из-за того, что я прятал то, что горело внутри ото всех вокруг. А я, даже зная, как у Юли получилось с Антоном, не смог уберечь ее и сделал снова больно.

Юля появилась на моем пути, как чудо. В тот момент, когда я порядком потрепанный, собирался пожить вдали от кипиша цивилизации. Помочь отцу и уехать на пару месяцев в глушь, даже местечко присмотрел, было моим планом. Пожить отшельником, подумать, переосмыслить...

И ничего не предвещало беды, если бы не девушка, в шикарном платье, кажется идеальная во всем, начиная от пальчиков на ногах, заканчивая кончиками волос, но в глазах которой в тот момент была такая боль, которую я чувствовал физически, даже стоя в отдалении от нее.

Тогда в клубе, когда впервые увидел Юлю внутри что-то дрогнуло. Это отнюдь не любовь с первого взгляда — с первого взгляда было желание оберегать. Да и со второго тоже, когда на нее орал отец, а Арина, не смотря ни на кого, ластилась к Антону. Сам не понял, когда стало все меняться — не успел опомниться, как оказался уткнувшимся в колени этой женщины.

А там, на пороге клуба, еще в глаза ни разу не видел Юлю, был далек от этого, как северный полюс от южного. Ни о каких чувствах не могло быть и речи, когда я сам едва расстался с невестой.

Карина. Она была той, с кем я собирался связать свою жизнь.

Мои родители были примером семьи для меня. Я считал, что только так, как у них правильно и должно быть. Я хотел так же. И все складывалось. Я встретил Карину, ангельски красивую, нежную, милую, притягивающую к себе всех вокруг. После нескольких месяцев отношений, я сделал ей предложение.

Карина захотела красивую свадьбу, а я согласился. Почему бы и нет, если это ее порадует? Вот только на все подготовки, оказалось, нужно не меньше года. Платье от кутюрье, у которого запись на полгода вперед, старинный особняк для проведения свадьбы,

который нужно резервировать за год до назначенной даты, именитый шеф-повар и медовый месяц, где я собирался отдохнуть вдоволь с уже обретенной женой от напряженного года. А он именно таковым и должен был стать — все, что мы с Кариной запланировали, требовало немало денег. Много денег равно много работы.

С этого все началось и стало камнем преткновения. Я мог уехать с утра, как обычно, на работу к восьми утра и пропасть на две недели. Разумеется, пропадал ни без вести — звонил и предупреждал, но все, что мы могли запланировать на эти две недели летело в тартарары — походы в клуб, праздники друзей, дни рождения, вечера наедине друг с другом. Одному Богу известно сколько их сорвалось за тот год, но командировки это часть работы, которой стало на порядок больше.

Я прошел весь путь от “конечно, милый, я все понимаю”, до “я, как дура, была там одна” и “ты со своей работой совсем не уделяешь мне время”. А однажды, возвращаясь из командировки, не застал Карину дома. Она вернулась ближе к ночи со свидания с бывшим поклонником с букетом цветов и в тот момент я перестал видеть в ней ангела.

Розовые очки могут разбиться не только у юных наивных девушек, у любого, кто решится поверить.

— Ты мне предлагаешь дома постоянно сидеть и ждать тебя? А мне нужно внимание, комплименты, мне нужна романтика и свидания, а не отписки, что тебя отправили в очередную командировку. Каждой женщине это нужно, иначе она зачахнет. Но чтобы ты понимал, я не изменяла тебе, даже поцеловать себя не позволила, просто провела хороший вечер в приятной компании. Неужели я этого не заслужила?

Конечно не обязана сидеть дома и наверное, заслужила, только меня это не устраивало.

Я тогда впервые понял, что Карина — это солнце. Красивая яркая звезда, которая для всех и которую не сделать только своей. Солнце не сможет светить только для одного, что ты для этого не делай...

Я не мог дать Карине то, что она хотела и в том количестве, в котором она хотела, а она не была готова согласиться на меньшее. И я отменил свадьбу.

Только слова “каждой женщине это нужно” плотно засели в голове. И проблемы, навалившиеся на фирму отца, вынуждающие меня торчать в офисе сутками, выкручивали по живому от тупого ожидания — еще немного и Юле это тоже надоест. Думал, что поехал крышей, когда вместо разноса за то, что не приехал к ней, как обещал, она сама приехала в офис и привезла кофе. В тот момент окончательно осознал, что отпускать ее нельзя.

Оказалось, что стакан кофе и нежные женские пальчики, мягко путающиеся в твоих волосах — это все, что нужно для того, чтобы сворачивать горы.

Только сейчас понял, что это он, тот момент, когда я окончательно и бесповоротно пропал в этой женщине.

Как оказалось мало нужно для счастья — просто понимание и поддержка. И как на них легко взлететь, словно за спиной появились мощные крылья и так же легко разбиться от одной фразы — “Бросай свою обожаемую Аришу Антон, и возвращайся ко мне”.

— А когда ты попросила поговорить, — усмехнулся, заканчивая свой рассказ, — так и представлял, что скажешь “ты мало уделяешь мне внимания, а женщинам оно так нужно”. Туда же плюсом наложились и ревность, и якобы доказательства твоей виновности в сливе информации... Прости меня.

И только сейчас понял, что Юля смотрела куда-то сквозь меня. Сцепил руки у нее на поясице прижимая к себе ближе, но она не среагировала.

— Юль, я не ищу себе оправданий, да и быть их не может. И я не хотел тебя обижать. Просто так боялся потерять, что сам же и прогнал. Я потерял три года, которые мог бы провести рядом с тобой и поверь, я усвоил этот урок. Еще тогда понял, какую глупость сделал, но когда увидел тебя с племянницей на руках... на ее месте могла бы быть наша девочка. Я до одури хочу увидеть нашу с тобой дочь, — шепнул, наклонившись к самому ее ушку с удовольствием наблюдая, как по ее рукам побежали табуны мурашек.

А она все молчала. Думала и я ее понимал. Есть о чем. Осмыслить, понять и... принять. С каждой минутой ожидание становилось все тяжелее.

— Я не представляю, как оно все будет, — наконец подняла на меня свои подернутые дымкой глаза.

А мне чертовски понравилось ее это “как оно все будет”. Это ли не согласие?

Она дает шанс. Шанс же?

— Ну, точно не просто, — вздохнул прислонившись лбом к ее лбу, глаза в глаза. Врать и обещать небо в алмазах прямо здесь и сейчас, глупо, — Юль, я не хочу обманывать, я не ангел, есть вопросы в которых я не буду спрашивать, а буду делать и моя работа... командировки... это никуда не денется. Но, Юль, такую глупость, как в прошлый раз больше не совершу. Никогда больше не прогоню и не отвернусь. Я люблю тебя и это не пустой звук — просто поверь.

И я сам не понял, уговариваю ее быть со мной или отговариваю, но хотел чтобы она понимала к чему быть готовой.

— Что сказать, — вздохнула, когда я уже не надеялся услышать ответ и ее взгляд стал осмысленным. Улыбнулась. Теплая волна затопила меня всего с ног до головы, — Тебе придется смириться с неусыпным контролем моего отца. Готов?

— Ко всему готов рядом с тобой... — выдохнул и впился в ее губы, обезумев от радости и любви к этой женщине.

*****

Юля.

— Дочь, я так понимаю, ты простила? — я сидела в родительском доме на веранде с отцом.

Официальное знакомство Саши, как моего жениха — на меньшее он был не согласен — с моей семьей, больше напоминало допрос. Случилось оно правда только через полторы недели, после благотворительного вечера. Все это время мы сидела безвылазно в квартире — разговаривали, дурачились... знакомились заново.

Первым на экзекуцию к папе ходил Саша, а вот теперь, моя очередь.

— Да, пап, простила, — кивнула, расплываясь в счастливой улыбке.

— Уверена?

Уверена.

Кто-то порадует за нас. Кто-то скажет глупость. А я? А я просто готова рискнуть.

В тот момент, когда я слушала его с Кариной историю, словно со стороны видела свою историю с Антоном. Да, вроде ничего общего, но все же есть сходство — и я, и он примерили опыт прошлых отношений друг на друга. С Сашей все очевидно, а я... услышала голос его бывшей девушки по телефону и все, больше связаться с ним не пыталась. А что я тогда услышала? Просто слова обиженной девушки.

Но это же глупость. Как глупость, что я могла после всего, что у нас произошло с Антоном вернуться к нему, так и то, как во время, неприятностей в фирме Саша потащился

бы к Карине. Но ни Саша, ни я, об этом не подумали.

И еще одна причина, по которой я хочу попытаться построить отношения с ним снова — я точно знаю, что пожалею, если не дам нам шанс.

Мне хочется быть рядом. Не могу пройти мимо него, когда он на кухне готовит завтрак, чтобы не прижаться к его широкой спине, не могу заставить себя выбраться из его объятий, если просыпаюсь раньше его и не могу остановить себя, когда он целует и затягивает меня в свои объятия при каждом удобном случае. Просто я тоже его люблю.

— Я поддержу любое твое решение, но глаз с вас не спущу, — погрозил папа пальцем.

Усмехнулась — как будто я не знаю. А еще прекрасно понимаю, что как бы не сопротивлялся и не бурчал, Сашу он примет.

Просто я его люблю. Жизнь с этим мужчиной — мой выбор.

Глава 55. Заключительная

Два года спустя

— Твой муж снова опаздывает? — рявкнул папа, заглядывая на кухню, где мы женской половиной нашей семьи — я, мама и Леська — заканчивали готовить закуски.

Мой папа, отец Саши, Игорь Валентинович и Петя, развлекали ораву детей в саду и разжигали мангал.

— Не кричи, — строго шикнула на него мама, глазами кивая в сторону гостиной, где на диване маленькая королева, соизволила таки поспать сегодня в обед.

Маша. Маленькая звездочка. Наша с Сашей доченька.

Собственно та, ради которой мы все и собрались. Ей сегодня годик. И пока все упорно готовятся, а она спит, ее папа “задерживается”.

Я даже выявила систему: “буду вовремя” — опоздание до получаса, “немного задержусь” — от тридцати минут до полутора часов и “опоздаю” — тут как правило можно даже не ждать. Удивительно, что сотрудники при этом считают его до ужаса пунктуальным.

К счастью полгода “опоздаю” я не слышала, но задержки случались часто. Все от того, что шеф моего мужа, Геннадий Юрьевич, сделал подарок на свадьбу — муж не знал радоваться или плакать — “дочку” своей фирмы Прохоров отдал в управление Саше и Давиду. С одной стороны хорошо, командировки практически сошли на нет, а с другой, открывая дочернюю компанию с нуля, Саша практически жил на работе.

Прибавьте туда и то, что поженились мы на третьем месяце моей далеко не легкой беременности. Леська всем говорит это от того, что “мужика надо было помуржить”, на самом же деле, по щелчку пальцев взять и восстановить все как было, оказалось не так уж и просто. Да и много ли мы успели настроить три года назад? Разумеется нет. Зато острых углов в нашем союзе оказалось ох как не мало. Дом или квартира? Город или пригород? А самое интересное — какой город? Мне, как оказалось уже беременной, категорически не хотелось никуда уезжать из города, где жили мои родители и Леська с семьей, а Саша не мог остаться здесь. Он с завидным упрямством колесил между двумя городами, пока в очередной свой приезд, погрузив меня в машину, не повез смотреть дома, чтобы успеть обжиться в нем и сыграть свадьбу. Думается мне, что уже тогда он знал о своем новом назначении, а вот моя беременность точно стала сюрпризом.

Видит Бог, если кто-то еще и сомневался в Саше, то моя токсикозно-нервно-слезная беременность параллельно с открытием фирмы переубедили кого угодно. Это было жестокое испытание на прочность, которое мой муж, как-то чудом прошел.

За эти месяцы, моим обычно язвительным папой, в сторону Саши не было брошено ни одной подколки. Леська, считающая, что мужчин нужно держать в тонусе, откровенно и искренне сочувствовала, а Петя, с подозрительной регулярностью, привозил “бедному мужику”, коньяк.

В день родов все вначале выдохнули от облегчения, что мои беременные заскоки закончились, а только потом порадовались появлению дочери и внучки.

И вот сегодня нашей малышке уже годик.

Игорь Валентинович приехал еще накануне днем и, как и во все свои приезды, остановился у моих родителей. С папой у них тесные-дружеские отношения, подкрепляемые совместной рыбалкой и охотой. Я с ним увиделась за неделю до нашей с Сашей свадьбы и он

извинился за ложные обвинения, хотя на мой взгляд, был не так уж и виноват. И думается мне, что скоро Игорь Валентинович и вовсе переберется жить к нам поближе, его фирмой прекрасно управляет Антон, а сам владелец вполне комфортно чувствует себя на удаленке.

Ну, а Саша сегодня задерживается только потому, что встречает в аэропорту, крестного нашей малышки — Давида. Папа об этом знает, но бурчать на зятя — неискоренимая привычка.

По телефону нас позвонили и поздравили Гриша, который черт бы его побрал оказался в какой-то степени “родственником” Петру и Анютка. И, как и на все праздники, даже те, которых не существует, начиная с выписки из роддома, пришла большая подарочная коробка без открытки, письма или хотя бы подписи, из Америки.

Это весточки от Арины. Что с ней все хорошо, мы понимаем только по посылкам, которые приходят мне, Саше и Игорю Валентиновичу на дни рождения и новый год, а Маше раз в несколько месяцев. По другому связь она ни с кем не поддерживает и где она сама, мы не знаем. Как она узнала, где живем мы, не представляю.

В таких коробочках милые сердцу вещицы, что-то из разряда, без этого можно и обойтись, но хочется... она и покупает. И заметно, выбирает с особой теплотой, с какой не сможет уже никогда выбрать своему нерожденному ребенку. И каждый раз открывая такие коробочки, подолгу сижу возле них, прокручивая в мыслях то, что произошло.

Я не была идеальной, Арина тоже не была ангелом, но сегодня мне бы очень хотелось сказать ей “спасибо”.

Гнусно и грязно тогда получилось? Да. Только в этом никто не виноват. Так сложилось и мы обе получили жестокий урок. Но она... девушка, которую я ненавидела, за то, что отняла у меня любимого человека, подарила мне другого, без которого я больше не представляю своей жизни. Если бы не Арина, того, что я имею сейчас, просто бы не было — я бы не ушла от Антона и не позволила бы себе даже взглянуть на Сашу, а сейчас все так, как я не могла и мечтать.

Игорь Валентинович жарит самый вкусный шашлык, мои папа и мама играют с внуками, пока Леська с Петей спрятались за беседкой, якобы играя в прятки вместе со всеми, на самом деле целуясь, тут же рядом со мной, сладко причмокивая губками-бантиками, спит моя доченька, а по тропинке к нашему дому с огромным букетом и широкой улыбкой идет самый лучший на свете мужчина.

Наш с Машей оплот. Лучший муж и отец. Моя любовь.

Спасибо вселенной за этого мужчину. За всех мужчин. Которые любят, берегут, порой ошибаются, но которые делают нас счастливыми!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net